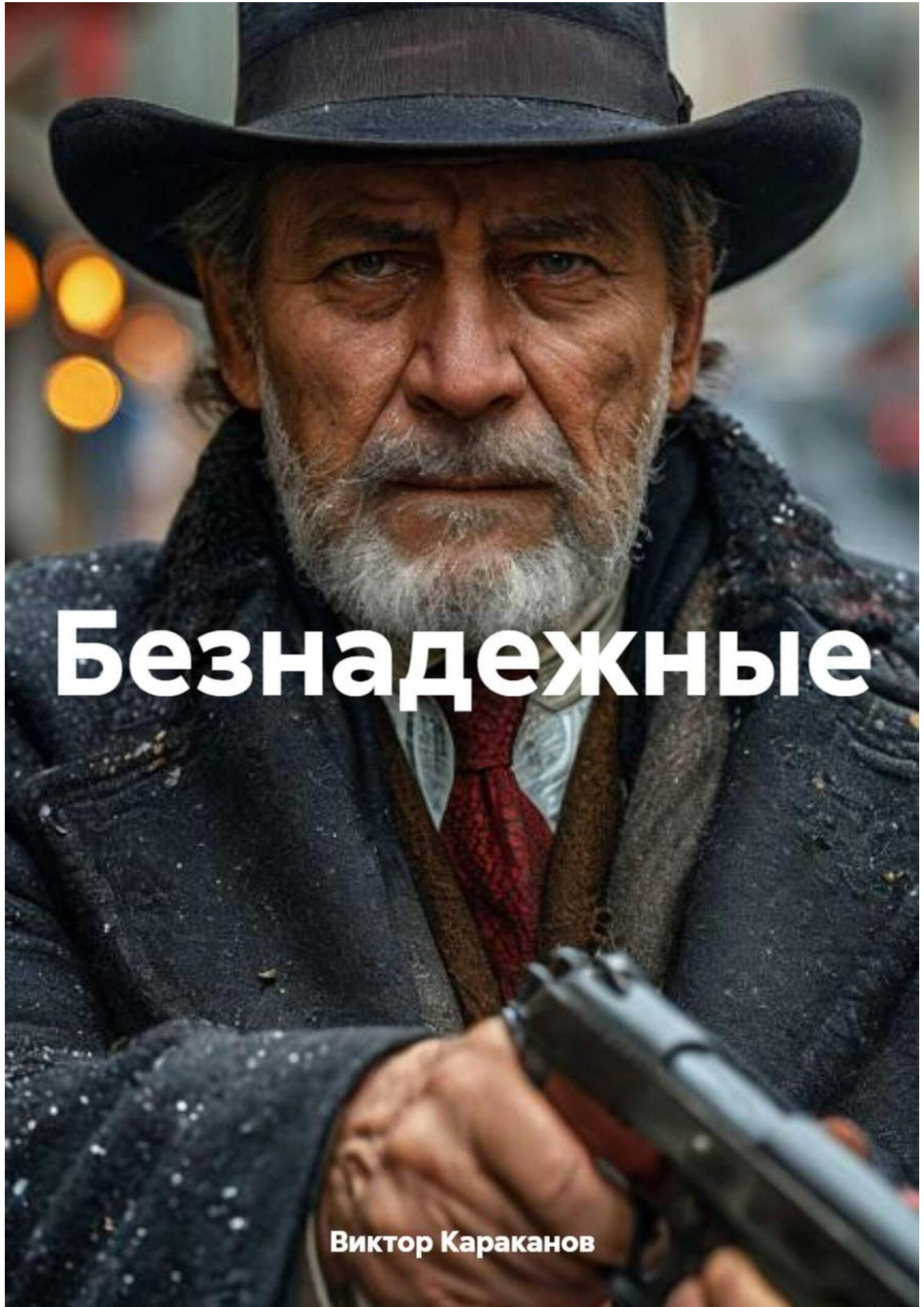

Безнадежные

Виктор Караканов

Виктор Караканов

Безнадежные

«Автор»

2025

Караканов В.

Безнадежные / В. Караканов — «Автор», 2025

Эта книга основана на реальных событиях и повествует об отважном и бескомпромиссном борце с масштабной вредительской и глобальной грабительской деятельностью бюджетных средств мафиозных структур на стратегических объектах государства, а также о пугающей деградации нашего общества. Имена персонажей изменены.

© Караканов В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

85

Виктор Караканов

Безнадежные

Моему отцу, вечному труженику, посвящается.

*Наружный блеск рассчитан на мгновение,
А правда переходит в поколения...*

И.В. Гёте «Фауст»

Часть первая

Вредители

*«Кто потешал бы нашу молодёжь?
В согласье с веком быть не так уж мелко,
Восторги поколения не безделка
На улице их не найдёшь»
И.В. Гёте*

I глава

«Пергаменты не утоляют жажды

*Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвётся мыслью каждой,
В своей душе находит их родник»
И.В. Гёте*

1

Этот обычный февральский и ничем не примечательный день 2004 года с тихой пасмурной погодой, слабенькой позёмкой и лёгким морозцем с утра выдался довольно колготным, и перед дальней дорогой Рубицкому Олегу пришлось изрядно побегать по магазинам и рынкам. И сейчас он невольно отметил, что в день его отъезда куда-нибудь надолго всегда была такая погода, как правило дождь, а в день приезда солнечно. До отправления поезда осталось чуть более двух часов, когда закончились все приготовления. Проводить его приехали старший брат Виктор с женой и сын Кирилл с Владиком – его двоюродным по матери дядей. Все вопросы он решил, кроме формальностей, связанных с дальнейшим содержанием его квартиры, для чего и передал брату все комплекты ключей.

А с живущей с братом матерью он попрощался позавчера, заехав к ним после того, как приобрёл билеты. От озвученного им решения – вернуться на Север – она оказалась, мягко говоря, не в восторге, и этому у неё, как всегда, были веские аргументы. Ведь не прошло и трёх лет, как им с братом с трудом удалось уговорить её продать там же, на севере квартиру и переехать к ним.

Прожив в Светлоярском более двадцати трёх лет, она привыкла к тому компактному красивому городку, где всё, что необходимо для комфортной жизни, находилось в шаговой доступности, поэтому и долго не соглашалась. Позже по этому поводу она неоднократно высказывала свои упреки, жалуясь на жаркий и совсем неподходящий ей здесь климат. Так и в этот раз она хлестанула: «Да я так и знала, знала! Ну вот зачем вы выдернули меня из моего гнездышка в это пекло? А вот теперь ты сам туда уезжаешь. Да я знала, я чувствовала, что ты не будешь жить в этой сахаре». И единственным контраргументом Олег нашёлся лишь сказать, что едет совсем в другое место, лукаво ссылаясь на производственную необходимость и ещё на очень хорошую перспективу, даже будучи уверенным, что всё это её, конечно же, совсем не устроит. А вообще-то с ней всегда и кому бы то ни было крайне тяжело спорить о чём угодно. Пережив страшные фашистские бомбёжки в тринадцать лет и пройдя не менее тяжёлый трудовой путь, и к тому же обладая твёрдым волевым характером с удивительно жёсткой прямоотой и далеко не женской железной логикой, базирующейся на беспримерно богатой начитанности, она любого оппонента может поставить в незавидное положение. Он не припомнит случая, когда бы с ней кто-то попробовал поспорить повторно. А являясь общительным человеком, она всегда готова не только поддержать разговор практически на любую тему, но и очень удивить своей осведомлённостью в той или иной области, а глубину её познаний истории он не может с кем-то сравнить. Её воистину феноменальная память и, как следствие, точное знание любых исторических фактов с уникальными подробностями, особенно степень родства европейских и, разумеется, наших царственных особ с времён Древней Греции и биографий других выдающихся деятелей, никогда не перестают удивлять его и очень многих людей.

И уж совсем невозможно не восхищаться её потрясающими рассказами о военном прошлом. Чтобы хоть как-то отвлечь от голода себя, своих младших братьев и сестёр и соседских сверстников, она подолгу днями и вечерами практически наизусть рассказывала им «Всадник без головы», «Капитан сорвиголова» и почти наизусть романы Джека Лондона, Конан Дойля, а разные сказки тем более.

Учась еще в начальных классах и испытывая трудности с запоминанием текстов и даже стихов, Олег просто не мог поверить в такие чудеса и очень переживал, завидуя ей. Пришлось даже интересоваться у её сестёр. А когда тётки подтвердили, что сами не раз сверяли и действительно обнаружили почти дословное совпадение, он огорчился ещё больше. Но в то же время обнаружив у себя способности в арифметике, он стал усиленно развивать их и в итоге добился неплохих результатов, постоянно занимая одно из первых мест на олимпиадах, в том числе по физике и химии, но чаще второе и только из-за своей чрезмерной самонадеянности, делая пустяковые неточности. Но решал он задания быстрее всех, что всегда было очевидным.

И этой базы ему хватило, чтобы легко закончить институт, за что он очень благодарен ей за такую наследственность, как бы считая их квитыми.

А его отец, проработавший всю жизнь прорабом, ни разу даже не обмолвился о своих каких-то завидных способностях. Но по его очень красивому, аристократическому почерку с крупными, идеально ровными и изящными буквами, всегда заканчивающимися размашистыми элегантными окончаниями, скорей обозначающими собой, что именно вот так и должна выглядеть она, Олег сразу стал понимать, что таким достоянием не может обладать заурядный человек с неполным-то средним образованием.

А самое важное то, что каждые выходные, работая дома от зари до зари, отец постоянно и совсем ненавязчиво приучал его к труду почти с пелёнок. Ещё до того, как Олег помнил себя, отец уже успел построить почти подряд два красивейших и, совершенно точно, лучших в округе дома и почти всё своими руками. Сначала он, конечно, только наблюдал за работой отца, потом помаленьку стал помогать ему и уже тогда понимал, и всегда восхищался безупречным качеством выполненных им работ. Какой-то особенной, художественной резки по дереву в

отделке не было, но всё было сделано и делалось настолько добротнo, качественно и надежно, что глаз не оторвёшь.

Олег хорошо помнит, как, когда ему ещё не было и пяти лет, они с друзьями играли в спартанцев, и он сам, разумеется, только одним ножом выстругал себе меч. Вечером отец увидел его, покрутил и ничего не сказал. А утром взял брусок из берёзы и на его глазах выточил топориче для его же маленького топорика – изделие довольно сложной горбато изогнутой формы и непростого клиновидного сечения, плавно переходящего в закругленный набалдашник на конце. А весь цимус состоял в том, что отец ваял его исключительно кусочком стекла, поэтому и не было на нём ни единого заусенца. Абсолютно идеально. А мелкой наждачкой он потёр его только для проформы. Просто положено. Но этого хватило, чтобы через два дня у Олега уже был подобно изготовленный меч и естественно собственного труда. Тогда уже отец похвалил, но не его, а меч!

А чуть позже у него уже был свой почти полный набор детского столярного инструмента. И где-то начиная с этого времени всё хозяйство по дому, кроме стирки и кухни, конечно, просто «висело» на нём вплоть до восьмого класса, пока они всей семьёй не уехали на Север.

Летом ежедневный уход за скотиной и огородом. Одной только поливки на полвечера. А воду ему приходилось таскать из бака ведрами и в среднем за двадцать метров, на что уходило пара тонн, точно. А зимой постоянная борьба со снегом и обогрев дома. Зимы тогда в Сибири были морозные и снежные. Утром встанешь, снегу по колено, не меньше, да и то очень редко. Туалет в дальнем углу усадьбы. Кто? Конечно Олег, больше никому. Родители на работе, брат в школе. Вот он за лопату и вперёд. Отопление водяное, разморозить недопустимо! И так каждый день. А главное, что его никто и никогда даже не просил об этом. Вспоминает и сам не верит.

Однажды, отец вечером предупредил его, что завтра привезут уголь, и наказал расчистить снег. Утром встал и сделал. Через часок подъехал старый ЗИЛок, ещё тот, с острым носом и круглым кузовом, и вывалил три тонны. Куча парит, ведь уголь был ещё тёплый и влажный. Чтобы не замёрз, он опять за лопаты, что ж он не мужик что ли! А уголь хороший, как на подбор, весь размером с кулак, чуть больше – то самое, что нужно и по его заказу, ведь он же за печкой следит. Лопаты – две подборки: одна обычная небольшая прямоугольной формы, а вторая сердечком, большая. А окно в углярку чуть выше его головы, но он же не дурак, чтоб махать в два-три раза больше, конечно, взял большую, она и вонзается легче. Через пять минут с него пар столбом и больше, чем от того угля. Спешит, чтоб уголь не замёрз. Вдруг, соседу через дом, деду Елизару, тоже привезли и высыпали целый МАЗ, ещё тот, что с длинной «мордой» и с зубром на капоте, не менее пяти тонн. Он спешит, скоро в школу, а осталось где-то ещё с полмашины.

Прошло десять, пятнадцать минут, там никто не выходит, а парит ещё больше. Он бросает лопату, идёт смотреть. А здесь уголь ещё более влажный и половина – одна пыль, а вторая – глыбы. Выходит тот дедушка-инвалид, без руки, и говорит, что не ждал, ведь привезли как ветерану, бесплатно, поэтому и без предупреждения. А его сына дома нет, то ли на работе, то ли ещё где. Понятно, что дело швах. Побежал Олега, быстрее забросал свой уголь. Закончил, прибежал и принялся за этот. Всё, кроме крупных глыб забросал до того, как начало темнеть. Пришел, а верней еле-еле добрёл к себе и помнит только, как открыл калитку, лопаты выскользнули у него из-под мышек, потому что в ладонях держать их он уже был не в состоянии, пальцы не слушались, и больше ничего.

Утром мать спросила, почему не встает, а он и пошевелиться не мог. Всё, что может болеть, болело страшенно. Молчит, он же школу пропустил. Кое-как встал, чтобы ничего не заподозрили. Просто не мог он допустить, чтоб та чёртова угольная пыль замёрзла, ведь тогда уже хорошо знал, что потом её ни кайлом, ни тем более кувалдой не возьмёшь. Кувалда будет её только слегка проминать или вообще отскакивать рикошетом. И кайлом её тоже не пробить, это ж не какой-то там мягкий и хрупкий лёд, во всяком случае, для него, десятилетнего пацана.

И именно поэтому он тогда так сильно испугался, что им придётся потом мучиться с этой замёрзшей проклятой пылью, потому как вся та куча превратится в одну сплошную глыбу, и останется только ждать тепла или искать отбойный молоток, которого ни у кого не было во всем поселке, что он тоже знал.

Через несколько дней родители, конечно, всё узнали от соседей, но ни хвалить, ни ругать не стали. А за что? Конечно, не за что! А вот соседи, как назло, как только увидят его, так и начинали охать да ахать и хвалить. А он-то уже знал поговорку – «хвали-хвали, да не пере-хвали», убегал. Он не стеснялся, нет, а просто боялся и даже очень сильно, что сглазят. И кто тогда будет дом содержать? Брату некогда, он занятой, круглый пятёрочник, его трогать и отвлекать нельзя, отец запретил, и на уме у него уже одни девочки да книги. Поэтому он и не может терпеть никакой хвальбы с детства. И именно поэтому он с тех пор глубоко убеждён, что пацаны должны жить, а верней вырастать только в своём доме, где работы всегда непочатый край, и всю её не переделать никогда. И такой случай был не один, частенько так он помогал и друзьям.

А ключевую роль в его жизни сыграл всего лишь один – единственный утренний субботний разговор родителей. В школу он тогда ещё не ходил.

– «Вот мне очень нравятся люди в форме. Хочу, чтобы наш Олег стал машинистом тепловоза или электровоза. Будет всегда ходить в форме, чистеньким, как тут ходил один, с чемоданчиком. Все ему завидовать будут» – вслух, как бы рассуждала мама, что-то готовя за столом, на кухне.

А отец сидел возле духовки, как обычно положив табуретку набок и подложив фуфайку.

– «Да ну, скажешь ещё, мать. Нужно, чтоб наш Олежек инженером, хоро-ошим, грамотным инженером стал! Чтоб все его уважали очень и даже шапку перед ним снимали! Чтоб он у всех в почёте был! А что там, твой машинист, так себе. Ну в крайнем случае, чтоб врачом стал, хоро-ошим хирургом, чтоб людей спасал. Но для этого, сынок, нужно хорошо учиться, о-очень хорошо учиться». А Олежка стоял между ними с открытым ртом и только глазами лупал то на неё, то на него.

А то, что на врача нужно долго и хорошо учиться он уже слышал, а про инженера впервые. Но так торжественно, даже магически отец тогда произнёс «инженер», что с лихвой хватило для триумфальной победы.

«Какой ещё врач, а тем более машинист?» – подумал он, – «Инжене-ер, вот это да!»

Никем, кроме инженера, он уже не хотел быть. А в большей степени ещё потому, чтобы доказать матери, что она очень уж сильно занизила для него планку с машинистом. Это звучало для него, как тракторист или трубочист, поэтому было очень обидно. И этого хватило сполна. Ребёнок уже не хотел слышать даже о космонавтах.

Вот как много значат для пацана правильно сказанные обычные слова. Поэтому позже, чтобы хоть кто-то заставлял его учиться – ни разу в жизни, даже уроки у него никто и никогда не проверял. Отец сказал, значит больше ничего и не нужно.

За всё то, что для него сделал и чему научил его отец, он всегда был очень благодарен ему, но ни разу не выразил этого. Как-то не задумывался. Понимать-то понимал, но, чтобы сказать, так и не дошло. Только с годами начинаешь понимать степень важности переданного тебе. Ведь это очень дорогого стоит! А мы, во всяком случае, многие, или скупимся это сказать, или откладываем, или вообще считаем, что в этом нет необходимости, а кто-то и совсем не осознает. И от того, что мы не отдаём, что должны своевременно сделать, сказать, отблагодарить, сами же теряем ещё больше!

Но отца нет пятнадцать лет, поэтому свою признательность Олег может выразить только маме, которую заслуженно уважает, и старается к ней прислушиваться настолько, насколько это не вредит ему и не обижает её.

Поэтому на прощанье он только пообещал, что будет почаще звонить и приезжать в отпуск как многие северяне не менее двух раз в год, дав ей полное право распоряжаться его квартирой по своему усмотрению, так сказать, на любой «пожарный» случай.

И ещё один замечательный Человечище, с которым ему необходимо попрощаться – его старший друг, Николай Александрович Яковенко.

Дядя Коля, так зовут его практически все, уже пенсионер и тоже их светлоярский земляк, и один из самых близких ему людей за последние годы, также переехал сюда почти одновременно с ним. А когда в конце декабря девяносто третьего года Олегу предложили возглавить вновь созданное Строительно-монтажное управление, и он, отлично зная ни с кем несравнимые деловые качества прирождённого снабженца дяди Коли, в тот же вечер пригласил его на должность своего заместителя, на что тот не без радости согласился и очень ярко проявил себя в этой стезе, снискав воистину всеобщую любовь и огромное уважение. Единственным, если можно так назвать, недостатком у него является его безгранично широкая и добрая душа, вызывающая у всех и всегда такое же восхищение. Он никогда, никому и ни в чём не отказывал и всегда старается помочь любому, и делает всё возможное и даже невозможное, а чаще совсем не зависящее от него, и главное, добивался желаемого результата, поэтому и имеет недостижимый авторитет. А как он преподносит свои ходатайства за кого-то, словами не передать, поэтому и отказать-то ему невозможно.

Он также прожил весьма удивительную, насыщенную приключениями жизнь, и все его бесконечные истории всегда вызывают жадный интерес в любой кампании. А полчаса общения с ним хватает, чтобы живот болел целую неделю и очень прилично. Хохмач ещё тот. Бывало, как ни зайдет к нему в кабинет, народу битком, и все чуть ли ни по полу катались от смеха. Только от этого самому было смешно, но всё равно приходилось обрывать тот сабантуй, а сам, узнав по какому поводу смех, ржал до упаду.

Однажды, в конце восьмидесятых, дяде Коле с одним светлоярским дельцом удалось провернуть совершенно невероятное, но только не для него, конечно.

Предварительно вооружившись письмом, подписанным генеральным директором и, разумеется, далеко не простым способом, попавшим в их руки, с фантастической просьбой – разрешить строительство не чего-то, а швейной фабрики(!) и для кого, для газовиков, это ж надо было додуматься(!), этим ходакам удалось попасть к самому Виктору Степановичу Черномырдину, возглавлявшему тогда Газовый Концерн.

Не забыли они прихватить с собой только что приобретённый в одном из магазинов столицы фирменный спортивный костюм, предусмотрительно удалив с него все лейблы и, разумеется, выдав его за плод своих трудов.

И желаемое разрешение было получено, и что не менее потрясаяще – с резолюцией, о чём они даже не заикались, – «оснастить объект импортным оборудованием», естественно дорожущим, а сам подарок и решенный вопрос ещё и были там же обмыты достойным образом. А вот что было совсем не удивительно, лично для Олега, так это то, что после того, как Газпром стал освобождаться от «непрофильных активов», эта фабрика со звучным и весьма подходящим названием «Фортуна» оказалась в собственности у того дельца. Даже Олегу было обидно, что дядя Коля, претворивший в жизнь гениальный собственный план, как обычно, остался не у дел.

Или другой и тоже весьма характерный для него, как он сам любит говорить – «случай из моей жизни», о котором Олегу посчастливилось узнать, читая благодарственное ему письмо выдающихся артистов – Василия Ланового и Анатолия Кузнецова, написанного ими на двух листах с обеих сторон по одному каждым из них.

Это изысканно красноречивое послание действительно самый настоящий шедевр русской словесности и искренней признательности за тот приём, который, только в присущем дяде Коле стиле, он оказал им во время их турне с концертами по Северу, лично организовав им ряд

выездов на зимнюю охоту и рыбалку с последующими посещениями бани. Такую поэму с при творством создать невозможно. Такое количество комплиментов, добрых слов и пожеланий, их неповторимость и в то же время повторяемость не допускали сомнений в их абсолютной искренности, а железобетонным доказательством тому являлся их почерк, конечно же, соответствующий вполне понятному состоянию, и что только многократно усиливало его понимание о неподдельном восхищении ими творческим гостеприимством дяди Коли.

Частенько вспоминая строки того эксклюзивного произведения и представляя ту непри нуждённую атмосферу, в которой оно рождалось, у Олега всегда подступал комок к горлу! Такую награду иметь незаслуженно попросту невозможно!

И он действительно несказанно гордится тем, что является близким другом этого уважаемого всеми человека с большой буквы.

2

По обычаю посидев «на дорожку», они с братом и Надеждой поехали на вокзал, а ребят отправили за дядей Колей. В принципе, Олег терпеть ненавидит церемонии проводов, но не мог же он отправить их всех по домам, а сам воспользоваться такси.

Буквально через пятнадцать минут все были на перроне, и в оставшиеся полчаса Олег уделил каждому по несколько минут.

С Надеждой у них свои вопросы, конечно же, касаемые их совместного проживания с мамой, и опять же потому, что характер у неё далеко не сахар. С братом аналогично. Влад, недавно закончивший колледж «Нефти и газа», узнав, что он уезжает работать в руководящей должности, оказался заинтересованным, чтобы тот взял его на работу в ближайшей перспек тиве, о чём и попросил, и тот, конечно, пообещал. Сыну, студенту того же колледжа, также было необходимо дать несколько строгих отцовских наставлений, что он в очередной раз и поэтому достаточно жестко и сделал.

И дядя Коля как обычно не смог его удивить, сказав всего одну, но очень ёмкую фразу, дословно и навсегда запомнившуюся ему: «Олег, если будет трудно, звони, я готов ещё лет пять посвятить тебе. Сил у меня ещё хватит, так что помогу, чем смогу, и как, ты это тоже хорошо знаешь», которая будет всегда звенеть у него где-то внутри, не давая покоя. А всё потому, что оказалась она последней, которую он слышал из его уст.

Буквально через две недели он получил серьёзную травму головы, от которой не смог оправиться и, несмотря на очевидные улучшения, неожиданно уйдёт из жизни спустя несколько месяцев.

И Олегу только и останется, как нещадно корить себя за то, что не взял его с собой, признавая в его смерти долю своей вины. Ведь он в любом случае собирался пригласить его, сильно рассчитывая на его помощь, но не афишировал это просто потому, что не знал двух вещей – наличие вакансии и возможностей предоставить ему жильё, и надеялся это сделать сразу, как только решит эти вопросы.

Так довольно плодотворно прошли последние минуты их расставания. И как только тронулся поезд, Олег стал испытывать двоякое состояние. С одной стороны ему было очень жаль расставаться с родными и близкими людьми, а с другой, он окрылён свалившейся на него возможностью вновь принять и продолжить активное участие в свершении важных дел, значение которых переоценить нереально.

Неделю назад он принял предложение от своего старого знакомого, Малофеева, главного инженера треста предприятия «Сибтрансгаз», которое ему пришлось ждать около года с тех пор, когда, узнав о предстоящем расформировании своего треста, он закинул тому «удочку».

А пару лет назад тот поспешил похвалиться своим назначением на эту должность, затем ещё несколько раз звонил по корпоративной газ-связи, делясь разными новостями, а в общем-

то по пустякам. А раньше они работали там в Кедровке, где Пётр работал прорабом, затем начальником участка генподрядного управления, строившего все объекты в поселке, заказчиком которых являлось возглавляемое Рубицким отделение Дирекции. При тесном взаимодействии ими был построен один цех, в стадии завершения находился другой и приступили к следующему.

А недавно стало известно, что их трансгаз приступает к масштабному ремонту газопроводов, и им нужно срочно создать такие управления путём перепрофилирования их из общестроительных. Тогда же Пётр сам предложил ему возглавить такое РСУ в Партах. И теперь ему предстоит пройти тот же путь, что и десять лет назад. Процесс реорганизации такого управления далеко не из простых. Ведь при такой реформе практически могут остаться только название и работники аппарата управления. А почти весь состав рабочих и инженерно-технических работников предстоит создать заново.

Олег уже получил предварительное согласие только двоих, но ключевых спецов, а те пообещали подобрать помощников. Поэтому за бригады сварщиков и изолировщиков он уже спокоен.

II глава

*Он, может быть, создаст авторитет
Среди детей и дурней недалеких,
Но без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца к слову нет.
И.В. Гёте*

1

В Подгорске перед ним предстал современный красивый вокзал и далее, через автодорогу вместо множества частных жилых домов ряд пятиэтажек, большей части из которых не было, когда одиннадцать лет назад он в последний раз был здесь. Всё это ярко подтверждало, что градообразующее предприятие «Сибтрансгаз» процветало, что вызвало у него чувство благоприятной уверенности во многообещающую перспективу.

Кстати, а сам он высокий статный русский голубоглазый человек в расцвете сил. Закурив, Олег ещё пару минут разглядывал округу. А Петру он сообщил лишь дату приезда, поэтому и не ждал, что его встретят. До здания треста метров четыреста, поэтому он и побрел пешком.

«Ты смотри, когда же они успели? Ведь были же тяжёлые времена. Даже у нас, бывало, задерживали зарплату. Неужели всё построено за последние пять-шесть лет? Нет, это невозможно. Ну, значит как-то крутились, добивались! Да, молодцы, что тут еще скажешь. А что я сравниваю-то? Этот трансгаз больше других по всем показателям в раз пять. Вот и финансы им намного больше выделялись. Да всё равно молодцы»

С тремя остановками он добрался до места. Войдя в холл, он бросил тяжелые сумки прямо у входа.

– Здравсти.

– Здравсти, а вы к кому? Никого же нет, выходной же, – потряс его охранник его ещё больше.

«Да какой ещё выходной? Середина сезона же. Ну, Петя...! А может у него что-то случилось? Ладно, разберемся»

– А как позвонить Малофееву? – с недовольством спросил он, посмотрев на рядом стоящий на стойке телефон.

– Да вон, и там все номера, домашние тоже, – указал тот на стену.

– Окей, спасибо, – облегченно направился он к аппарату.

Ответила жена, и Олег, не помня её имени, только представился и через несколько секунд услышал:

– А-а, здорова, здорова, приехал да? Ну, слушай, в нашей гостинице мой номер уже ждёт тебя, я всех предупредил. И охранник щас всё объяснит тебе. Давай, размещайся, до встречи, – и сразу повесил тот трубку.

Олег в полном недоумении и даже не успел ничего спросить.

«Ну, Петя! Да приедет, куда не денется»

Такси подъехала быстро, а довезла ещё быстрее. И стоило ему только назвать фамилию, как дежурная тут же выложила ключ, лишь сказав, что оформления не нужно. А окинув взглядом интерьер нового здания и особо обратив внимание на мраморную отделку полов и панелей, он пришёл ещё в больший восторг от такой помпезности.

«Во дают! Не зря ж говорят, красиво жить не запретишь. Им что, деньги девать некуда было? Ну а так-то тоже молодцы. И богато, и красиво, а главное, практично. Хоть не придётся ремонт делать каждый год или через год»

Только оставив сумки, он решил прогуляться, посмотреть, как расстроился город, благо мороз всего-то градусов двадцать, и заодно купить продуктов.

Под вечер стук в дверь, Олег поспешил открыть, будучи уверенным, что нагрянул Петр. А тут парень лет тридцати с небольшим.

– Здравсти, Геннадий меня звать, я по поручению Петра Юлича, – робко сказал он.

– Здравсти, и что? – недоумевал тот.

– Ну, может у Вас какие-то вопросы, пожелания?

– Да нет, всё хорошо, спасибо.

– Ну, может хотите поужинать? Я столик в ресторане заказал, – также смущаясь, пролил он свет на цель своего визита.

Предложение нельзя было не оценить, но Олег-то ждал далеко не этого.

– Да нет, у меня всё есть, спасибо, – несколько неловко стало Олегу за принудительную озабоченность паренька.

– Ну тогда я пошёл, – всё-таки нерешительно и боком попятился тот, как бы ожидая, что гость передумает.

После столь любезного визита Олег невольно сделал вывод, что у Петра действительно какие-то серьезные причины.

Но на следующий день тот тоже не появился и даже не позвонил, поэтому Олег вспоминал его соответственно. А сам решил идти пораньше, чтобы хоть что-то успеть обсудить до основной аудиенции.

2

В половине восьмого он вошёл в кабинет. Малофеев на месте, за большим светлым столом, который лет пятнадцать назад считался очень даже презентабельным, и к нему приставлены два под цвет, простые. Он был занят подписанием документов, которых приличная кipa. Олег невольно вспомнил его не настолько длинную подпись, а как долго и старательно он всегда выводил её, что его порядком раздражало, так как тому приходилось часто вносить поправки в процентовки и ставить подпись, а ему ждать.

«Да это ему на неделю», – подумал Олег и, ещё оценив его якобы профессорскую бородку, заулыбался.

А Малофеев рискованно кинул очки на стол, вскочил и выбежал с протянутой рукой:

– Ну здорова, здорова, всё нормально же? Да, Гена мне уже всё доложил, раздевайся, – явно оправдываясь и с демонстративной важностью упомянул тот про своего засланца.

Оглянувшись, Олег увидел сзади стенку из шкафов, в том числе и одежного, но не получив предложения, куртку и шапку бросил на стулья вдоль стены, справа.

– Ну што, сразу к папе, а то он скоро на селектор в объединение, и потом его трудно будет поймать, – опять протараторил Петр, достаточно ясно обрисовав ситуацию и отводя свои черно-карие бегающие глазки.

Этого хватило, чтобы понять, что тот таким маневром торопится избежать упреков.

– Да подожди, куда ты спешишь-то? У меня ж вопросов куча, надо ж всё обсудить сначала, особенно по технике. Ты сказал же, што решаются, вот я и хотел бы уточнить, што и как, – сразу нарезал Олег основной и очень важный для успешной работы вопрос, который задал ему еще две недели назад, не желая откладывать в долгий ящик и решать потом, как он любит говорить – «на подножке трамвая».

– Да обсудим, обсудим, конечно, попозже обсудим всё, давай, пойдём, пока у него нет никого, – настоял Петр и сам направился к выходу.

У Олега выхода нет, за ним. Так они и вошли к управляющему с громкой фамилией Граф.

Кабинет сразу удивил Олега своим до неприличия огромным размером. А ещё стол Николая Петровича странным образом стоял чуть ли не посередине. Обратив внимание на два окна за его спиной, Олег подумал, что от них, видать, дует, поэтому он и передвинулся подальше. Поздоровавшись, они направились к его темно-вишневому столу, перед которым только два стула. «Да что за мода такая дурацкая? А если человек зайдёт с документами, особенно с чертежами или даже с блокнотом, он что, на коленях их должен держать и записывать? Ну, похоже я попал!» – подумал он, ясно представив вполне реальную картину. А длинный стол для заседаний остался позади, справа. «Папа» тоже работал с документами. Ни звонков, ни подчинённых, что для Олега просто невидаль. Ведь работу с документами они с шефом позволяли себе только в конце рабочего дня, когда всех отпускали, или в субботу, иначе не было возможности, потому что всегда и у многих тьма вопросов и все неотложные, отмахнуться было никак нельзя.

За несколько шагов он успел догнать Петра, уходя правее, левый стул уступая ему, а тот резко ушел ещё левее и упал на один из стульев вдоль стены, сложив ладони меж колен как девочка, сидел и молчал.

Олег смотрел на него и ждал, когда тот соизволит представить его или хоть что-нибудь скажет для начала, а тот упорно продолжал молчать, выставив свои стеклянные глазки и куда-то за спину шефа, и ноль эмоций. А Олег даже не услышал ответного «здрости», поэтому ему вдвойне стало некомфортно. Тем более, что Пётр неделю назад твёрдо сказал, что «вопрос по тебе согласован», поэтому и не собирался ничего говорить.

После довольно продолжительной паузы «Папа», лишь бросив взгляд поверх очков, решил сам уничтожить молчанку.

– Ну, расскажите о себе, – очень просто, но совсем непонятно для Олега процедил он.

«Ничего себе, даже руку не подал! Да даже генеральные директора так себя не ведут» – стрельнуло у него, имеющего обширный опыт общения с персонами, занимающими более весомые должности.

Но деваться некуда, и он стал вкратце излагать свой трудовой путь.

– ... а последние девять лет работал главным инженером такого же треста, только не из тринадцати, а из пяти управлений...

Граф поднял голову.

– Ну, всё понятно. А так-то количество подразделений значения не имеет. Важно только то, какие обязанности вы исполняли, – перебил он.

Такая оценка не могла не понравиться Олегу, но и не могло же скрыться от него то, что именно этому тот явно удивился. Разумеется, ему не составило труда понять, что тот услышал

это впервые, а если и слышал, то скорей всего вскользь, на бегу, факт-то очевидный, что не запомнил.

«Да что тут происходит? Ну Петечка...! Ага, а ещё смотрит, как овчарка на фюрера! Да как ты был..., так и остался»

А «Папа» продолжал:

– Только давайте попозже вернёмся к этому, а пока осматривайтесь, знакомьтесь с отделами, штоб Вас все знали..., – подвел он итог, как только зазвонил один из телефонов.

Петр подскочил и посеменил к выходу, жестом махая ему, призывая за собой. Только они вернулись, следом ворвался седой высокий мужчина в годах, но выглядел хорошо.

– Привет, молодежь, – задорно, с превосходством и как бы уважительно проголосил он, протянув руку и глянув на незнакомца с какой-то рентгеновской пронзительностью, и упал за приставной стол справа.

Олегу пришлось обойти стол и присесть напротив него, у окон.

– Познакомьтесь, это наш старейшина, зам *шефа*, Залим Назимыч Зигнатулин, – многозначительно и неожиданно поставил Петр ударение на слово «шефа».

Этим он явно превознёс дедка, хотя сам первый заместитель управляющего, значит тот являлся и его подчиненным, что не могло не смутить Олега.

А тот продолжал:

– А это Олег Владимирович Рубицкий. Вот, решил вернуться в родные пенаты, так сказать, тоже наш бывший работник и последнее время был начальником отделения дирекции в Кедровке, – патетично проголосил он.

«Вот устрица. А что ж ты там-то так не сделал?» – пробурчал он про себя.

– А кем и куда планируете его? – быстро отреагировал аксакал.

– Да Папа будет решать, – надел Петр очки и опустил взор на бумаги.

– А давай его в Агрим, мне ж там зам нужен, в четверке, – прострочил сохранившийся дедок, о котором Олег слышал ранее.

В этот момент вошёл другой мужчина, чуть постарше Олега, среднего роста, с непропорционально высоким и удивительно выпирающим лбом.

– А это ещё один заместитель папы, Казбек Саскоич Ибаев, – тут же вскочил Петр с протянутой к тому рукой.

О нем Олег услышал впервые. А тот, лишь молча протянув руку всем по очереди, присел к стенке, отодвинув его куртку.

Петр так и не ответил дедку, и тот убежал. Хорошо помня со школы тот допотопный Агрим, куда они ездили на соревнования, Олег недвусмысленно лишь сморщил губы и слегка помотал головой.

– Да не обращай внимания, дедушка у нас заводной, да-да, он любит так..., – с усмешкой махнул рукой в сторону ушедшего Петр, – Пусть-пусть. Зачем тебе тот Агрим, конечно, начальником в Парты поедешь.

В это время Олег смотрел на большелобого и видел, как тот дернулся, и как забежали его глаза.

– Я пойду, с шефом поздороваюсь, – встал он и поплелся к выходу.

3

Начались звонки, стали заходить люди. Олег понял, что нормально поговорить уже не получится. И как только Пётр положил трубку, он торопился сказать:

– Слушай, да мне бы план управления и перечень основных посмотреть.

Пётр из стола достал и подал ему подшивку, которая оказалась годовым планом по тресту, а по технике по телефону дал кому-то поручение.

– А кабинет какой-нибудь есть свободный, чтоб тебе не мешать? – вдогонку задал Олег вполне здравый вопрос.

– А вот с этим не получится, у нас же весь второй этаж на ремонте, поэтому даже все три зама ютятся в одном кабинете, так что сиди, ты мне не мешаешь, – крепко разочаровал тот в ответ.

Олегу пришлось переместиться на торец стола. Зачастили сотрудники, бросающие косые взгляды на незнакомца, затрезвонили телефоны.

Тем временем, бегло просмотрев план, он установил, что кроме сотни с лишним объектов строительства и ремонта, которые он посчитал второстепенными, программой управления предусмотрен ремонт аж шести участков газопроводов, и в двух ЛПУ¹. А в принесённом перечне по технике скромно фигурировал только один бульдозер «Катерпиллер», потому что два отечественных экскаватора и бульдозер «сотка» во внимание брать можно с огромной натяжкой. И это при том, что полтора месяца назад Петр сказал, что вопросы по комплектации техникой решаются.

Отлично зная, что ремонт одного участка в пять километров быстрее чем за полтора месяца осилить очень сложно и это еще без учёта времени на испытание, Олег опять впал в глубокое недоумение. Ведь до конца сезона осталось меньше трёх месяцев. А осенью тоже вряд ли можно будет успеть их сделать.

Мучительно дожидаясь обеденного перерыва, как только прекратились хождения и звонки, а Пётр вскочил и стал одеваться, Олег не выдержал:

– Петь, да погоди. Тут же надо срочно разобраться, я в шоке, если честно, – довольно трудно удалось Олегу подобрать эти слова, ведь хотел выразиться намного попонятнее, – да я вообще не пойму, как вы собираетесь освоить эти шесть объектов по газопроводам? Ведь в изоляционной колонне должно быть пять трубачей, а по болотам иногда и шесть мало, – возмущенно обозначил он первоочередную проблему, – а чтоб делать параллельно очистку от старой изоляции, впереди ещё два должны быть. Это в идеале, на один объект. И это, если ещё вырезки трубы с дефектами не будет. А тут же вообще ни одного! Вы чё, как ремонтировать-то?! – звучно чёкнул Олег как истинный сибиряк, а штокал он очень редко, только в официальной обстановке.

Малофеев встал перед ним и только глазами хлопал.

– Да-да, и ни очистной машины, ни комбайна, ни установки подогрева, ничего нет! – поднял тон Олег, – Как работать-то?! Я уж не говорю там про троллейные подвески, про центраторы, сварочное оборудование, да даже шлифмашинка и то всего одна, вот смотри. – помахал он подшивкой, – Ты ж сказал, что решаются эти вопросы! Где, как решаются?! А всё это я должен знать! И пока я здесь, надо всё порешать, до мелочей! А ещё лучше, чтоб я с собой забрал все приказы или разнарядки на передачу мне этой техники. В крайнем случае, я должен точно знать даты их поставок. Да и экскаваторы эти – это ж смех! Ими же только песок грузить в карьере, да и то только летом, ты ж это прекрасно знаешь. А там же вечная мерзлота, и без двух Хитахи или Като даже останавливать газопровод не стоит. Да и Ката этого, тоже мало! Давай решать, щас, срочно, – обрисовал Олег аховую картину, а в принципе чётко обозначив условия своей вербовки.

– Ну, этого всего пока нету, и мы щас комплектуем только одиннадцатое управление, а потом сразу же будем и ваше. Да ты не переживай так. На все эти объекты уже заключены договора с субчиками, а у них всё есть, – прострочил он.

Этим он, если не поставил Олега в тупик, то ошеломил точно и выбежал. Данная тема мгновенно стала бессмысленной. Пожав плечами, он тоже стал одеваться.

¹ Линейно-производственное управление по транспортировке газа

– А зачем тогда организовывать такое управление, если делать всё будут субчики? Это ж дурдом прям какой-то. – лишь пробурчал он.

Прояснение этого вопроса он вынужденно оставил на вечер.

А после обеда Петр сразу объявил ему, что «папа» пошёл на больничный, и придётся его ждать. Он опять был в полном недоумении, но промолчал, только подумал об очень странных отношениях между ними.

«Да ты хоть бы не позорился... Какой ещё папа? Разница-то между вами года три, не больше. Да как ты был чухлом, так и...»

Но возмущаться несерьёзно, а стыдить тоже. И уже было видно, что Петр здесь ничего не решал. Пришлось ждать. Так бездарно прошли трое суток.

Только в четверг и после селекторного совещания появился Граф и пригласил их. На этот раз он встретил их за столом совещаний. Но Петр всё равно упал на тот, свой стульчик.

– Ну што, Олег Владимирович, давайте так, пока езжайте главным инженером, а дальше будет видно. А в среду я прилечу и представлю Вас коллективу, – и повернувшись уже к Петру, он продолжал, – давай организуй, штоб завтра он без проблем добрался. А там, на месте обговорим всё обстоятельно, – твердо закончил он.

А Олег уже впярил свой едкий взгляд на также жеманно сидящего Петра. Тот заметно растерялся, но резко освободив из ножных тисков правую руку, показал большой палец. Такой поворот поверг Олега в настоящий ступор, и он уже не знал, как дальше себя вести. И долго молчать было неудобно, мысли завертелись с космической скоростью.

«А может так и лучше? Ну а что, действительно, хоть будет время осмотреться, и не стоит сразу-то бросаться в полымя. Да и проявить себя главным будет наверняка полегче. Ведь не придётся отвлекаться на текучку с кадрами, на проблемы по жилью, по снабжению. Наверняка их там навалом. А что ж случилось-то? Я-то подумал, что тот дедушка что-то замутил, а здесь совсем другое. Да ладно, время покажет. Да и понять его можно, явно же у них тогда всё решалось на бегу и конкретно ничего не согласовывалось, и Петечка на самотёк всё пустил. Вот, падлюка»

– Ну если Вы считаете, што так будет лучше, я готов быть полезным и главным инженером, – твёрдо произнес Олег, чтобы никто не заметил его истинное состояние.

– А вы, – повернулся Граф к Малофееву и начальнику ПТО, Бацуре, только что вошедшему и присевшему на стул возле двери, – еще подумайте, нужно хорошо посмотреть, и ему нужно помочь. Кадровый вопрос там очень серьёзный, мы уже с вами говорили об этом, да и по другим тоже.

Те дружно покивали, а Петр вскочил и сделал тот же жест левой рукой.

4

После данного согласия, Олег уже не мог высказать Петру всё, что тот заслуживал за фактический обман с «согласованным» приглашением и за всё его странное поведение.

Он сел уже не за стол, а в угол, на крайний к шкафам стул возле окна и невольно вспомнил те многочисленные события каждого конца месяца, когда ему приходилось испытывать на себе Петино лизоблюдство, с которым тот умолял его подписать разную липу или объемы, к которым еще не приступал, и что он беспощадно вычеркивал. Но тот продолжал канючить и просил подписать хоть что-нибудь другое для натяжки плана. А однажды даже достал бутылку водки, видимо, рассчитывая на сухой закон, хотя прекрасно знал, что тот мог легко покупать это зелье в любом из двух филиалов ОРСов. Поэтому регулярно Олегу приходилось при нём же звонить его начальнику и требовать, чтобы тот оградил его от присутствия этого зануды. И Спиваков вынужден был бросать всё и прилетал как угорелый и сам просил обо всём этом. И Олег всё-таки шёл ему навстречу, понимая, что из-за этого Петечки не должны были страдать работники всего управления и их семьи. Хотя ему ничего не стоило оставлять их без выполнения плана, а значит, без премии, и был бы абсолютно прав, равно как и в один миг поста-

вить жирный крест на его карьере, согласившись со Спиваковым, который каждый раз грозил перевести его обратно в плотники, откуда тот как-то выбрался при предыдущем начальнике. Но Олег, наоборот, отговаривал его делать это.

А однажды, чтобы прекратить все те выпрашивания, Олег просто «подарил» ему из своего директорского фонда пятьдесят тысяч рублей, тех, дореформенных. А тогда это была огромная сумма. А главное, что предложил ему написать в процентовку любые объёмы, на свой выбор, что якобы он произвёл ремонт складов на их базе, чтобы тот смог списать недостающие у него материалы. А это даже намного важнее для прораба, чем те пятьдесят тысяч! Ни за что, так сказать, с барского плеча взял и подарил. Конечно, Олег преследовал только одну цель – уничтожить то его регулярное отставание в сорок–сорок пять тысяч, которые Петру постоянно не хватало до выполнения плана. Разумеется, тогда Олег надеялся, что тот больше не будет ни пытаться обмануть его, ни клянчить, ни мотать ему нервы, и чтобы раз и навсегда оградить себя от его мерзопакостного поведения. Но сделал он это напрасно, потому что всё так и продолжалось и повторялось вновь и вновь, а Олегу приходилось это терпеть и вырывать их, переступая через себя и свою непритворную принципиальность.

Но сейчас у него не было никакого желания упрекать его. Ведь именно таких ярко характеризует поговорка – «горбатого могила исправит».

Время почти шесть, и он с огромным сожалением понял, что не успеет навестить бывшего шефа, Руднева, который уже занимал должность заместителя генерального директора по строительству и начальника УКСиР².

Ещё в поезде Олег планировал обязательно совершить к нему визит вежливости, но не хотел опережать события, чтоб тот ни в коем случае не подумал, что он не только рассчитывал, но и соискал его поддержки. А теперь ему осталось только отзвониться, когда прибудет на место.

5

В аэропорту Ладыма его ждал Камаз-вахтовка. Попутчиков не оказалось, поэтому он не мог не поразиться такой расточительностью. А затем водитель и примерно его ровесник тоже удивил своей осведомленностью.

За пару часов Олег узнал всё, что хотел предварительно знать не только о методах и режимах работы, о размерах зарплаты рабочих, о проблемах с ремонтом техники и запчастями, но и об условиях проживания в общежитии и даже о проблемах с обеспечением объектов материалами и инструментами, и вообще о некоторых чаяниях коллектива.

За последующие два часа он наметил первоначальную программу своих действий. И не мог он не удивиться тому, что Иван ни о чём его не спросил, и создалось впечатление, что тот знал о нём больше, чем он сам.

К конторе подъехали около шести, далеко затемно. Иван сбегал, достал из салона обе сумки и устремился с ними вперёд, не давая возможности Олегу понести хотя бы одну. Но бежать он не стал, неспеша поднялся на второй этаж, оценивая свежий ремонт. А там ему показалось странным, что приёмная прямо в коридоре, в торце здания, поэтому кабинет начальника по ходу слева, а главного инженера справа. В этот момент ему навстречу пробежал Иван, подсказав, что главный инженер его ждёт. В такой нелепой ситуации Олег никогда не был и, пока ехали, он рассчитывал на всё, только не на это, а в лучшем случае, что его встретит комендант, либо заместитель начальника.

Войдя, он увидел шагающего ему навстречу крупного парня лет до тридцати с телосложением и походкой борца, который переваливался с ноги на ногу как медведь. А в первый же

² Управление капитального строительства и ремонта

день Малофеев охарактеризовал его, как «Паша – смыслённый добрый малый. Это я его рекомендовал туда. Он у меня начальником участка был». Тогда Олега это даже порадовало, ведь он всегда и с удовольствием делится знаниями с молодёжью, стремится научить их не только как правильно, но и как рационально работать. А теперь, когда неизвестно, какую перспективу уготовили парню, ему стало не по себе.

– Здравствуйте, с приездом, Баженов Павел Ильич, проходите, пожалуйста, – пробупукал тот с заметной стеснительностью, – а што будете, чай или кофе?

– Здравсте, – перешагну он через свои сумки, – чай, кофе стараюсь не пить, – добавил он и направился влево, расположившись за приставным столом, специально не раздеваясь, обозначая, что не намерен задерживаться, ведь сам чувствовал себя как не в своей тарелке.

– А што так? – не удержался Баженов.

– Да напился его ещё в восьмидесятых, тогда ж завалили им весь север, – пояснил он.

Подав ему чашку, Баженов присел за свой стол.

– Олег Владимирович, а можно поинтересоваться, а кем вы работали последнее время? – осторожно задал он вполне уместный вопрос.

– Малофеевым, – лишь сказал Олег, чтобы враз обрубить эту тему.

– О-о, впечатля-яет! – закивал брюнет, выпячивая нижнюю пухлую губу.

Возникла продолжительная пауза.

– Ну што, может в кафе, обмоем наше знакомство? – предложил Баженов.

– Не-не, мне бы отдохнуть, – выдавил Олег, как будто сильно устал.

– Тогда в гостиницу? – не решился настаивать молодой.

– Да, хотелось бы, – сразу взял Олег шапку, желая побыстрее уйти.

Через десять минут Баженов доставил его в арендованную квартиру в таком же «бамовском» деревянном доме, как тот жил в Кедровке.

А уже зная, что суббота у них рабочая, Рубицкий не стал показываться в конторе, выходные посвятив знакомству с поселком. Наличие и хорошее состояние огромного Дворца Культуры, такого же Спорткомплекса с плавательным бассейном и двух приличных многоэтажных школ, больницы с поликлиникой, многочисленных магазинов и кафе, а также солидного пятиэтажного жилого фонда, не оставило Олегу шансов, чтобы не признать эти условия вполне достойными для северной глубинки. А зимний Ледовый спорткомплекс заставил его как истинного любителя хоккея обрадоваться по-мальчишески. Его тут же охватило страстное желание покататься на коньках, на которых он не стоял уже полтора десятка лет.

6

Продолжать скрываться и в понедельник Олег посчитал несерьёзным, и зная дорогу, пешком добрался до конторы.

– Здравсте, Олег Владимирович, а какая у Вас на сегодня программа? – приветливо встретил его Баженов, явно считая, что тот приехал начальником.

– Ну, сначала надо ознакомиться с текущими объектами, – сказал Олег, чтобы уехать и никому не мозолить здесь глаза.

– Понятно. Но я не смогу с Вами проехать, мне только что дали задание смотаться в Нуру, там же у нас ещё участок, поэтому я через полчаса выезжаю. Не против, если Вам всё покажет начальник участка?

– Да нисколько, – твердо бросил он.

Томиться Олегу пришлось лишь минут пять.

– Здравсти, Шафудинов Вадим Нариманыч, начальник местного участка, – вошел, протягивая руку, и уверенно представился он.

Мужчина чуть постарше Олега, такой же комплекции и, несмотря на фамилию и отчество, совсем не похож ни на кого, кроме как на русского.

– Здравсте.

– А куда поедем?

– Сначала хотелось бы на газопровод. Там работают уже?

– Да, но только подготовительные работы ведут, подъездную дорогу делают.

– Ну тогда не будем терять время, – и первым пошел Рубицкий.

Но из-за разлившегося небольшого ручья, куда уложили водопропускную метровую трубу, и вода пошла по льду, смыв с одной стороны насыпь проезда, проехать туда им не удалось. В итоге проблемным оказался только объект «Узел связи», который при ремонте по вине сварщиков управления подгорел в прошлый и не только для него «черный» четверг, и теперь его необходимо было восстанавливать.

Вернулись на базу в шесть вечера, и Олег поторопился позвонить бывшему шефу.

– Да.

– Здравсти, Андрей Палыч, с насту..., – лишь успел сказать он.

– О, да ты где есть, пропажа? – перебил его Руднев в присущем ему стиле.

«Во, узнал и что я был в Подгорске тоже. А как же я забыл-то? Он же всё и всегда узнаёт одним из первых. Вот кому нужны были все эти предрассудки? Надо было хотя бы позвонить ему! И лучше всего, когда он был на селекторе, просто через секретаря передать привет и поклон. И сейчас бы не было так неудобно. Ну спасибо, что хоть предупредил»

Из-за этой своевременно озвученной им фразы Олегу уже не нужно выкручиваться и пришлось выложить всё, как проходили его «крестины».

А Руднев только вставлял свои «так-так», «ага-ага», «да-да», а в конце выдал:

– Знаешь, а ты меня не удивил.

Олегу стало понятно, что за теми водятся какие-то такие же или подобные штучки.

– Во-от, надо было тебе сначала у меня появиться, – уже строго сказал Руднев, и Олег ещё больше понял, что совершил серьёзную ошибку.

– Да-да, надо было тебе ещё с дома мне позвонить. Я же зама себе по капремонту искал полгода. И вот, только с нового года взял, а теперь уже и жалею. Ну ладно, давай встречайся и потом позвони, а я пока буду думать. Слушай, а может давай так сделаем? Я прям щас дам команду, чтоб тебя командировали ко мне? – неожиданно предложил он.

– Да ну, Андрей Палыч, это уж совсем некрасиво будет, чё подумают-то? Давайте, посмотрим, как всё пройдёт, и потом я сразу же позвоню.

– Ну ладно, хорошо. А кстати, там целая делегация едет с Колей, и от нас Демиденко, – сказал бывалый мудрец, добавив то, чем прям ошарашил Олега.

– А это кто, который Николай Иванович? – с огромной надеждой уточнил он.

– Да, а ты его знаешь?

– Да конечно, мой одноклассник, и в одной группе мы с ним учились, десять лет не виделись, – не стал Олег скрывать своей радости.

– Ну вот и свидитесь. Всё, договорились. И звони лучше где-то вот в это же время или домой, – выдал Руднев полный расклад «явок и паролей».

А не стал он называть номер, так как у всех начальников служб в трансгазе все они и везде одинаковы, домашние тоже, и у них они тоже были идентичны.

«Во, не меняется дядька, такой же. И вроде не обиделся. Фу-у. Да, конечно, был не прав, надо было показаться у него хоть и не сразу, а на следующий день. Так, так, а тот-то, смотри, уже в трансгазе. Вот...»

Ещё летом Олегу было известно от двоюродного брата, что Николай два года назад вернулся на север и работал у них, в своем родном управлении, которое теперь тоже в составе треста, но уже, оказывается, перебрался в трансгаз.

«Ну как так! Почти неделю же был там. Вот что стоило позвонить и узнать про него? И зачем я тайну из своего приезда делал? Только себе же... Ладно, что уж теперь-то...»

7

Еще и не стало темнеть, как Баженов сообщил ему, что Граф приехал и ждёт только его. Прилетев в контору, первым делом он заглянул к Баженову и увидел его беседующим с Ибаевым. И те в один голос сказали, что ему в кабинет начальника. То, что они не последовали за ним, показалось ему странным, но он подумал, что с Пашей уже разобрались. Так он и перешёл, а здесь кроме Графа и Бацуры, расхаживающего по кабинету, справа, вдоль стены с опущенными головами сидели главный бухгалтер и, как потом выяснилось, заместитель начальника, которого он ещё не видел. А чтобы не сидеть к ним спиной за приставным столом, он прошёл и сел рядом с ними, напротив Графа.

— На основании показателей за прошедший год, которые уже подсчитаны и ясны, и всех тех неоднократных... — сурово начал или продолжил Граф, и стало понятно, что сейчас произойдет что-то неординарное.

Он продолжал, не переходя на личности и не называя ничего конкретного.

—... так вот, не дожидаясь балансовой комиссии, и дабы избежать более неприятных для вас последствий, предлагаю вам обоим написать заявления по собственному, а сбежавшего десять дней назад начальника ждёт совсем другая участь, — грозно сказал он.

«А-а, а тот-то, видать, как узнал, что ему едет замена, сразу и сдернул»

Опальные без вопросов встали и вышли. Только за ними закрылась дверь, Граф повернулся к Рубицкому.

— А за тот пожар, Олег Владимирович, наверно Вы знаете уже, ещё будет уволен и начальник участка. К нему у меня набралось много и очень серьёзных претензий. Это была, так сказать, последняя капля. Этот участок, скажу прямо, в плачевном состоянии, и здесь нужно наводить порядок. Вот я и хочу, чтоб Вы возглавили его, оживили работу, подняли дисциплину...

В такой, да ещё и вместе с предыдущей идиотской ситуации он не только не был, но и даже не слышал что-либо подобное, и которое вряд ли было вообще. Дар речи он потерял мгновенно. Такого вероломства и унижения он и представить себе не мог.

«Что ж я наделал! Вот почему я поверил тому ничтожеству? Да надо ж было хоть Спивакову позвонить, узнать, что тут к чему, и стоит ли верить тому чмошнику. И зачем я согласился? Вот кто меня за язык-то тянул? Да надо было сразу же послать их обоих! Вот зачем, зачем я пожалел этого Петю? А позавчера, ну, зачем я Палычу сказал, что всё нормально? Надо ж было так и сказать, что обманули эти козлы! А тем более, что он это знает. А вот это всё как теперь ему объяснять? А придётся же. Так, так, а если он сказал, что будет думать, значит скандал устраивать не стоит, нельзя его подставлять. Вот блин, а что ж делать-то? Ведь трудовую же испортят. Да и хрен с ней. Так, так, надо успокоиться. А потом...! Уж *такое-то* прощать им точно нельзя! Ну что, надо срочно звонить Палычу и всё так и сказать! А ты попугай долбаный, ага, считает он, что у него нос орлиный, нет, мурло, попугайский он у тебя. И уж теперь-то я тебе вообще ничего не скажу. Да ты вообще не достоин, чтоб я с тобой разговаривал, мудак. Да пошёл ты...!»

Только Граф закончил метать громкие призывы и пожелания, Олег лишь поднял голову, продемонстрировав свой прожигающий взгляд, молча встал и направился к выходу. И остановить его никто не решился.

Потрясённый до предела он выбежал на крыльцо, закурил. Хорошо, никого рядом, и никто не видел его состояния. А его аж колотило. Чтобы хоть немножко успокоиться, он заходил по кругу в стеклянном тамбуре.

«Так, а Пашу-то, значит, оставили. Во как. А-а, вот, оказывается, в чём дело! Это ж Ибаев всё устроил! Вон почему Паша с такой красной харей стоял у окна и курил, он же сказал, что не курит. Значит этот чурка и замолвил за него словечко. Да это ж он, видать, здесь всё крутит и вертит! А что ж Петя мне сразу-то не сказал, что он ответственный за этот регион? Ну скотина! И вот почему тогда этот долболобый выбежал, когда услышал, что я сюда начальником еду! Ну, теперь-то всё ясно. Так, ну что, надо ехать на базу, и только там звонить Палычу, тут кругом уши. Так, нет, Палычу пока не стоит. Нужно сначала с Колей переговорить. И скандал уж точно нельзя устраивать, ведь тогда Палыча могу в неприглядном свете выставить! А жаль, ох как жаль! Надо было этим козлам сразу такое устроить, чтоб век помнили. Так, а что ж получается, я опять согласился? Да вот кочерыгу им, ни хрена я не согласился. Так, ну что, нужно Колю найти, срочно, и пусть хоть он подскажет, как быть, и может решит всё. И тогда пошлю я их всех... Так, а где он?»

Рядом стояла машина Баженова, Оо подошёл.

– Здорова, слушай, ты же встречал их в аэропорту, а говорят, што с ними ещё какая-то комиссия прилетела. Не знаешь, куда остальные поехали?

– Да они там и остались, их же встретил начальник Ладымского ЛПУ, – прям исчерпывающе пояснил парень.

– Понял, спасибо.

Приехав на базу, Олег сразу набрал приёмную и попросил секретаря передать Демиденко, что он его разыскивает.

Только он закурил, звонок.

– Да, слушаю.

– О, и правда! Да ты как там оказался-то? А я не поверил. Шо случилось-то, братан? Я в шоке! Ну, рассказывай, – заголосил пораженный хохол.

– Да тут всё быстро так и не расскажешь, Колёк.

– А-а, ну, понял. Значит так, завтра мы к вам переедем, давай, в гостиницу Михеева к семи подходи, договорились?

– Конечно.

– Ну всё тогда. До встречи! Ну ты даёшь! – и отключился Николай.

А они в последний раз виделись, когда он был еще начальником СМУ, и Николай привозил ему деньги за проданную его светлаярскую квартиру, а потом пропал. Конечно, он видел всё, как у Олега обстояли дела, о которых многие могли только мечтать.

Только сейчас настроение у него немножко улучшилось, и он побрёл отдыхать. А все проблемы этих злодеев ему уже были по боку.

III глава

Расходится томивший душу мрак,

Всё проясняется как на картине

И.В. Гёте

1

Полужинав, Олег пошёл посмотреть телевизор в комнату, которую занимал тот зам, как оказалось, проживающий в Ладыме и, видимо, появлявшийся здесь не часто. А сейчас дверь настежь, от него и след простыл. В третьей комнате жила Татьяна Николаевна, инженер по труду, с мужем Александром, водителем вахтовки, которые тоже приехали сюда буквально месяц назад.

Вдруг звонок в дверь, он пошёл открывать.

– Добрый вечер, меня Баженов сюда направил, Евгений, – представился, судя по всему, новый сосед тоже с профессорской бородкой и примерно одного с ним роста и комплекции, но вроде чуть постарше.

– Понятно, а я Олег, проходите, – подал он руку.

По сумкам с многочисленными кастрюлями, которыми Евгений забил холодильник, стало понятно, что он откуда-то не издалека. Он тут же собрался поужинать, поэтому Олег не стал мешать и вернулся к телевизору.

Подождав, когда Евгений закончит, Олег присоединился к нему попить чайку. И быстро выяснилось, что он с какой-то Пуловской компрессорной, до которой около ста пятидесяти километров, и приехал работать в качестве прораба по трудовому соглашению. А раньше он был там же заместителем начальника РСУ, прошлой весной уходил в частную компанию, но разочаровавшись, решил вернуться. И вот его взяли лишь временно и на объекты по ремонту газопроводов. А посвящать в постыдные подробности своей истории Олег даже не подумал.

С утра они пошли на базу. Евгений сразу стал готовиться к выходу на объект. А Олег даже не собирался приступать к унизительному поручению, выбрал позицию стороннего наблюдателя, специально сев у стенки и тем самым демонстрируя, что не претендует на кресло, будучи уже уверенным, что не останется здесь. Вскоре появился Шафутдинов.

– Владимирыч, ну што, я готов хоть шас начать передавать тебе все материалы и основные, – присев напротив и крайне удрученно заявил он.

– Да ничего я не буду принимать, – жестко бросил Олег.

– А кому мне передавать-то? – недоуменно, но без гонора спросил тот.

– Да я без понятия, этот вопрос вообще к Паше, – ещё твёрже отрезал он.

Посидев в задумчивости с минуту, Шафудин уехал в контору.

Долго наблюдая, как Евгений решал вопросы только с бригадой по балластировке, Олег решил подключиться:

– Жень, да с дорнитом³ этим проблем-то никаких, вон, его гора целая, и мужики его сварят быстро. А шас нужно решать вопросы с бригадой по изоляции и сначала проверить наличие материалов.

Тот лишь посмотрел на него и молча выскочил. Через две минуты забежал.

– Владимирыч, а Галина Ивановна сказала, что у неё нет ничего.

– Как это нету? Ну тогда звони Баженову. Вот это да-а, офигеть! – бросил Рубицкий, сразу поняв, что здесь хуже, чем в самой позорной шарашке.

Тот сел в кресло и стал набирать.

– Алло, Пал Ильич, это Костенюк, да кладовщица мне сказала, что у неё ваще нет никаких изоляционных материалов, а шо делать-то, когда будет поставка?

– ...проектом никакой изоляции не предусмотрено, и мы не будем ее делать, – отчетливо услышал Олег.

– Ну понял, всё тогда у меня, – положил Евгений трубку, – Владимирыч, да и мы раньше тоже делали только обваловку, а изоляцию никогда.

– Как это? Да Нариманыч же сказал, что там весь участок на полдиаметра всплыл, значит, изоляция отстала. И теперь её полностью нужно сдирать и наносить новую. Ты чё, серьёзно, просто так засыпали и всё? – возмущенно выплеснул он.

– Да-а.

«Да это ж даже не капец! Куда я попа-ал?»

А Костенюк только блымал глазами.

– Так, Жень, давай, дуй за проектом, это подстава и очень серьёзная, это же тюрьма-а, понимаешь?! – почти прокричал Олег.

³ Дорнит – нетканно-синтетический материал

Тот убежал. Через час он уже бросил на стол две тоненькие подшивки. Олег пролистал, а там только дефектная ведомость и сметы, во что он и не мог поверить.

– Да это ж не проект, Жень! Тут даже нет пояснительной, где однозначно было б указано про изоляцию. А этой макулатурой только подтереться! – раздраженно бросил он.

Костенюк посмотрел на него, и видно, что не врубался совсем.

– Да ладно, у нас же только обваловка, вот же так и написано, какая ещё изоляция? Шо, эксплуатация не знает, шо и как делать шо ли? А как они скажут, так мы и будем делать, – прошошол хохол с Днепропетровска и явно уже далеко не свою позицию.

Понятно, что в этом деле он ничего не соображал, поэтому Олег, лишь помотав головой, и не стал дальше продолжать эту тему.

В это время они увидели в окно, как подъехал Ибаев и сходу стал крыть матом и механиков, и водителей, что даже в кабинете было хорошо слышно.

– Жень, а он чё, вот так всегда?

– Да. И все эти Камазы шо с надписью Прогресс, это ш его личная фирма, а она и есть наш субчик, – исчерпывающе пояснил тот.

«А-а, ну теперь-то вообще всё понятно, что никакой ремонт им не нужен! Только бабки. И да, точно, это он перешёл мне дорогу. Ну, ребята, в этом-то я вам уж точно не помощник. Теперь-то ясно, почему вам не нужны ни трубачи, ни комбайны и вообще ничего! Нет уж, нам не по пути. Та-ак, надо с Колей срочно разбираться!»

А чтобы разговор состоялся более предметно, он поехал на газопровод.

2

На встречу Олег пришёл чуть пораньше. Дежурная сразу объявила, что Демиденко звонил и просил его подождать. Поднявшись на второй этаж, он включил в фойе телевизор, пододвинул кресло напротив, полистал, ничего интересного не нашел, оставил НТВ и стал ждать программу «Сегодня». Через двадцать минут сзади раздались шаги, по которым Олег без труда узнал «Демидрола». Парень среднего роста, очень симпатичный голубоглазый брюнет с шикарной шевелюрой и просто красавец.

И в этот же миг раздалось:

– Ну, Длинный, вот ты даёшь! – а так называли его в школе только близкие друзья.

Обоюдная радость была безгранична. Освободившись из его объятий, Николай тоже передвинул себе кресло, заслонив телевизор.

– Братан, да я до сих пор поверить не могу, и чуть не опупел, когда секретарша мне сообщила! Ну, рассказывай, шо случилось-то? – совсем без запинок недоумевал и этот, но только уже свой, родненький хохол.

Только сейчас Олег вспомнил, что в последние годы тот почти не заикался, как пошел работать недуг практически пропал, и сам стал воспроизводить свою историю.

– Да, они это могут. Ты с этой публикой поаккуратней, а то и Руднев тебе не поможет. Ну, как же так-то, а шо ты не знал, шо я уже в Подгорске?

– Конечно нет, а если б знал, конечно нашел, – с огромным сожалением сказал Олег, уже сутки только и ругая себя за это.

– Да мы б сразу же, быстренько разобрались со всем этим прям там, на месте, – очень убедительно сказал Николай, и Олег даже воспрял духом.

И Николай стал рассказывать, как сам вернулся, как каждый месяц ездил в Подгorsk с выполнением, и потом его перетащил к себе инженером по ремонту начальник отдела по эксплуатации газопроводов, Танков, которому он раньше строил цеха на Ламбургской КС. Также похвалился своими полномочиями, как осенью приезжал сюда с проверкой, после чего были

уволены два начальника ЛЭС⁴. Еще посетовал, что работает один, разрывается, потому что в трансгазе двадцать восемь управлений, и у каждого тьма вопросов. А ещё, что приходится общаться почти с сотней подрядчиков и с Москвой, так как все годовые и пятилетние планы по ремонту верстают он сам, и что на работе у него полный завал, на разгребание которого не хватает и выходных. А также сказал, что уверен, что несмотря на то, что за два дня он объехал только три управления, а осталось четыре, которые за один день никак не проверить, и ему наверняка завтра скажут, вылетай, чтобы в выходные подготовить какой-нибудь документ одному из руководителей.

Олег слушал, а сам вспоминал, сколько всего за студенческую жизнь ему пришлось пережить из-за его сильного заикания, и понял, что тот сам не остановится.

– Ладно, я всё понял, – оборвал его Олег, – давай по делу. Тут же о-очень серьёзный вопрос. Они же щас выходят на Ладым один, ты знаешь, а у них даже ни рулона плёнки нет, ни мастики. Я не пойму, чё это за ремонт-то такой, без переизоляции? Это ж преступление!

– Как это? В смете заложено десять процентов ремонта изоляции, пусть изолируют, – легко сказал тот.

А Олег не мог поверить своим ушам.

– Чё? Ну ладно, они-то, как я уже понял, не разбираются тут ни хрена, но ты-то хоть не позорься! – сразу наехал он на друга, – Какие десять процентов, ты чё? Это как, один метр изолируем, а девять пропускаем, так што ли? Или полосу в пятьдесят сантиметров изолируем, а остальные четыре метра образующей трубы нет? Ты так больше никому не скажи! Ты чё, хочешь, штоб про тебя анекдоты пошли? Там же труба всплыла, и изоляция поотвалилась, её всю надо сдирать и всё полностью переизолировать, я только што оттуда.

– Да шо ты из мухи слона делаешь? – возмутился Николай, – Мы даже до тридцати процентов принимаем к оплате, – на отвязись бросил он, чем ещё больше поразил Олега, – и кстати, нам еще выделяют девять миллиардов на этот год, а было всего шесть. Так шо пусть делают. Деньги будут.

– Коль, ну ты чё, в самом-то деле? До засыпки все повреждения изоляции должны быть устранены. Какие тридцать процентов? Нельзя засыпать с повреждениями. Нужно всё полностью переизолировать, сто процентов. И вааще, какая ещё балластировка может быть без проекта?! Вы чё тут, с ума што ли все посходили?! – повысил голос Олег, видя, что тот совсем не собирается вникать.

А еще предвидя, что им скоро могут помешать, он торопится.

– Коль, вы ж завтра в Пуренган. Ну заедьте туда, это займет полчаса, не больше, там от дороги с полкилометра всего. Так вот, там, в начале участка трубу выперло аркой так, што под ней мне можно пройти в полный рост, – без зазрения совести преувеличил Олег, потому что там просвет с метр, но это ничего не меняет, абсолютно, – какая балластировка, Коля? Вы ж с огнём, а верней, с бомбой играетесь! Трубопровод-то в работе, да и ваще нельзя нагружать трубу в таком положении, она же может лопнуть! Взорвётся ведь! Там же люди работают! И изоляция там вся подрана, вот прям вся бахромой и ошметками свисает, своими глазами видел. И трубу нужно укладывать на проектную отметку! А это всё, просто так вам не пройдёт. Это ж настоящее вредительство! Коль, я тебе говорю, будет беда! Это всё надо прям срочно пресекать! Ты ж, как я понял, за стратегию ремонта отвечаешь, и ты же первый будешь крайний! – распалился он.

– Подожди, да мы щас делаем только обваловку, а переизоляцию начнём в следующем году. Кстати, недавно у нас были заводчане из Кургана и предложили свои изолировочные комплексы, техника вроде серьёзная, и попросили, шоб мы заставили наших подрядчиков приобретать её. Мы, и я конкретно занимаюсь этим уже вовсю.

⁴ Линейно-эксплуатационная служба

Было видно, Николай не хочет обсуждать эту тему, а Олегу решение нужно срочно, ведь если что-то случится, ему придётся отвечать с завтрашнего дня.

– Да какая ещё обваловка, Коля? Сегодня, значит, изоляцию не надо делать, а на следующий год будет нужно? Ты чё? Я ж тебе объяснил, нельзя засыпать голую трубу и балластировку нельзя делать без проекта. Вы чё творите-то? И при чём здесь следующий год? Шасто как быть? Если рванёт, пострадают многие, и ты не в последнюю очередь! Ты ж отвечаешь за политику с ремонтом! С тебя ж с первого и спросят, почему так делали, и ваще куда ты смотрел? Задумайся! – уже проорал Олег.

– Ладно, успокойся, понял я. Вот бы тебя в уксир, точно, а то мне с ними ваще не с кем работать. Там только с нового года у Руднева зам по капремонту появился. Кстати, наш светоярский, ты его наверняка узнаешь в лицо, Закиров, в СУОРе работал, не помнишь? Чуть постарше нас.

– Не-э, не помню, – только бросил Олег, чтобы не терять зря время.

– Ну смех же, простой отделочник, ваще круглый ноль в нашем деле. А начальник отдела по ремонту, Ватрушев, так тот ещё хуже, совсем не строитель и ваще случайный человек. Ну а так-то, да, к осени эти комплексы подрядчики закупят и будут делать всё по нормальной схеме.

– Да, штоб ты знал, на разработку этого комплекса по поручению Москвы мы готовили техусловия, и я лично выдавал задание на проектирование их конструкторам, четверо их было у меня. И я устанавливал им все параметры для каждой установки. А опытный образец в прошлом году уже обкатали и выдали замечания. Вот, видать, они его уже доработали, – высказал Олег, чтоб друг не сомневался, что он в курсе.

Тут послышались шаги по коридору. Первым медленно выплыл Ибаев, за ним начальник местного ЛПУ, которого Олег видел вчера издалека. Молча обогнув их, парочка присела на диван возле окна, буквально в двух метрах. И если Михеев просто развалился на подлокотник, то второй всё прекрасно понял, что отчетливо было видно по его бегающим шельмовым зенкам. При них продолжать такой разговор – в высшей степени несерьёзно.

Возникла пауза. Видя замешательство друзей, Ибаев позволил себе вклиниться:

– Николай Иванович, девятый час уже, пора бы нам и поужинать, – протянул он и хорошо ещё, что без акцента.

Даже без этой беспардонности Олег давно готов высказать ему всё, что о нём думал, но сдержался.

Николай смолчал. А Олег не успел коснуться личной проблемы, с чем Коля только что похвалился, что может «быстро разобраться». И он, конечно, прекрасно понял, что эти два «фрукта» в данной ситуации всецело зависят от Николая, не зря же приперлись и с таким подбострастием выются перед ним, явно чтобы тот ни в коем случае не доложил в трансгаз истинную картину об их липовом ремонте. И ощущение неприятной неловкости, что он здесь лишний, заставило его встать.

– Ну чё, я пойду? – специально вопросом выразился он, конечно же, рассчитывая на правильную реакцию Николая.

– Подожди, мои телефоны-то возьми, – достал он блокнот, – вот, это домашний, это рабочий и два сотовых, ну шо, давай, созвонимся. Я всё понял.

– Да, я в субботу позвоню. Но *эти* вопросы нужно решить быстрее-е, а хотя пойдём еще на пару слов, – сам пошел Олег в его номер, напротив. – Прикрой дверь.

Николай прикрыл.

– Ну ты хоть понял, што нужно искать мне нормальную работу? – строго спросил он.

– Ну коне-эшно. Уже думаю, – убедительно ответил Николай.

– Ну всё тогда, давай, – успокоившись, крепко пожал Олег другу руку.

Прекрасно понимая, что быстро повлиять на ситуацию с ремонтом у Николая никак не получится, и придерживаясь принципа «на друга надейся, а сам не плошай», чтоб оградить себя от участия в этом безумии, Олег вынужден был действовать сам. А остался ему только один вариант – действовать с позиции нормативных требований. Поэтому он и поторопился опять выехать на объект.

Пройдя вдоль участка производства работ, он ещё раз убедился, что весь трубопровод торчал из земли в среднем на полметра, и что вся пленочная изоляция или отсутствовала или разодрана в клочья, и которую, естественно, никто не ремонтирует, а на газопровод мужики лишь стелили сплошной ковёр из трёх спаянных между собой паяльной лампой полотен дорнита и на него экскаватором сыпали грунт. Затем его концы вверху соединяли и спаивали паяльной лампой, как делают пирожки. А потом и всё это засыпалось еще грунтом. Картина, что называется, всё шито-крыто и как будто всё чинно и благородно.

«А всё-таки хорошо, что даже с главным инженером не срослось. Вот как бы я сейчас выкручивался? Даже не представляю. Ага, назначили бы, а я им почти тут же выкатил, нет, мол, ребята, я так работать не буду. Конечно, несерьёзно. А вот сейчас мне их послать, да проще простого» – наконец-то хоть один плюс нашел для себя Олег в данной ситуации.

Он вошёл в прорабку, а здесь прямо как на ловца..., сам начальник ЛЭС беседовал с его мастером, а по совместительству со своим племянником, что ему тоже уже известно.

– А сколько самосвалов будет в ночную смену? – прозвучал его вопрос.

Любой заказчик, безусловно, вправе интересоваться, какими силами обладает подрядчик и способен ли в необходимом темпе соблюдать график работ, а значит, успешно и в срок закончить объект. Но в данном-то случае он был просто обязан остановить все работы, потому что шёл сплошной брак.

Если обычную конъюнктуру Олег не выносил, а такое тем более.

– Василий Иванович, да вообще-то, чтоб справляться с этой порнухой машин у нас предостаточно, двадцать три, а вот у меня вопрос посерьёзней. Про *действующий* газопровод я даже не говорю, это ваша головная боль и вам отвечать, если што случись. А вот, кто от вас будет подписывать акты о проверке сплошности изоляции? Засыпать-то трубу в таком виде нельзя-а! – специально растянул он, – Ему ж нужно вписать эту фамилию в акты. Серёг, ты бланки подготовил? – чтоб показать, что шутки исключены, добавил он.

– Да, вот, – приподняв журналы инструктажей, продемонстрировал тот целую стопку.

В эти секунды здоровенный мужик намного выше метр девяносто, потому что явно выше него, скукоживаясь, опустил голову и прям на глазах превращался в карлика. Былой важности, как и не бывало. И эта столь упоительная картина не могла не доставить Олегу удовольствия. Выдержав паузу, тот встал и неторопливо поплёлся к выходу, явно не зная, как быть. Но остановившись в дверях, бросил:

– Я сообщу в понедельник.

Но ни в понедельник, ни во вторник он ничего не сообщил. А в среду, появившись на базе, Сергей объявил, что дядя уехал работать куда-то в среднюю полосу России. Сначала этому Олег не придавал никакого значения. А позже, видя, что его жена, являясь главным бухгалтером ЛПУ, продолжала работать до осени, он сделает вывод, что его отъезд был далеко незапланированным, а само бегство посчитает вполне разумным.

А сам, хорошо осознавая столь щекотливую ситуацию, все эти дни только и ждал ответную реакцию, но ничего не произошло. И Николай молчал, и Рудневу он не решался позвонить, ведь сам не отзвонился, как обещал.

А в воскресенье появился новый начальник, Сайретдинов, которого Рубицкий сразу вспомнил, что тот работал у Малофеева сварщиком, поэтому и видел его лишь несколько раз, когда тот оказывался без маски. А как ему уже сказали, последнее время он был там начальником участка управления, которым ещё недавно руководил Ибаев. И тот тоже узнал Олега, пер-

вым кивнув, когда они мимолетно повстречались в коридоре конторы. Уж тот-то точно никак не мог забыть его. Но для всех странно было то, что его никто так и не представил коллективу. И вел он себя также, всё время был в кабинете, даже не собрав ни одной планёрки и не показываясь на объектах.

К селектору все собрались у Рубицкого. Выслушав его доклад, Граф заявил:

– Олег Владимирович, Вам сейчас необходимо сконцентрироваться на тех объектах, где большое отставание от графиков, а на ремонте газопровода есть компетентный человек, он там сам разберётся. Тем более, что там уже задействовано достаточно людей и техники, – уверенно сказал он.

От такой профанации Олега аж передернуло. А Костенюк сидел рядом, у стены, и новый начальник с Баженовым просто стояли напротив него, присев на обрешётку системы отопления. И если Евгений сделал недоуменное выражение лица, то те, как ни старались, так и не смогли скрыть всплеска своего экстаза.

Спорить или просто возражать столь очевидной глупости, а тем более, что услышит это чуть ли не вся область, Олег не стал. Хотя это был прекрасный момент, чтобы выставить автора такого абсурда именно так, как он и заслуживал. И что на этом объекте происходило, Олега волновало уже в меньшей степени, потому что он уже обезопасил себя от любых неприятных случаев, но такой поворот его не устраивал больше всего.

«Ах вот как вы решили бороться со мной. Ну-ну, давайте-давайте! Смотри, какой умник! И здесь он меня подставить собирается. Да ты еще мастеришкой по тому Агриму бегал, когда я уже знал, как обезопасить себя от любых подстав. Значит, вы меня отстраняете от объекта, а сами за моей спиной будете там творить всё, что вам вздумается, а мне потом подписывать процентовки и отвечать. Ага, сейчас! Ох и зря вы затеяли эту блокаду, да она же вам самим вылезет боком, олухи! Теперь-то мне ещё легче будет объясниться с Палычем и всё обосновать»

Он лишь усмехнулся и достал сигарету.

4

Но как бы там ни было, чтобы хоть как-то повлиять на этот дурдом, по вечерам Олег продолжал проводить ликбез Евгению по его же просьбе, рассказывая, как необходимо правильно производить ремонт. До этого он осветил ему несколько примеров по методам и технологии производства работ. И вот они присели возле окна на кухне, открыли форточку, не добиваясь очередных претензий от соседки.

– Жень, ведь суть-то ремонта в том, што необходимо устранить все несоответствия, а главное, ликвидировать все дефекты на трубе, – начал Олег, пододвинув пепельницу на середину подоконника, – А для этого её же нужно полностью обследовать. Вабще-то есть специальные сканеры-дефектоскопы, но их использовать можно только тогда, когда идет колонна трубоукладчиков при сплошной переизоляции и когда труба приподнята. А здесь щас это можно сделать только визуально, но и для этого все равно же нужно сначала содрать всю старую изоляцию и трубу, разумеется, нужно вскрыть, а не засыпать её в таком виде. Это ж реальное преступление. А што значит обследовать дефекты? Да то, что каждому нужно не только замерить глубину и ширину и длину или диаметр, но и проверить его хотя бы ультразвуком. Если это одиночная каверна, это одно, а если скопление, совсем другое. Это должны делать обученные дефектоскописты, и недавно для этого вышла специальная инструкция, даже программа компьютерная есть для расчетов, что нужно делать с каждым. А чтобы провести ультразвуковой контроль, поверхность должна быть зачищена, и шероховатость не превышала двадцати микрон, иначе прибор будет выдавать неправильные результаты. И только шлифмашинкой со шлифкругом добиться этого невозможно, после этого необходимо ещё и радиальной металли-

ческой щёткой поработать, чтоб идеально было гладко и блестело, как у кота... Короче, на каждую процедуру есть свои нормы, параметры, госты, вэсэны, инструкции, которых десятки!

Внимательно слушая, тот выдал:

– Да тут целая наука, оказывается?! – вроде искренне сказал он и, немного задумавшись, добавил, – Владимирыч, а ты знаешь, мы с Графом-то однокурсники. В друзьях-то не были, ну а так-то общались по-приятельски.

– Да ты чё? – удивился Олег, – Ну всё понятно, даже очень. Ладно, пойдем отдыхать, завтра продолжим, – затушил он сигарету, как и своё желание что-то рассказывать дальше.

Не доходя метров пятьдесят до базы, Олег понял, что произошло что-то серьёзное. Только они пересекли линию ворот, им наперерез от гаража бежал новый главный механик, Офицеров, появившийся в понедельник. Мороз под сорок, а от него аж извергался паровой шлейф, зависнув горизонтальным столбом. А навстречу ему мчался его механик, паренёк, которого он приволок с собой. Олег ускорил шаг.

– А чё случилось-то? – громко крикнул он.

– Да щас, щас, я зайду к вам, – отмахнулся тот и заскочил в конторку.

Не успели они ещё раздеться, как забежал Офицеров, упал на стул и, как бы из последних сил выдыхая, выдал:

– Да Катерпиллер наш на соседний газопровод наехал, – и тут же повесил он голову как подстреленный.

Олег сначала неимоверно испугался, но быстро понял, что до трагедии не дошло, во всяком случае, пока.

– Ну-у, а дальше, говори-и! – прокричал он, хорошо представляя ужасные варианты.

– Да всё уже, вытащили его. Пришлось Юру поднимать в три часа ночи, его сменщик-то выпрыгнул и сбежал, а потом побоялся за рычаги садиться. Провалился он в промоину, а она только снегом была припорошена.

– Да как он вообще там оказался-то?! – вновь неистово заорал Олег, потому что тот был в карьере, за пять километров, где рыхлил грунт, потому что экскаватор сам не справлялся.

И тем более он не мог поверить, чтоб опытный машинист, так как на такой технике не бывает сопляков, а такое допустил, наехал на действующий, к тому же на соседний газопровод.

– Да не знаю я, говорит, не видел. Одной гусеницей он наехал. Потом мы экскаватор подогнали, тросами его за контргрузы оттянули, поставили в вертикальное положение, и тогда Юра на одной гусанке выехал, – изможденно закончил тот.

«Фу-у, ну значит, плавно наехал. А если б резко завалился, то ударил бы остриём ребра трака, тогда б точно пробил, и уж тогда бы был полный ...» – сделал вывод Олег.

На самом деле, эта махина в пятьдесят тонн могла вспороть трубу как по маслу. И тогда наверняка произошло бы возгорание, если не от искры при ударе гусанки, то от работающего двигателя совершенно точно. И уж тогда жертв не удалось бы избежать, ведь рядом, буквально в восемнадцати метрах работало восемь человек, не считая водителей самосвалов, которые тоже могли оказаться под струёй пламени при таком-то бешеном давлении. Однозначно, в один миг все б зажарились как куропатки. А тот бульдозерист зрелый мужик и, в отличие от других, знал или прекрасно понимал это. И тогда это ЧП прогремело бы не только на всю страну, но и на весь мир. Но объяснять им эти страшные вещи у Олега не было никакого желания. К чему стремились, того и добились. И как не произошла катастрофа – для него даже не загадка, а самое настоящее чудо! И уж теперь-то разбора «полётов» не избежать. Костенюк, конечно, смекнул и сразу рванул на объект.

А был четверг. До селектора осталось буквально минут десять. Офицеров на месте Костенюка с опущенной головой, а Сайретдинов и Баженов, напротив в традиционной позе, почти полчаса по очереди воспитывали его.

Вспомнили всё, что можно, и должностные инструкции механиков и машинистов, и инструкции по технике безопасности и про слабый контроль, который ни он, ни его механики не осуществляли. Разумеется, всё это со смачным матом попеременно с разными крылатыми выражениями. Уже прошел контроль, а они всё продолжали нести этот несусветный бред.

– ...так что следить тебе нужно за этими разгильдяями. Вот пусть твои механики проверяют их чаще, всё равно здесь от них никакого толку! Да если бы твой Саша или Халдей их проверяли, такого бы не случилось..., – изрыгал новый начальник.

А тот отработал лишь полных два дня, а раньше был начальником автоколонны в автобусном парке Новгорода, то есть настоящих требований не знал и близко.

– Да вы чё на него напали? Он же ваще не причем! Механизаторы ему подчиняются только, когда их техника на базе находится или в ремонте, – не выдержал Рубицкий, – а шас машинисты подчиняются только *нам*! И инструктажи они проходили у нас, – для убедительности поднял он журнал, – вот, Костенюк их инструктировал.

Офицеров хоть голову повернул, бросив на него благодарный взгляд.

– Да и ваще, вы о чём? Капремонт разрешается производить только на отключенном и освобожденном от газа и конденсата газопроводе, это цитата! Вот какой главный вопрос, останавливать его нужно! А шас этот бульдозер ваще не мог там находиться или вся наша техника и люди должны были переданы заказчику, потому што только эксплуатация имеет право работать на действующем газопроводе. И как этот бульдозер там оказался, это был бы первый вопрос прокурора, если б были жертвы. Радуйтесь, што вас пронесло! Но это ещё не всё! Разрешение на работу в охранной зоне на кого выписано? На Нариманыча, которого уже нет две недели. А кто такой Костенюк? Да ваще никто! Временный! А значит, ваще не должностное лицо управления. Да-да, значит, и никакой ответственности. В трудовом соглашении у него даже нет, что он прорабом устроен. А если б и было, это ничего не меняет, абсолютно. И если б газопровод разорвало, он бы только помахал вам ручкой, вот так, аля-улю! Он же ваще может сказать, что просто каким-то бригадиром работал или ещё чё-нибудь поумней придумал. Он же не дурак, назовёт себя каким-нибудь консультантом, компетентный ваш, и всё. А я ему шас даже подскажу это. Вы хоть понимаете ваще, што там происходит и чем всё это вам грозит, а? Вот, то-то же.

Те молчали, опустив головы как нашкодившие пацаны. Офицеров уже ухмылялся и смотрел на Олега как на спасителя, и конечно начал понимать, что те вообще ни в чём этом не разбираются.

– И я не знаю, как он, Пал Ильич, – показал Олег на Сайретдинова, – он ведь тоже ио или даже врио какой-то, поэтому тоже выкрутится наверняка. А вот ты за безопасное производство несёшь перс-сональную ответственность и точно загремишь под фанфары, как пить дать. А меня подставить у вас ну никак не получица! Я-то не подписывал ничего и не соглашался работать на действующем газопроводе, и акт приёма-передачи газопровода в ремонт не подмахивал. Так што решайте все это и срочно! И ваще благодарите судьбу, што не взорвалось, и Юру, што согласился сесть за рычаги. А если это до трансгаза дойдет, а оно дойдёт, несдобровать вам всё равно.

Только сейчас Баженов сорвался с места и пулей из кабинета, чуть не свалив в дверях входящего Костенюка. А Сайретдинов остался, не проронив больше ни слова до отъезда.

Осталось неизвестным, как у Баженова так проворно получилось, но уже утром из треста пришёл приказ о создании отдельного линейного участка со штатными единицами начальника, прораба и мастера. И Евгения в срочном порядке перевели его начальником, о чём он в обед сообщил Олегу и без какой-либо благодарности. А она ему и не нужна была, ведь то, чего он добился, не могло сравниться ни с чем. Сбросив с себя этот невероятно опасный груз, он вздохнул как человек, которого миновала черная чума.

Подошёл конец марта. Никаких мер так и не было принято, газопровод засыпали без остановки и не переизолировав ни метра. И Рубицкий не получил никакого предложения.

5

Вернувшись из Ладыма, он заехал в контору, чтоб сдать подписанное выполнение. Вбежав на второй этаж, он повернул направо и чуть не столкнулся с Малофеевым, который только что вышел от начальника производственно-экономического отдела.

– О, здоров, вернулся, да? – прям полез тот обниматься, как будто ничего особенного не произошло, а если и произошло, то он совершенно не причём.

А Олег давно понял, что для этого тот специально молчал, когда они ходили к Графу.

– Здорова, – машинально брезгливо процедил он и тут же пожалел, что вообще стал общаться с ним, а ещё и руку подал.

А теперь вырвал её, как бы боясь заразиться от него непорядочностью.

– Ну что, поздравляю тебя, хватит бегать по стройкам, уже не юноши мы с тобой, – в своей жеманной манере потянулся он к уху и показывая на дверь, откуда вышел, – вот, принимай отдел и до осени ещё потерпи. Вот, пока так. – заговорщицки перейдя на шёпот, пролепетал он.

В это время из кабинета главбуха, который был рядом, выпорхнул Сайретдинов и слышал его последнюю фразу.

– Да-да, Владимирыч, всё решено, занимай кабинет, – протряс он головой.

– Ну всё, мы торопимся, а если что, звони, – сказал Малофеев, явно преувеличивая свою занятость и, конечно, не забыв характер Олега, чтобы избежать потока уместных слов.

И они вместе как малолетки попрыгали по лестнице. А он как стоял оглушенный, так с открытым ртом развернулся и направился к Баженову.

Только после обеда, и уже пообщавшись с девушками отдела и узнав, что его предшественница была племянницей Бацуры, он зашел в кабинет. Стал разбираться с документами и вместе с процентовкой Костенюка на сто миллионов по законченному объекту он обнаружил ещё одну, подписанную только Сайретдиновым и на шестьдесят семь миллионов, отданных «Прогрессу». Смотрел он и глазам не верил. А как тут не верить?

«Вот это да! Да у них же всего семь самосвалов было и больше ничего. Ну максимум на пятнадцать они могли претендовать. Оборзели, сволочи! Больше пятидесяти лимонов ни за что! А-а, так вот почему Марина так неожиданно уволилась, и вот зачем Ибаеву нужен был свой человек в начальниках! Так, так, и здесь засада! Да какая засада, это ж вообще задница прям! И вот, почему Петя приехал. Она, видать, пожаловалась дяде! Ну, и что толку? Так-так, а что ж делать-то? Да ничего я не сделаю. Значит, этот вопрос решён на уровне Графа, а то и выше. Да, без вариантов. Так, значит, они меня убрали с объектов, чтоб я им там не мешал, это и дураку ясно, ну а здесь-то они на что рассчитывают? Что я буду им подмахивать вот такую же туфту? Ага, разбежался. Ну, идиоты, точно!»

Тут звонок.

– Да.

– Олег Владимирович, а можете ко мне зайти, – дребезжащим голосом попросила его соседка, которая теперь тоже подчинялась ему.

Он спустился, открыл дверь, а она с на выкате и без того большими изумрудного цвета и подмокревшими блестящими глазами вопит:

– Олег Владимирович, ну што мне делать? Я не знаю, как быть. Вот, смотрите, здесь пятьдесят соглашений только что принесли, а я их вообще не оформляла, и вот зарплаты на них двадцать миллионов, – протянула она их пачку, которые оформляются, разумеется, до приема на работу, – и вот, – показала она на лежащий на столе реестр зарплаты, – я не собираюсь

ничего этого подписывать. И Костенюк молчит, да и сам даже всё это подписал. Но ведь этих же людей не было на объекте, вы же это тоже знаете, – простонала она.

А сама бледная и руки дрожали как у старушки, хворающей болезнью Паркинсона.

Олег взял реестр, а тот тоже был уже утверждён Баженовым.

«Да ну на...! Смотри, что они творят! Ну, Па-аша, вот балбес, неужели не понимает? Да всё он понимает! Детский сад что ли? Вот чурек, как он их приручил-то тут ловко! Ага, повинность чётко распределил. Один, значит, ему процентовки подмахивает, а другой наряды, и главное, по нашему управлению! Это ж весь фонд зарплаты за месяц забрали, да даже больше. Вот аферюги поганые! Просто ни за что, почти чистыми семьдесят лимонов может в карман себе положить. Да за эти деньги можно построить крытый ледовый корт для детей без искусственного льда, а может даже и с искусственным»

– Да, не было там из них никого, – и не подумал он покрывать эту шоблу, – звоните в трест своим, а я подтверждаю, если што, ну а чё я могу ещё сказать? Да только вряд ли это поможет. Там всё это согласовано, – бросил он на стол бумаги, сделав этот вывод исходя из результата приезда Петра.

Так и не найдя поддержки, на следующий день она тоже уволилась.

Минуло две недели. Прекрасно понимая, что так и будет продолжаться, Олег не стал ждать решения от Николая и вечером позвонил Рудневу. И утром пришла телефонограмма, чтоб его срочно командировали в УКСиР.

IV глава

Не каждый сознает, чем он живёт.

И.В. Гёте

1

Он стал оформлять командировку, но даже Сайретдинов ничего не спросил. Поэтому он невольно подумал: «Уж он-то знает обо мне больше всех и настолько же заинтересован, чтоб я слинял отсюда хоть куда-нибудь и лишь бы побыстрее».

Так, под завесой тайны в шесть вечера он был в УКСиРе. А охранник ему объявил, что шеф в объединении. Выйдя на крыльцо, он нисколько не сомневался, что тот появится, хотя они не договаривались. Погода была отличная, даже превосходная, тепло, снега почти нет, кругом лужи. А когда он вылетал, там было двадцать три мороза. Совсем не зря же эти места называют «еврейским севером».

Не прошло и десяти минут, показался чёрный лупоглазый мерседес. Поравнявшись с ним, Руднев протянул руку.

– Ох, и выпороть бы тебя. Ты что там натворил? – сурово бросил он, проходя мимо.

Ошарашенный Олег за ним и только прошли вертушку, не выдержал:

– А чё случилось-то, Андрей Палыч?

Тот не ответил, продолжив подниматься по лестнице, что ещё больше встревожило Олега. Так они и зашли в кабинет. Руднев небрежно бросил пальто на стулья, хотя стойка-вешалка для гостей была ближе.

– Да ты не представляешь, что тут было с утра, – заходил он вдоль своего стола, – Около десяти звонков. Малофеев попросил его принять и сказал, что потребуется участие основных начальников отделов и всех моих замов. Через двадцать минут заявляется и какую-то чушь как понёс. Ну что типа по трём объектам в сметах ошибки, нужно их переделывать, добавлять и составлять допсоглашения к договорам, но ничего конкретного. А пока мои переглядывались, он тут *такое* как понёс про тебя. Я даже не успел ему рот заткнуть. Все, конечно, поняли, что

именно за этим он и пришёл, встали и потянулись к выходу. Тормозить их я не стал. Сижу, как помоями облитый, не знаю, что и сказать. Вот дерьмо собачье! Я таких ещё не встречал. Встаю и сам на выход. Он, конечно, за мной и смылся. Ну а теперь ты рассказывай.

Пока он излагал этот обнос, хоть и без конкретики, у Олега вся спина взмокла. А больше ему было неприятно, что тому пришлось это выслушивать.

«Ну, точно, дерьмо. Вот тварина, целый спектакль здесь разыграл»

А сам даже не знал, с чего начать и вообще, о чём говорить.

– Андрей Палыч, да я честно не знаю, что значит, *такое*. Ну, может быть, если только про девятое марта. Но и тогда ничего особенного не было, – всё-таки приступил он, вспомнив тот случай, о котором могла бы идти речь, а тот его видимо так разукрасил, что Палыч до сих пор в шоке, – ну была там одна ихняя интрижка. Утром я, как обычно, сходил на базу, сделал развод и вернулся, чтобы отлежаться. Поджелудочная прихватила, а выпили-то мы всего бутылочку на троих с соседями, муж с женой, просто поздравили её. Кстати, они тоже потом жаловались, видать, паленая была. Медполиса у меня еще не было, в поликлинику не смог пойти. А перед обедом нагрязнула целая делегация баб, типа профактив. Припёрлись якобы по жалобе хозяйки, которая якобы заявила им, что мы квартиру уделали. А каждое утро уборщица приходила и убирала, там всё идеально было. Все шкафы на кухне перевернули, холодильник, даже мусорное ведро обнюхали. Ясно, искали что-то спиртное, но, разумеется, ничего не нашли. И кадровичка с ними была, я ей про полис и сказал, и вечером мой водитель его привез. На следующий день я сходил в поликлинику, врач оформил больничный, выписал таблетки, но на работу всё равно ходил. Вот и всё. А что он тут наговорил, брехня. Можно прямо сейчас набрать кадровичку, она постоянно на работе до восьми, наверняка ещё на месте и всё подтвердит.

Олег повесил голову, неудобняк, просто ужас, готов хоть сквозь землю провалиться, и хотел только одного, лишь бы побыстрее уйти.

Только сейчас Руднев присел.

– Ну ты ж понимаешь, все слышали эту грязь, и надо чтоб всё утихло. Давай так, ты возвращайся, до осени пока спокойно работай, а после отпуска я вернусь и всё порешаю, – совсем другим, благодушным тоном подвел он итог, отключая ноутбук.

– Понял, ну всё тогда, я пошел?

– Да, давай.

И Олег как гадкий утёнок почапал в ближайшую гостиницу. И звонить другу он передумал мгновенно.

«Смотри, какая гадина! Интересно, а на что он рассчитывал? Неужели думал, что Палыч мне ничего не расскажет? Вообще-то похоже. Да ну, нет, вряд ли. Значит думал, что я это проглочу, так что ли? Конечно. Вот какие нужно иметь мозги, а верней, не иметь, чтоб не понимать этого? Это ж получается, что таким образом он хочет удержать меня, а осенью что-то предложить, и тем самым реабилитироваться передо мной. Но тогда же должен был хотя бы сказать мне об этом, что он ждет чего-то и попросил бы подождать. Разве я б не понял? Значит не уверен. Да и что он вообще может мне предложить? Его же самого тут ни во что не ставят! Конечно, не уверен, поэтому и тайну из всего этого устроил. И ради этого, смотри, на что пошёл, облил ни за что ни про что! Ни хрена себе, выход. Да ты сам опозорился, скотина. И за такое нужно морду бить. Ну а что, может точно, сейчас пойти и набить ему пару фингалов. Хоть народ повеселить, наверняка же многим понравится. Да не, руки ещё об него марать. Сразу же прославлюсь, ещё хуже будет. А ведь знает же, что я в курсе всего этого беспредела и не терплю его. И знает же, что легко могу морду набить, как тогда ихнему Маткову. Ну точно, идиота кусок. А ещё туда же, давай, ага, до осени потерпи, мол, и типа я всё сделаю. Ага, буду я ждать и терпеть все эти ваши аферы, дерьмо вонючее! Так-так, а как же с Колей-то быть? Ведь обидится же, что даже не позвонил. Узнает же потом. Ну, тварь, вот это ты мне устроил! Такое прощать нельзя, ни за что! Живет, падла, как в той жидовской заповеди, если тебя ударили по

одной щеке, подставь другую. Ага, подставляю я тебе, мразь поганая! Ты меня тогда обманул, я, дурак, пожалел тебя. Ох и зря ты это сделал. Да ты меня ещё не знаешь! Я же никому и никогда гадости не прощаю! Ничего, узнаешь еще, мразота. Я тебя так уделаю, что ты век не отмоешься»

Сомкнуть глаз ему так и не удалось. Утром заказав такси, он сразу позвонил Спивакову, как обещал.

2

Выйдя из аэропорта, он увидел посреди площади его приметный УАЗ переходной модели и синего цвета, наверное, единственный в городе.

– Ну, с чем тебя поздравить, А-алег Вла-адимирович? – нараспев спросил Вячеслав на поволжский манер.

А года четыре назад он приезжал к родителям новой жены, и позвонил ему. Они встретились и посидели пару часов в кафе, пока его Галочка бегала по магазинам. И после он постоянно так подкалывал Олега. Тот привык и, не стесняясь уже знакомого водителя, выплеснул всё, как было.

– Вот, дрянь! Ну вот как таких земля только носит? – как всегда, в рамках приличия, возмутился интеллигентный Вячеслав, – Представляешь, Ген, он начальником дирекции у нас был и пять лет нас за уши тянул. Вот как такое можно понять? Я ума не приложу! Ох и зря я тогда не засунул его опять в плотники. Кстати, ты же меня всё отговаривал. А потом ещё и главным его сделал, хотя Незлобин больше заслуживал. Ага, терся всё вокруг меня, умолял. Хорошо еще, потом быстро сдернул в Туринск. Да он и мне, Олег Владимирович, совсем не помогает, а наоборот, одни только палки... Вот ни разу, ничем не помог. От Графа и то больше пользы. Тот нет-нет да хоть што-нибудь порешает, а этот ну вообще ж никак.

– Да я смотрю, у них там все как на подбор. Ага, по конкурсу, видать, по самым лучшим критериям подбираются, пакостным. Ладно, Вячеслав Анатолич, я это просто так не оставлю, он у меня ещё получит. Ну а щас, чё, куда?

– Да, давай, туда же, в Сирень, шашлычки там лучшие, – в очередной раз подтвердил он своё постоянство, которое лучше мастерства.

А за обедом ещё выяснилось, что и он оказался здесь благодаря Ибаеву. Пока он был в отпуске, тот так проворно прогнулся перед Графом, что остался в Светлоярске, хотя уже было озвучено решение, что там должно было остаться его управление.

И Олег не мог не усмотреть в этом схожесть их «родственных» душ.

V глава

Я рвусь вперед, как во хмелю.

Тогда, ручаюсь головой,

Готов за всех отдать я душу

И твердо знаю, что не струшу

В свой час крушенья роковой.

И.В. Гёте

Вернувшись, Рубицкий, конечно же, не впрягся, а принялся за работу без всякого энтузиазма. Вечером они с Костенюком как обычно присели у окна.

– Владимирыч, я сегодня в бухгалтерию заехал в конце дня, а там главный инженер Прогресса те двадцать лимонов в портфель складывает, – ни с того ни с сего заявил он.

– Как это? – очень удивился тот.

– Да очень просто, выложил доверенности от каждого и получил.

– Нотариальные што ли?

– Да какие нотариальные? От руки написали, а кадры заверили. Всегда так делают.

– Вот аферюги, ..., – отпустил Олег хлесткую фразу, – Да ну их... Давай, я лучше про подготовку к испытаниям тебе расскажу, а это самый серьезный этап, – как бы равнодушно сказал он, а его аж подбрасывало.

– Да я знаю это, я ж всегда в этой комиссии был, с инспектором работал. Вопросов-то много было. А утром придешь с глубокого бодуна или ваще не спавши, а Волончук на меня, да ты шо приперся в таком виде?

– Чё, правда?

– Конечно! А сам же всегда меня для этого и посылал!

– Так надо было и говорить ему, да иди сам тогда и решай все проблемы.

– Да у него тоже язва, дружок же Графа.

– Ну и чё? Пусть бы шел и просто наливал, унижался и обещал бы всё сам.

– Да куда там? Там само высокомерие, похлеще Графа.

– Да тогда нужно было инспектору объяснить, что типа шеф не согласен с тем-то и тем-то, что он требовал от вас, и хоть раз-то сделал бы так, чтоб проучить его.

– Да? А тот ваще ж без понятия как с госнадзором работать.

– Да сразу бы всё понял, когда тот выставил ему, дачу или гараж построить на родине, а лучше его соседу какому-нибудь. Мгновенно поумнел бы!

– Да он никогда неставлял ничего такого.

– Ну тогда похитрей сделать, просто намекнуть ему, пусть бы он сам требовал, типа, да вы ваще кто такие? Давайте сюда начальника!

– Да?

– Конечно!

– Да проблемы были в основном-то монтажников, субчиков, не пошел бы.

– Да куда б он делся, если б тот сказал, всё, везите меня домой, а когда всё устраните, вызывайте. Прибежал бы и сам бы с ним пил!

– Да?

– Да конечно! Горбатых при жизни надо лечить.

– Ну ты даешь, Владимирыч, а я не догадался. Вот почему нас раньше жизнь не свела? Совсем всё по-другому бы пошло.

– Да это ж элементарно. Ага, ты чё в таком виде? Да он был бы еще в худшем, когда об него ноги... Ладно, Жень, всё, пойдём отдыхать.

И они разошлись по своим комнатам.

Беседы беседами, но все его старания никакой пользы так и не принесли. В том же ключе засыпав пять километров на другом участке, Костенюк принес ему процентку на сто миллионов, которые также распилили, как и предыдущие. С четырьмя Ныринскими объектами картина была идентичная. Он опять смотрел на эти акты и диву давался, как всё легко они обтяпывали, и был абсолютно уверен, что даже незабвенный Остап позавидовал бы им.

И почти всё свободное время он только и размышлял над этим безумием и никак не мог взять в толк – откуда ноги растут. Ситуация-то была очень запутанная, и одно не срасталось с другим. Ведь в трансазе все считали, что всё нормально, хотя профанизмом прямо смердило, так как специалисты не могли не знать, что всплывший газопровод с пленочной изоляцией,

однозначно подлежит полной переизоляции. Ведь буквально за несколько часов, а то и минут, на солнце она на глазах вспучивается, и под неё мгновенно проникает воздух, и процесс коррозии начинает действовать, что совершенно неоспоримо.

«Ну да, ведь все видят же это, но ничего не предпринимают. А почему? Значит, есть какая-то установка. Да нет, не может быть, это невозможно, технадзор же ведётся. Так, а сколько их? Представитель от линейной службы – раз, от группы РиНС⁵ – два, от службы ЭХЗ⁶ – три, отдельно Газнадзором, еще кураторами УКСиРа, дефектоскопистами и независимым технадзором. Семь! Да просто нереально заставить закрыть глаза столько народу! Ну тогда почему не пресекается этот беспредел? Не может же быть столь масштабной круговой поруки! Но она же есть, это очевидно. И куда смотрит госнадзор? Ничего не пойму!»

И так почти каждый перекур.

Закончился год. Его дважды приглашали в крупные фирмы на приличные должности с достойной зарплатой, но он отказывался. Руднев молчал, и похоже, что всё-таки подействовала пакость Петеньки. Поэтому и он сам не собирался ему звонить. Начался новый сезон, безумие продолжалось. На этот раз он жестко озадачил Николая. И через три дня тот сообщил, что его ждут в Орггазе.

А эта организация осуществляла технадзор еще при строительстве всех газопроводов в области, а теперь за их ремонтом. Он и сам первые три года работал под контролем ее специалистов, потом они подчинялись ему, и ни разу у него не было к ним претензий, так как их компетентность и требовательность всегда находились на высоте. Он согласился, конечно же рассчитывая на то, что его полномочия при поддержке руководства позволят ему направить ремонт в правильное русло.

2

Первым объектом стал ремонт перехода через небольшую речушку, суть которого была в сооружении обводной линии с последующей врезкой в существующую нитку.

Сначала он заехал к подрядчику и проверил у них документацию. Оказалось, что фирма уже делала не первый такой объект, документы у них были в порядке. Переехали с начальником участка на место производства работ. А там рядом с отводами заводского изготовления лежали трехтрубные секции в подранной изоляции, значит, вырезанные на одном из предыдущих объектов. Осматривая и глядя их пальцами, даже без шаблона сварщика он легко определил, что вся очищенная поверхность от старой изоляции была усеяна кавернами глубиной до двух-трёх миллиметров, а что под неочищенной и большей частью трубы, неизвестно. А рабочие уже готовили пескоструйки.

– Так, Володя, даже не прикасайтесь к ним! – строго сказал он, вытирая носовым платком руки от ржавчины.

– Почему? – удивился молодой парень.

– Как почему? Для высшей, первой и второй категории трубы бэу вообще запрещено применять даже без дефектов!

– А что ж нам делать-то, Олег Владимирович? У нас же сроки! А новой-то у них нет, – искренне заволновался тот.

– Поехали к заказчику, – пошёл к его машине Рубицкий.

А там он быстро установил, что в проекте об этом ничего не указано. Олег объяснил это начальнику ЛЭС, которым стал Михеев-младший. Тот только руками развёл. Тогда он выписал предписание, выдал начальнику и факсанул в УКСиР и своему начальству.

⁵ Группа ремонта и незавершенного строительства,

⁶ Электрохимзащита

Два дня прошло спокойно. Утром руководитель группы РиНС Брагина позвонила ему и сказала, что шеф ждет его. Войдя в новый кабинет с черной как смоль мебелью, он застал хозяина за разговором по телефону и, не дожидаясь приглашения, прошел и сел.

– Здоров, Владимирыч. Слушай, ну вы ж технадзор заказчика и должны защищать наши интересы, – положив трубку, патетично начал прожжённый «дипломат», как только секретарь поставила им чай и ушла.

– Ну, разумеется, Валентин Алексеевич, – отхлебнув и улыбаясь, специально, как бы обнадеживающе растянул Олег, хорошо понимая, что сейчас все призывы перерастут в давление.

Видимо, не уловив его иронии, Михеев продолжал:

– Ну да-а, ты ж понимаешь, с новой-то трубой ох как сложно, знаешь же, какие цены-то щас бешенные.

А Олег и не сомневался, что речь пойдёт именно об этом.

«Ага, а сотнями миллионов разбазаривать налево и направо тебе не сложно! Небось и тут выгоду хочет выкроить? А-а, точно! Как же я сразу-то не догадался? Он же на разнице в стоимости трубы еще хочет хапнуть! Так, а сколько это? Двести метров, это сто двадцать тонн. А тонна сейчас под сорок где-то. О-о, ещё почти пять лямов. Ну ты хоть бы намекнул, а то уж совсем как-то не по-русски. И что ж вы, хапуги, такие жадные-то? А-а, чуёт, видать! Ну и правильно»

– Да конечно знаю, и очень даже прекрасно. Но нужна новая.

– Э-э...

– Да не-не, даже не стоит, Валентин Алексеич, – оборвал его Рубицкий.

А сам вдобавок ещё и головой мотал, показывая, что бесполезно.

– Ну подумай, подумай, время ещё ж есть, – протянул Михеев, явно давая понять, что вопрос всё равно придётся решить именно таким образом.

– Валентин Алексеич, не-не, нужно искать, – сморщившись, выдал из себя Олег.

– Слушай, ну я уже разговаривал с твоими коллегами, и они тоже не понимают, в чем проблема, давай, пусть изолируют, – ублажаясь своей находчивостью, сказал тот.

«Ну что за человек, неужели не понимает, что позорится только?»

– Да мне вообще неинтересно, кто и что говорит. Есть нормативный документ, я же вам всё это указал, – сделал Олег уставшую мину.

– А где взять эту инструкцию, хоть посмотреть?

– Ну с собой у меня нет. Да это ж наша, газпромовская, она обязана у вас быть, в электронке-то точно, – фыркнул Олег, передумав пока говорить, что они обязаны её знать назубок.

– Ладно, поищем. Ну а в чём проблема-то? – ещё раз опозорился тот насчет поищем.

– Валентин Алексеич, а Вы уверены, что эта труба выдержит испытание? Я вот нет. Там же каверны почти насквозь. Вы только зря теряете время. Ну зачем вам такие проблемы? Мне вот не нужны. Решайте, и как вы говорите, мы должны защищать ваши интересы, вот я так и действую. А это только в ваших интересах, – специально сделал Олег очередной акцент на последнем слове, чтоб тот больше ничего не и пробовал просить, – ну что, пойду я, ладно. И спасибо за чай.

Старейшина промолчал, поэтому Олег так и вышел.

И как ни странно, этого оказалось достаточно. В понедельник пришло указание транстаза – использовать трубу из аварийного запаса. На следующий день стали её завозить, а обратным рейсом вывезли те.

Затем ему достался контроль за линейным объектом. И с ним все те же лица, кроме Костенюка, сбежавшего сразу после него, совершили то же самое. А чтобы подписать свой табель, по которому его фирма оформляет выполнение, он зашел к Брагиной. Женщина уже в годах и, являясь скорее всего двоюродной сестрой жены Руднева, потому что очень похожа, и зная всю его ситуацию, с первых дней часто делилась с ним разной секретной информацией. Между ними давно сложились хорошие отношения.

– Здрасти, Галина Николаевна, ну што, как жизнь молодая?

– А-а, всё шутишь, привет, – улыбнулась она.

– Ну а как еще? Наши-то с вами успехи, конечно, заставляют желать лучшего, но унывать-то нельзя, – положил он ей на стол листок.

Она сразу подписала.

– Ну да, так-то правильно, – вернула она документ.

– Да, конечно. А эрсушники подходили к вам с процентовками? А то мне даже не звонили еще, и чё-то уж совсем непонятно. Ведь завтра им в Ладыме уже надо быть.

– По Петровску были, да, подписала им уже, а те ещё нет.

«Ого, вот это да-а!» – прям обалдел он.

Ведь тот объект контролировала другая фирма, но к нему даже *не приступали*. Он своими глазами видел, что вся землеройная техника другого подрядчика, простояв несколько дней прямо напротив конторы РСУ на железнодорожных платформах, так и убыла в обратном направлении.

– Ну ясно, ладно, побежал я. А если будут вопросы, звоните.

– Да, конечно.

«Да пусть как хотят. Что я им, нянька что ли?» – лишь про себя на ходу подумал он, ведь уже дважды они обсуждали с ней всю ситуацию ремонтом.

Четыре Ныринских объекта были зеркальным отображением прошлогодних. Абсолютно не реагируя на его предписания, участки так и засыпали без ремонта изоляции.

За эти три с небольшим месяца он очень устал. Настолько эта шайка достала его, что он уже не мог смотреть на их надменные рожи, уверенные или даже точно знающие, что у них всё получится и никто им не помешает. Но главное, что так и происходило. А устал он больше от того, что ничего не в состоянии поделать с этой кодлой, поэтому и ждал, когда закончится эта вакханалия, чтобы хоть немножко передохнуть. И вот наконец-то майские праздники – конец сезона.

Перевалила середина мая, за эти две недели Олег слегка расслабился. Дважды с кампанией они съездили на шашлычки и насладиться природой. Бытует мнение, что растительность на Севере очень скудная, с какими-то карликовыми березками, елочками и сплошными болотами. А болото оно и есть болото. Но это далеко не так. Местами все-таки есть небольшие лесочки, особенно вдоль рек и ручьёв, которых тут на каждом шагу и вполне достаточно, чтобы отвести душу. А какой невероятной красоты природа осенью с её красками. Даже обычные кусты блестят на солнце своим разноцветием так, что глаз не оторвёшь. А ягель – вообще прелесть. Сравнить его с чем-то невозможно. Достаточно представить сплошной ковер густой-густой до двадцати сантиметров травы салатно-пепельного цвета, на который если уляжешься, ни за что не захочешь вставать. Настолько он мягкий и в то же время упругий, что никакие перины или любые самые современные матрасы никогда не будут стоять рядом. Аккуратненько-аккуратненько, чтоб ни в коем случае ни коленом, ни кистью, ни локтем не надавить и не раздавить его, приляжешь, утонешь в нем и испытываешь сказочное блаженство. Но вся соль не в этом, а в том, когда встанешь, то непременно увидишь, как прямо на глазах он начинает подниматься и вскоре принимает свое первоначальное заповедное состояние, как будто никто на нем не лежал и не придавливал его. Тогда начинаешь понимать, что это не какое-то фантастическое волшебство, а натуральное природное Чудо.

Вчера вечером Олега главный шеф из Подгорска, Самарин, предупредил, что завтра будут проверяться его объекты, особо отметив, что от УКСиРа вылетела «очень серьёзная женщина». С утра он в Ныре.

А вышли из вертолётки только две женщины. Вторая была Карлова, которая весь прошлый год пыталась поиздеваться над ним при приёме выполнения и сейчас она куратор его объектов. А её коллега была ещё хлеще. Однажды, при нём та показала Карловой альбомный лист, на котором не просто схематично, а в аксонометрии был нарисован переходной мостик из металла. И каждая деталь была выполнена в масштабе, и даже арматура как на фотографии.

– «Вот, Таня, смотри, всё-таки добилась я от него» – встала она и, аж пританцовывая, продемонстрировала чертёж, чуть ли не получив оргазм.

А та ей в ответ:

– «О-о, теперь я так же буду требовать».

И наверняка требует. И их не волнует, что прорабу, у которого каждая минута на вес золота, или кому-то из его подчинённых приходится терять на эту совсем ненужную глупость полдня, не меньше. Олег тогда еле сдержался, а так ему хотелось проучить их. И он всё ждал, когда подобное она выставит ему, но этого так и не произошло. И ему до сих пор жаль, что так и не представилась возможность прочистить ей мозги. Монстр в юбке – самое безобидное, что говорят о ней. А кто из себя вторая – вообще вопрос.

Прекрасно понимая, какие предстоят мучения, представители ЛПУ за обедом по очереди отговаривали их от поездки. А он только ухмылялся, зная, что бесполезно. Так и вышло, те оказались непреклонны.

Выехали на вахтовке, мужики в салоне, а эти дамы в кабине. Бетонка разбита, яма на яме, и на каждой голова чуть не отлетала, а кишки тем более. Даже самый ужасный кромешный ад они уже считали несбыточной мечтой. А в окошко было видно, как те садистки-мазохистки болтались там как неваляшки, и каждая держалась за ручку впереди себя двумя руками. При виде этой картины Олег не мог не вспомнить поговорку дяди Коли – «да все бабы одинаковы (чаще он говорил, дуры), у них же не работает левое полушарие», а про себя он сейчас добавил: «ну да, только одни чуть меньше, а другие намного больше. И эти конечно же относятся ко вторым».

Через четыре часа проехали только пятьдесят километров, бетонка закончилась, а до объектов ещё около двадцати. Пересели в гусеничный вездеход. А этим мадам нужно было только взглянуть на отвалы грунта, чтобы зафиксировать факт выполнения работ. Поэтому злость у всех кипела, а сделать ничего не могли.

Хоть тундра и ровная, но опять же кочка на кочке, и совсем не чувствовался гусеничный ход. Олег присел на корточках, так легче амортизировать. А бабушки, хоть и на своих пухлых попках, но железо и есть железо. Дали им какие-то куртки подстелить, но всё равно очень жёстко. На кочках мотало и подбрасывало конкретно. Олег старался на них не смотреть, жуть брала, как они подпрыгивали и падали, морщась от боли, ведь держаться-то не за что.

Наконец остановились, выбрались наружу, а комаров и мошек размером с муху столько, что неба не видно. Тундра уже ожила, стоять – самое настоящее самоубийство. К тому же, оказалось, что средств против гнуса никаких не взяли.

– Во, молодцы, сообразили, как их проучить, – не без удовольствия прошептал Олег.

И буквально взглянув на отвал грунта, все бегом назад, иначе съедят заживо. Все парни-то в штанах и в ветровках, а те красавицы в сарафанчиках, руки и ноги голые, вырядились как на бал, смотреть страшно. Солнце прямо над головой уже, палит прилично. Через десять минут

остановились на другом участке, картина та же – отвал двухметровой высоты. Наша Танечка, так ее все звали, перепрыгнула по кочкам к Рубицкому.

– А зачем они так много сыпят? – тихонько спросила она, чтобы никто не слышал.

Он, конечно, догадался, что она задала вопрос, потому что, наверно, видела в СНиПе, что валик должен составлять полметра. Но эта норма относится к построенному объекту и имеет чисто формальное значение – чтобы просто была обозначена ось газопровода и на естественную просадку грунта, и к данному случаю не касалась, абсолютно.

«Ну как, зачем? Да чтоб вас всех в уксус идиотами сделать!»

А ей надо было измерить только высоту отвала, чтобы посчитать объём грунта и сверить с объёмами в процентках. А то, что его в принципе не должно быть, это её не волновало совсем. И то, что внутри всплывший и с поврежденной изоляцией газопровод, который теперь наоборот будет усиленно коррозировать, ей совсем не нужно, как будто её это совсем не касалось. Ясно же, что она в этом вообще не разбирается. А только смотреть на этот отвал без претензий – уже самый ярчайший и самый точный признак дурачины!

«Да ты просто дура набитая, хоть и в сметах разбираешься хорошо, и кто додумался назначить вас кураторами на эти объекты такие же идиоты! Ладно, эти аферисты, они заинтересованы, чтоб их не разоблачили, поэтому и будут здесь прогибаться перед вами, придуриваться. А я-то что тут делаю? Надо ж было ещё за обедом так и сказать им: «Девочки, вы меня с кем-то спутали, я уже видел и знаю, что такое песок! Так что сами езжайте и смотрите на него, а я как-нибудь в следующий раз, может быть»

Но хамить им нельзя, заказчик всё-таки, поэтому собрав в кулак всю свою выдержку, он все же решил хоть немножечко поиздеваться над ней.

– А это не ко мне. Они ж так требуют, вот их и спросите, – показал он на мастера ЛЭС и руководителя группы РиНС.

А самому было интересно послушать, как те будут выкручиваться и вешать ей лапшу на уши. Но к его огромному удивлению, она молча пошла обратно, и за ней друженько все остальные. Газушка сразу дала ходу, чтоб не заели проклятые. Пока тряслись до следующего участка, Олег на очередной кочке ударился голенью о лавку, аж слезу пробило.

«Да ё-моё! Сейчас вылезем, точно скажу, девочки, вы что не видите? Мы здесь уже были. Нас же просто с другой стороны привезли. А чтоб вас больше не обманули, не садитесь внутрь, а нужно стоять и наблюдать в люк. Пусть они наглотаются комариков. Ну а что, будет хоть что вспомнить. Вот они задержаются сейчас»

Но вспомнив о матче ЦСКА с Севильей за Кубок УЕФА, он отказался от этой затеи, ведь они могли заставить объезжать по новой, и тогда он точно не посмотрит футбол.

Наконец остановка, все выползли уже еле-еле. Танечка, опять взглянув вдаль, приблизилась к Олегу.

– А почему такие большие комья? – на этот раз уверенно, с претензией произнесла она, как бы празднуя победу, что нашла нарушение.

Все слышали, и впоследствии этот термин использовался ими и многими другими как «абырвалг».

А отвал отсыпан песком, другого грунта нет вообще. Но кое-где действительно видны мёрзлые небольшие комья, которые ещё не растаяли, несмотря на аномально теплую погоду для этого времени и этих мест, более ста километров за Полярным кругом.

– Татьяна Николаевна, – не выдержал Олег, – да вы чё, в самом-то деле! Какие комья? Вот скажите, неужели была такая невероятная необходимость переться сюда, трястись как проклятым больше пяти часов, чтобы вы только взглянули на этот валик?! Вы чё на вертолёте-то не облетели?! Ведь никаких проблем-то не было! Вы б за час всё это увидели. Сами же измучились, а ещё обратно столько же трястись! А если техника сломается? Съедят же всех на хрен! Говорили ж вам..., – выплеснул он и отвернулся.

Дамы первыми полезли в вездеход, и всю дорогу их не слышали.

В гостиницу приехали только в перерыве матча, как раз показывали забитые голы. Выигранный Кубок затмил и весь этот дурдом.

Партинские объекты ими проверялись уже без выкидонов.

5

На следующий день от Карловой по факсу пришел акт. В одном пункте было указано, что «на отвале грунта были мёрзлые комья размером более 5см», и «имели место насыпи более двух метров». Посмеявшись, Олег подписал его и отправил обратно.

Прошла неделя. Он приехал на обед, а у него разрывался телефон. Не разуваясь, он побежал на кухню.

– Да.

– Здорова, – очень недовольным тоном начал Самарин, – значит так, я только что с совещания из УКСа, и таких пилюлей, я ещё не отгребал, ни разу! Разбирали предписание вашей Карловой. Короче, с меня потребовали приказ о твоём наказании. Напиши объяснительную и пришли по факсу, а потом привезешь оригинал.

По его тону он понял, если б тот не знал, что они с Демиденко друзья, это прозвучало бы намного красочней.

– Это за што, Сергей Анатолич?

– Как за што? За твои мёрзлые глыбы, – очень уверенно и раздраженно пояснил он, – ты почему такое допустил?! – впервые наехал он и капитально.

Такого абсурда Олег даже не мог себе представить, но сразу полегчало.

«Фу-у, ... А что сразу не в Газпроме? Вот дур-ра! Ну а он-то, тоже с ними что ли?»

– Сергей Анатолич, ну они-то там все дилетанты, это мне уже известно. Ну а вы-то? Честное слово, не ожидал от вас! Это же бред, самый настоящий!

– Что, значит, бред? Ты же сам подписал этот акт! – взревел Самарин.

– Да причем здесь это? Согласно СНиП засыпку мёрзлым и скальным грунтом более пятидесяти миллиметров запрещается производить, чтоб не повредить изоляцию. Так? Да конечно, так! А что у нас? Во-первых, изоляции не было, никто её не ремонтировал и не собирался! Посмотрите моё предписание от двадцать третьего марта. Я же вас просил поднять этот вопрос. Труба везде голая засыпается, но никому до этого никакого дела! До каких пор это будет продолжаться?! Там же нет её, значит, и повреждать-то было нечего. За што тогда наказывать-то? – ухмыльнулся Олег.

Самарин молчал.

– Во-вторых, чтоб не повредить изоляцию, требуется выполнять её присыпку мягким грунтом не менее двухсот миллиметров или укрывать защитным материалом. Это тоже цитата. А в нашем случае на газопровод укладывали нетканку сплошным ковром, который и является защитным слоем. Значит, полностью исключена необходимость производить присыпку. Так? Конечно так. А к самой засыпке вообще нет никаких норм и требований. И совсем не важно, какие комья внутри валика, а тем более снаружи. А в-третьих, мы смотрели засыпанный газопровод больше месяца назад, и не видели, и не могли видеть, каким грунтом он присыпан внутри. Надеюсь, с этим вы тоже согласны. Тогда о чём речь? Я уж не говорю, што эти требования относятся к засыпке при строительстве газопровода, уложенного в траншею, который засыпается обычно бульдозером, и когда грунт падает с высоты от метра до двух. А здесь, засыпка производилась исключительно экскаватором, с высоты максимум полметра, потому что газопровод-то действующий был, што они знали, и они же не самоубийцы, аккуратно сыпали. А вот то, што на действующем работают, сколько можно об этом говорить? Тоже ш никто не решает, – специально озвучил Олег, потому что всегда чувствовал себя, мягко говоря, неловко,

когда просто ходит вдоль газопровода или по цеху, а во время производства ремонтных работ и подавно.

– Ну, какой вообще технадзор может быть на действующем газопроводе? Да я сразу же об этом обязан выписать предписание и вообще не появляться там. Вот так я щас и начну делать! Сколько можно терпеть этот дурдом? И я не пойму, чё вы их не заткнули-то! – выплеснул он, зная, что такие аргументы никому и никогда не оспорить.

– Да-а, и правда это ж подвох какой-то, – не стесняясь, выдал тот, – ну, не знаю, в любом случае я не собираюсь получать..., а тем более ни за што! Надо было тебе решать этот вопрос с Карловой там, на месте! Значит ты во всём этом и виноват. Поэтому приказ будет, вечером я должен его отдать. Ты же знаешь, заказчик всегда прав!

– Да знаю я это, сам им был, но здесь-то совсем не тот случай, – быстро решил Олег идти напролом, – да их же всех, кто там был и требовал этот приказ, на переаттестацию надо отправлять. Они же профаны. А я ж не могу отсюда им всем там доказывать, тем более такие элементарные вещи. Надо ж когда-то начинать объяснять им, а то дело так может зайти очень далеко. Беда ж будет, Сергей Анатолич. И за это придётся отвечать. Но я-то не буду, я-то всегда выдавал предписание на это. А здесь не мог же я предвидеть, что эта дура такую хрень, да ещё и туда выложит.

– Да чё заткнуть? Они же заказчики, и я им не указ! – ещё раз подтвердил Самарин, что разнос получил серьезный и теперь явно сожалел, что совершил эту оплошность.

А время уже упущено. Но этим он все-таки постарался обозначить, что дальнейший разговор бесполезен. А Олег, наоборот, понял, что ситуацию нужно использовать по максимуму, ибо такого случая можно ждать долго, поэтому мгновенно решил идти ва-банк.

– Сергей Анатолич, я вам официально заявляю, что такие процентовки я подписывать не буду! Пусть эта дура сама подписывает эту туфту. Они щас у меня опупеют там все! И имейте в виду, щас я Демиденко буду звонить. Пусть он сам разбирается с этими болванами, – намеренно сказал Олег, и разумеется, надеясь, что шеф все-таки передумает с выговором.

А тот выдал:

– Вот-вот, давай, действуй. Я же знаю, што ты можешь. А приказ все равно будет, извини, но я бессилен. Всё, пока, – неожиданно прострочил он и отключился.

«Да ни хрена себе! За что? За то, что она дура и все в уксе тоже! Ну капец какой-то. Я ему одно, а он... Нет, так не пойдёт. Подожди, подожди, а что это он так легко согласился-то? Ведь знает же, что сейчас начнётся ё-моё! И понимает же, что тоже схлопочет обязательно, и не слабо. Значит, согла-асен. Ну всё, тогда уж тем более пора. Добро получено. А выговор? Да и хрен с ним. Нет, нет, с какой стати? Да не бывать этому. Ну, я вам сейчас устрою, идиоты, сами же напросились, ведь *случай-то* просто блеск! А я-то что, я ничего, я же просто защищаюсь против выговора и совсем не собирался подставлять вас. Ну я вам устрою вашу обваловку долбанную, вы сейчас *все* попляшите!»

А до этой минуты он не решался поднимать столь глобальный шум об откровенном вредительстве и явном грабеже бюджетных средств, побаивался. Судя по их размаху ему, конечно, было ясно абсолютно, что эта банда найдёт способ сделать так, чтоб он не мешал.

Он тут же набрал Николая и повторил всё.

– Да я даже не сомневался, шо это произойдёт. Вот балбесы, нашли с кем спорить. Ладно, щас буду разбираться. Ну а к осени, братан, я думаю, шо мы успеем и будем делать полную переизоляцию, но только я тебя прошу, ты там поаккуратней, а то сам же понимаешь, какие бабки крутятся.

– Да куда ж ещё осторожней-то, Коль? Я зря што ли стараюсь быстрее добиться, чтоб всё делалось, как положено? А тогда у меня и причин не будет бояться. Пора уже начинать делать нормально. Всё, давай, пока, – откровенно слухавил Олег, отлично понимая, что тот хотел от него совсем другое.

«Ага, успеете... Да просто не надо это никому. Ведь придётся же делать всё, как положено. А тогда, хрен кто что поймёт! Так, ладно, с этим всё ясно. А сейчас мы нашу Танечку окунём туда, куда и заслуживает эта баранесса!»

Закурив и обдумав, как поэффектней проучить её, он набрал.

– Аллю.

– Здравствуйте, Татьяна Николаевна, Рубицкий Вас побеспокоил, – как ни в чем не бывало наидоброжелательнейше поприветствовал он.

– А, здрасти-здрасти, Олег Владимирович, што у Вас? – тоже пропела она любезным тоном, как будто ничего не случилось.

А она, конечно, знала, что он был начальником дирекции, и скорей всего поэтому тогда так и не решилась поиздеваться над ним.

«Вот, сучка, думает, что я буду умолять её. Ага, сейчас. А ну, лови, дура»

– Да я только хочу Вас предупредить, што по вашей обваловке идиотской я не буду подписывать процентовки.

– Это почему? – явно не поверила она в такую наглость, которую услышала наверняка впервые.

– Да потому што они засыпали трубу без ремонта изоляции, а это значит, всё нужно переделывать. И предписание об этом я выдал еще в самом начале, а копию отправлял вашему начальнику, можете взять у него. А насчет мерзлых комьев, чтоб Вы больше не подставляли так сильно своих руководителей, советую вам почитать снип три сорок два восемьдесят, а именно пункт три тринадцать, всего хорошего, – положил он трубку.

И судя по тому, что она не перебила его, свой тот монолог на трассе он посчитал очень даже полезным.

6

Суббота, но подрядчики попросили Олега подъехать и отправили за ним машину. Вдруг ещё звонок, он взял переносную трубку.

– Да, слушаю.

– Владимирыч, приветствую, Сайретдинов это. А можешь подъехать на пять минут, я щас машину подошлю.

– Ну, хорошо, жду, – не стал он артачиться, хотя догадался, что Карлова сама или с помощью руководства поставила им задачу.

Войдя в кабинет и увидев на его столе стопку процентовок, он понял, что не ошибся.

– Владимирыч, ну вот што у нас у строителей жизнь-то такая проклятая? – видимо, что-то слышав о существовании правил приличия, культурно начал обладатель узких и редких, да ещё и с рыжеватым оттенком, а в общем очень стрёмных усов, – Ведь всегда нужно быстрее и больше. Вот отец предлагал же мне после армии пойти к нему на завод сварщиком, всегда был бы в тепле, и никаких там ни срочных объектов, ни сдач, ни комиссий. Нет же, за длинным рублем погнался, а хотел-то лишь побыстрее машину купить, но так и застрял здесь. А теперь...

«Ой, прям переработался, бедненький. Да ты даже ни на одном объекте-то не был, ага, просидел всё время здесь и сейчас прячешься. Нашелся тут, стахановец» – про себя возмутился Рубицкий.

И хорошо понимая, что эта «исповедь» может растянуться, он спешил:

– Загит Фаритович, у меня время в обрез. Щас за мной подъедет машина другого подрядчика и реально по очень серьезному делу.

– Да-да, а я, я, што хотел-то, вот, – стал он сбиваться с явно заученной речи, указав на акты, – Владимирыч, ну подпиши нам процентовки за *выполненные* работы, – сделал он акцент на слове «выполненные».

И именно это больше всего закоробило Олега.

– Да вы же ничего не сделали по моему предписанию, поэтому и отчёта от вас нет, – достаточно ясно, но только для нормального инженера обозначил он суть ситуации и её перспективу.

Коротышка сделал недовольную гримасу, встал и стал ходить за своим креслом, засунув левую руку в карман джинсов, а другую в рукав жилетки, тем самым комично как бы подражая «великим» вождям.

– Владимирыч, ну што тебе не нравится-то? Да за эти три года я объездил много таких объектов, и я тебе честно скажу, што мы валик делаем намного ровнее и красивее чем другие, – прям с гонором сказал он, – ну подпиши.

Слова «валик» и «ровнее», а тем более «красивее» мгновенно взбесили Олега.

«Ну и что, не идиот что ли? Да Шариков просто отдыхает! Ну вот куда ты залез, болван? Сидел бы в своих деревянных сварщиках и варил бы свои деревяшки! Да ты даже нашу Танюшку переплюнул, придурка кусок»

А испокон веков магистральщики называют сварщиков, не имеющих допуска к сварке магистральных трубопроводов, «деревянными».

– Загит Фаритович, да нашу Танечку только комья, видите ли, мерзлые не устраивают на валике, как ты выражаешься, – специально сказал он именно так, потому что тот знал, кого он имел в виду, – а вы ваще говорите, что валик у вас самый ровный и красивый. А ремонт изоляции я што ли должен делать? Вы чё? Короче, я тороплюсь, честно. Вот когда изоляцию сделаете, звоните, а шас мне некогда, правда. – даже не подав руки, чтобы не попасть в неудобное положение, Олег встал и пошел на выход.

За спиной тишина. Только вышел он в открытую дверь, а навстречу Ибаев нёсся. Лишь поздоровавшись, Олег последовал дальше. Вышел он на улицу, а машины нет, закурил. В это время в кабинете Баженова открылось окно, и оттуда выглянул Ибаев.

– Владимирыч, да переговорить бы ещё надо, поднимись, пожалуйста.

«Что, опоздал? А сначала-то наверняка подумал, что я всё подписал. А что ж ты даже не поинтересовался? Ну ладно, ради такого-то случая вернусь. Если и ты жаждешь, я и тебя проучу, да даже с превеликим...»

Хотя лицеизреть его харю, у Олега давно не было никакого желания, но упустить такой момент, чтобы от души поглумиться и над ним, он не смог. Ибаев уже встретил его в коридоре и повлек в Баженова кабинет. Олег присел как обычно к окну, чтоб солнце в глаза не светило, Ибаев напротив, стопка актов уже на столе.

– Владимирыч, ну пойми, ситуация у них очень серьезная, правда, даже критическая. Управляющий предупредил их, я сам слышал, что, если *у них* не будет этого выполнения, им обоим здесь больше не быть. Ну подпиши, вопросов же не должно быть, они же всё сделали, и эксплуатация подписала, вот же, – без былой надменности пролебезил аферист, даже не моргнув и не отводя своих серых и пустых глаз.

«Такая же тупая рожа! «У них», ага, да ты что, дурака во мне нашёл что ли? Сам же всё это хочет хапнуть опять! А ещё нашел, чем прикрыться. Да мне на них, на обоих... А на тебя тем более. Вот урод, сам мне дорогу перешёл, и знает же, что я это знаю, а ещё и просит. Ну, ни стыда, ни совести прям, совсем оборзел. Ну получи тогда»

Олег медленно взял сверху акт, полистал, остановился там, где указаны объёмы по балластировке и изоляции.

– Вот, видишь, вот пригруза и сколько это стоит, ого-го прям, а вот изоляция и тоже ого-го. И ничего этого не делалось. Это ж просто несерьёзно, – специально потыкал он в эти строчки и отшвырнул документ.

У того мгновенно задрожали руки, сильно побледнела физиономия, сморщился уродливо выпирающий лоб и дернулась левая щека. А чтобы этого не было видно, он вскочил и стал ходить от окна к стене.

– Да эти объёмы, они ж согласованы и на всех уровнях, их же специально сюда включили..., они же здесь не просто так. Нам же приходится то туда, то сюда, у всех же свой интерес, везде ж надо..., да это ж наши не доходы, а расходы. Ну да, тому один процент, тому два, там три, а там пять, туда-сюда и их нет. И генеральный же будет о-очень недоволен. Ну зачем, х-г, – откашлялся он, – ну кому нужны эти проблемы?

«Смотри, он ещё и страшает. Ах ты урод поганый!»

Олег непроизвольно достал пачку сигарет. Тот тоже протянул руку, хотя борец, ни-ни, что Олегу тоже известно. Не подавая вида, он открыл окно, прикурил сам, подал и тому. Такая постановка заставила его призадуматься, потому что он хорошо знает, что возможности у генеральных почти не ограничены, а точнее, «почти» здесь неуместно, а если ещё точнее, лишнее.

Но деваться некуда.

– Да конечно плохо будет, ва-ам, все-эм, – специально растянул Олег, как будто не понял, что тот угрожал ему, – а когда еще узнает, что вы и изоляцию не отремонтировали, будет вам ещё хуже.

– Да к изоляции мы уже готовимся, – прям завыл тот, дернулся и стал опять ходить, неуклюже пуская дым, – я сам лично, вплотную уже занимаюсь этим, трубоукладчики ищу и..., – и пошёл он нести откровенную чушь.

«Так, так, а что, собственно, генеральный может мне сделать? Скажет шефу уволить меня? Ну так-то, да, может. Да ну, вряд ли. А тем более я-то молчать не буду и заставлю его вникнуть. Да он и без этого не станет. Ну да, будет он позориться, ага. Вот баран, пугает ещё!»

А Ибаев продолжал:

– ...так што с осени мы будем делать переизоляцию...

В это время Олег увидел в окно, как подъезжает машина, и знакомый водитель рукой подал ему сигнал.

«Во-о, молодцы, вовремя»

– Да што значит будем? – перебил его Олег, – Вы же и здесь обязаны были её делать! Но не сделали же, вот и всё! Там всё переделывать надо! Так што не выйдет. А если я подпишу процентовки, то обязан буду подписать и исполнительную. А это исключено! – выложил Олег самый бесспорный аргумент, – так што, даже не стоит..., и вон, за мной машина уже подъехала, я погнал, бесполезно, – отрезал он и, также не подавая руки, рванул на выход.

«Да генеральный, как узнает, что вы тут творите, он же вас всех вперёд в позу поставит, идиот! Будешь ты мне ещё жути нагонять, пугало! Да не пугало ты, а чучело!»

Неделя прошла на удивление тихо. И больше по этому вопросу к Олегу никто не обращался. Поэтому он остался доволен, считая день триумфа ЦСКА отправной точкой своего успеха в достижении полезных перемен.

VI глава

Учитесь честно достигать успеха

И привлекать благодаря уму

А побрякушки, гулки, как эхо

Подделка и не нужны никому

И.В. Гёте

Наступило лето, когда потребность в газе резко падает, и это самый благоприятный период для остановки газопроводов, чтобы производить эксплуатационные мероприятия, включая и их ремонт на сухих участках. Но пока стояло двухнедельное затишье.

В воскресенье непосредственный начальник Олега Петров сообщил, что наконец-то Прахатинское ЛПУ получило разрешение на остановку газопровода для ремонта перехода под железной дорогой, который и поручил ему контролировать.

После представления первому руководителю он направился к начальнику ЛЭС. Познакомились, и Портнов выложил ему документацию.

Увидев на папке «Севертрубопроводстрой», Олег не смог скрыть своего удивления.

– О, Александр Николаич, СТПС што ли подрядчик?

– Да.

– Ого, держатся ещё! Другие-то все уже давно сгинули. Ну и как они?

А это самый знаменитый своими рекордами и орденосцами Надымский трест, построивший тысячи километров газопроводов.

– Да намного лучше других, поэтому я и просил привлечь только их, – ещё приятней для Олега отозвался Портнов, подавая чашку с чаем.

– Ага, спасибо. А знаешь, нет? Однажды, в начале восьмидесятых, ближе к лету, в Надым прилетала комиссия. Там были представители из Министерства, Главка и вроде из Генпрокуратуры. В одном из управлений был огромный, больше чем в полтора раза перерасход заработной платы. А тогда это ж было невиданным и неслыханным! Но оказалось, что за зиму они построили не одну нитку, как по плану, а сразу две, параллельно! И вместо наказания начальник управления получил Орден Ленина. Если мне память не изменяет, Блинов, кажется. Вот так люди работали. И это далеко не единственный пример, – с ностальгией вспомнил он те времена.

Отхлебнув, он начал с допускной документации, открыл папочку, и здесь сразу видно, что это профессионалы. Первым был приказ на всех лиц, направленных на этот объект, и напротив каждой фамилии даты, до которых аттестованы эти специалисты. Следом, на каждого сварщика по порядку в файликах приложены комплекты документов об их аттестации и копии протоколов на других спецов. Липой здесь и не пахло. Дальше, такая же картина и по Лаборатории контроля качества. А перечень оборудования и приборов заставил его нижней губой достать почти до носа. Здесь были не только паспорта на всё, начиная с импортных рентген-аппаратов и дефектоскопов и заканчивая обычными ванночками фотографа, но и свидетельства о проведении каждому метрологической поверки. А теперь всё это ему лишь нужно было только сверить с фактом.

«Вот покажи это всяким этим деревянным Загитам, Пашам и Казбекам, не поверят же, что всё это должно быть и у них. Да они же сразу все в обморок упадут. Чёрт бы их всех побрал с этой обваловкой кретинской» – невольно сделал он напрашивающийся вывод.

На этой ноте он принялся за разрешительную документацию, открыл проект и сразу нашёл серьёзное несоответствие.

– О, Александр Николаич, тут ошибка серьезная. На втором этапе рабочая плеть должна испытываться с прилегающими участками. Нельзя, чтоб захлестные стыки остались так близко от железной дороги и неиспытанные.

Портнов подпрыгнул и убежал. Через пять минут вернулся и положил перед ним Заключение экспертизы на проект. Олег посмотрел, а здесь тоже самое, как будто этой ошибки и нет.

«Да что за ерунда! Ну явно же, проглядели! Да как проглядели? Они же в этом просто ничегошеньки не сообщают!»

– Не, Николаич, так не пойдет! Дай-ка снипы, три сорок два восемьдесят и два ноль пять ноль шесть восемьдесят пять.

Портнов в явном недоумении подошел к шкафу, нашел и подал оба. Олег открыл нужные страницы.

– Вот, видишь, здесь указано, когда плетъ будет в патроне, испытание должно быть с прилегающими участками. А их нужно брать по таблице вот в этом снипе. Вот, для нашего газопровода, они будут по двести пятьдесят метров. Так што давай, звони в трансгаз, а я на объект. Машину я возьму, ладно? И сразу же отправлю обратно.

Портнов только покивал головой.

А там уже была сварена рабочая плетъ, и готовились её изолировать, насаживали комбайн. Он подошел, спросил, и его заверили, что она испытана. Всё это было сделано без его контроля, но предстояло ещё одно испытание, поэтому придирааться он не стал.

2

Добираться Олегу приходилось на попутках, и, приехав только к обеду, он поспешил к Портнову.

– Здорова. Ну чё, Николаич, разобрались? – первым делом спросил он.

– Да, но нам сказали, что на такое испытание потребуется намного больше времени, а срок отключения ограничен, и так как проект прошёл экспертизу, никто не будет вносить в него изменения.

Хорошо помня ту историю, Олег стал рассказывать о самой масштабной в Море катастрофе, произошедшей с двумя встречными поездами недалеко от станции Ош в месте пересечения с продуктопроводом, которая унесла тогда только по официальным данным около шестисот жизней, а покалеченных было больше полторы тысячи человек.

Вроде с пониманием выслушав его, Портнов только развел руками.

– Да ты чё, не понимаешь што ли?! – перешел Олег на повышенный тон, – Я ещё раз повторяю, не могла труба проржаветь за три года. Это только версия, потому што в акте расследования не было указано конкретное место. А куда могла исчезнуть та каверна, от которой образовалась утечка? Да никуда! Не могла же она испариться! Ты ж обязан понимать это. Там наверняка был свищ и скорей всего на захлесте, который без подварки. Нельзя их оставлять неиспытанными. Так што давай, звони ещё и решайте. И имей в виду, я не подпишу разрешение на испытание. А щас будет предписание.

А пока будут демонтировать из патрона старую и протаскивать новую плетъ, у него ещё было дня два-три.

С утра он уже был у начальника ЛПУ.

– Здравсте, Владимир Александрович, ну что порешали? – не собираясь проходить, в дверях спросил он.

Тот вскочил, вышел с протянутой рукой.

– Нет, здрасте.

– Как? Да это ж несерьезно!

– Да воды же придется возить на тыщу кубов больше. И на это трое суток уйдет больше, и водовозов у нас нет столько, и трансгаз решать ничего не собирается, – заходил он кругами, заметно нервничая.

Этот пижон ещё позавчера очень не понравился Рубицкому. Весь уж чересчур какой-то накрахмаленный, костюм, каких нет и у миллиардеров. А белоснежная и наверняка дорогушая сорочка так сияла, как и сейчас, что глаза зарезало, и галстук, каких вряд ли есть хоть у одного голливудского актера. Ладно, всё это, ведь можно аккуратно сидеть и ходить, а когда тот встал, вышел из-за стола, и увидев его туфли, Олег чуть не завалился. Уж в таких-то он точно не пойдет ни по цехам, ни тем более на трассу. Он тогда подумал, что может быть у него было какое-то событие, день рождения или ещё что-нибудь, но нет, он уже третий день так, и всё в

разном. Ясно же, что ему не до производства, и он только любит себя или выделяется. А молодой еще, чуть больше тридцати пяти и расфуфыренный как самая крутая модель, аж глаза слепит. А личико и ручки, как леди ухоженный и выглядел ещё моложе.

«Да ты что, мадмуазель? Ты поставлен сюда, чтоб решать вопросы. Ох, не я твой начальник, да ты б у меня из фуфайки и болотников не вылезал»

– Владимир Александрович, Вы чё, совсем не боитесь, что ли, а если потом рванет? – решил уже Олег надавить на его гигантскую ответственность.

– Ну а что я сделаю? В трансгазе-то видней, и мне сказали, делать всё как в проекте, – отбрыкнулся он с поразительной легкостью.

– Ну, как хотите, всё, што должен был, я сделал. Смотрите, если што, вам потом отвечать..., – напоследок бросил Олег и вышел.

Сраженный таким пофигизмом он зашел к Портнову, сел, мотая головой.

– Николаич, а Калашов ваш кем раньше работал?

– Начальником газокompрессорной службы в Алде.

– А-а, всё ясно, – специально, очень пренебрежительно протянул Олег, – ну смотрите, теперь это только ва-аши проблемы! А я на объект.

Пройдясь по площадке, Олег присел на лавочку возле прорабки и стал наблюдать, как мужики работали. По такой картине он очень соскучился.

После всего того бардака, который ему пришлось видеть на протяжении полутора лет, это первая возможность посмотреть за работой специалистов.

А мужики всё делали чётко, слажено. Вот бульдозеристу что-то показал бригадир. Тот за рычаги, быстро пробежал вдоль рабочей плети, срезая слой грунта, и обратно также его пригладил. Сразу вышел, что-то спросил, и бугор показал ему большой палец. Значит, всё сделано как надо. А всё потому, что он не мог позволить себе, чтоб его упрекнули. Другой бы елозил и елозил, а он, чётко и за один проход. И экскаваторщик вообще кудесник. Разрабатывал грунт на соседней, действующей нитке. Очень опасно! И тоже делал аккуратненько, потому что спец.

Назвать это для него наслаждением, ничего не сказать. Кому-то нравится балет, кому-то опера или живопись. Конечно, красиво. Но здесь особенная песня! Это искусство трудовое, полезное! Всем искусствам искусство!

А тут из бытовки вышли четверо сварщиков. И даже не по их красивой современной робе, а по походке видно – идут спецы. Это сварщики-потолочники, специалисты высшей квалификации, и они гордятся этим, идут так уверенно, вразвалочку, нет, не вразвалочку, а слегка так, вальяжно покачиваясь. Но без понтов абсолютно! Просто, таким образом они демонстрируют, что брака не будет. Поэтому и не обращали внимания на Олега, что он, конечно, сразу понял. А им и нечего бояться, они ничего нарушать не собираются, с присадоном варить у них не получится, технадзор зрит и не позволит. А хотя можно было, ведь они шли приваривать заглушку, и этот стык будет вырезан после испытаний. Они дорожат своей репутацией, идут делать на совесть. И они уверены в плодах своего мастерства, значимость которых невозможно сравнить с продуктами труда разных там знаменитых модельеров, музыкантов или выдающихся спортсменов, даже обладающих самыми громкими титулами.

Хорошо известен бешенный труд спортсменов международного класса, и Олег очень уважает труд любых спортсменов, но этот ему ближе. Здесь люди шли варить стык, который обязан выдержать давление в сто двадцать атмосфер. И они уверены, что это так и будет. И они не только знают, как, например, он или кто-то другой, как это делать, а ещё умеют, а главное, могут! Могут и делают! Вот кто может гордиться своим трудом и должен иметь всеобщее уважение и цениться не меньше любого спортсмена-рекордсмена или артистов. А они идут скромно, довольно скромно для своего мастерства, а именно так и должен себя вести настоящий Спец.

Вскоре подъехала лаборатория, вышли трое. Он подошел, чтоб проверить у них всё, что должен. И там оказалось без замечаний. Поэтому он только попросил, чтобы они завтра предъявили ему негативы на все сваренные стыки в этой плети.

Утром они показали. А на них сплошное «молоко», даже никаких слабеньких затемнений, значит, ни одного дефекта.

«Вот! Вот это качество! Вот кто может гордиться своим трудом! А не то, что эти позорные проектировщики и эксперты задрюпанные! О, кстати, а почему бы мне самому не проводить экспертизы? Надо им всем тут нос утереть. Фирма есть, нужно сейчас только узнать, что для этого требуется»

По окончании этого перехода соседний сделали идентично. Повлиять на это безумие ему так и не удалось.

3

За это время подготовив документы, он оформил отгулы и слетал в Москву. Но в отделе лицензирования отказали в их приёме. Оказалось, что директором и экспертом не мог быть один человек, а ещё обоим необходимо пройти подготовку и сдать экзамены.

Он стал искать человека. Вскоре открылся объект «Реконструкция ЦДКС⁷» в местном ЛПУ.

Газ с месторождения уже поступал под давлением всего 12 атмосфер и стало необходимым выполнить переобвязку турбоагрегатов. Сварочно-монтажные работы поручили бывшему управлению Демиденко. Документация у них была тоже в идеальном состоянии. А изоляцию коллекторов подрядилась выполнить московская частная фирма термостойким покрытием на основе эпоксидных смол. Его название для него было новым.

– Максим, предъявите мне разрешение Ростехнадзора на применение этого покрытия и техдокументацию, – сказал он их старшему, молодому парню.

– Да она в трансгазе, в отделе компрессорных станций, и там всё есть, мы же им предъявили, – заносчиво отреагировал тот.

А в вагончике были еще трое прорабов, которые, уже пройдя эту процедуру, с интересом ждали, чем этот бунт закончится.

– Ну, звони им, пусть отправляют или другой комплект показывайте, он же у вас наверняка не в одном экземпляре, – постарался помягче сказать Олег.

– Да всё там есть, проверили уже! А тебе-то это зачем? – откровенно продерзил тот, и похоже, что он впервые столкнулся с технадзором.

– Что значит, зачем? Я обязан проверить всё, так положено! – поднял голос Олег, чтобы приземлить эту явную блатоту, – И ещё, вы должны сделать допускной образец, – уже поспокойней сказал он.

– Чего?

– Да чё слышал! Возьмите какую-нибудь катушку, вон, у монтажников и нанесите небольшой участок, эхэзэшники тебе скажут, какой он должен быть! И документацию на стол, я сказал! Или езжайте в Подгорск и там изолируйте, что хотите, – не терпящим возражений тоном закончил он.

На этот раз тот выскочил из прорабки.

Утром проходя по площадке, Олег увидел, что работяги уже пескоструят катушку из трубы пятисотки. Затем нанесли покрытие. К концу дня собралась целая комиссия.

Сначала стали проверять сплошность. Инженер Ведерников, установив нормативное напряжение в пять мегавольт, водил щупом, всё нормально, не звенело. Поднял до десяти, тоже

⁷ Центральная дожимная компрессорная станция

без проблем. На табло уже восемнадцать, ни звука, а значит, изоляция выдерживала почти четырёхкратное напряжение.

– Достаточно, – по достоинству оценив, сказал Олег, – давай, адгезию.

Ведерникову пришлось долго помучиться, чтоб прикрепить прибор. И как только прошло нормативное время, он стал отрывать его. Прибор уже показывал пятикратное превышение норматива, а эпоксидке хоть бы хны, и вдруг отпал сам адгезиметр, не нарушив покрытия. Олег был в изумлении.

– Вот, Серёжа, вот о такой изоляции должен мечтать хороший хозяин, – специально, чтоб слышали все, а главное, Ведерников, который подписывал исполнительную подрядчикам, а именно, разрешения на засыпку, громко воскликнул он рядом стоящему его коллеге, ведущему инженеру Пятницкому, – а вы допускаете засыпку вообще без изоляции! Ох и доиграетесь вы, ага, всё ищите...на свою..., а кто ищет, тот всегда найдет.

Тот лишь покивал, а его коллега сделал вид, что не слышал. Все сомнения в надежности покрытия рассыпались моментально. Не дожидаясь документации, Олег решил обговорить вопросы взаимодействия «на берегу».

– Так, мужики, теперь надо всё обсудить, пойдем в прорабку, – очень довольный результатом предложил он.

Как только все расселись, он начал:

– Так, парни, это моё первое и самое главное требование. Вы все видели, сколько много каверн на трубе. Поэтому изоляцию будете наносить только после оформления разрешения. И пока я его не подпишу, чтоб даже не вздумали приступить!

Никто не возразил.

– А теперь скажите, в каком режиме вы собираетесь работать? – посмотрел Олег на фирмача, а тот на бригадира.

– Ну, мы обычно до четырех-пяти пескоструим, а потом приступаем к нанесению изоляции, – пояснил он.

– Да, так и работаем, – подтвердил Максим.

– Ну и отлично, успеем проверить. Надеюсь и здесь нет возражений, да? – посмотрел Олег на Пятницкого, назначенного ответственным.

Опять все молчали.

– И вам необходимо вызвать специалистов Газнадзора для обследования каверн. Без них я не буду подписывать разрешение, и думаю, вы тоже. И еще подготовьте приказ на комиссию по отбраковке согласно вот этой инструкции, – подал Олег брошюрку Пятницкому, – и вам всем нужно хорошо изучить её. И последнее, если возникнут срочные вопросы, это мой домашний, звоните, – встал и прикрепил он на стенку небольшой листок.

А чтобы не пропустили дефекты, Олег взял баночку с краской, кисточку, пошел и сам обвёл все места с кавернами.

На следующий день фирмач предъявил ему документы. Действительно всё оказалось в полном ажуре. Три дня работа кипела.

4

Выйдя из прорабки, Рубицкий увидел на крыльце конторы фирмача, подошёл, тоже закурил. Не переставая восхищаться этим покрытием, он сразу понял, что скоро в нём потребность будет зашкаливать. Лет через пять неизбежно возникнет необходимость ремонтировать все цеха, которых только в этом предприятии больше двухсот, и объемов на десятки лет. И не меньше он удивлен завезенному в красивых мешках шлаку.

– Максим, а почему вы песком не пескоструете? Вон, его ж навалом кругом. А этот шлак-то дорогой же, наверно?

– А нам-то што. Заказчик же оплачивает его. И он же крупней и расход в два раза меньше, и чистить им быстрее. А песок надо еще сушить, и для этого дополнительное звено ставить. Так што со шлаком экономия приличная, – исчерпывающе пояснил он.

– Понятно. А вот мне приходилось иметь дело с японским фруксом. Ну или еще фруссис все его называли. Не знаешь?

– Не-э, не слышал.

– Но только у того компоненты на основе битума, дрянь редкостная. Мужики измучились с ним, дольше приходилось шланги промывать. Да и качество не сравнить. Тот постоянно вспучивался, и примерно третью часть приходилось сдирать и переделывать. А основная проблема была с затвердителем, очень капризная вещь. – эмоционально поведал Олег, – А это вы где берёте, тоже дорогое наверно?

– Не-э, не скажу, – ухмыльнувшись, ответил фирмач.

Ответ, а больше его реакция очень не понравились Олегу.

– А оборудование-то чьё?

– Ага, так я тебе и сказал, – опять слегка раздраженно ухмыльнулся он.

«Вот сопляк. Ну явно же за ними какой-то «туз» из Газпрома стоит»

– Да я ж просто так хотел узнать. Вещь-то классная, – слукавил Олег.

А мысль – организовать такое же дело – сразу сверкнула у него после испытания этой изоляции.

– Да всё равно ж никто не сможет вам конкуренцию составить, ты ж это прекрасно знаешь, ну какой тут может быть секрет? – постарался Олег успокоить его, как бы показывая, что ему чуть ли ни известен их покровитель.

Фирмач никак не отреагировал.

– Ладно, давай тогда по делу. А чё вы в две смены не работаете, как монтажники, быстрее бы сделали?

– Да нам и не надо, мы и так за месяц успеем всё сделать. А следующий объект у нас только через два месяца. Им просто некуда торопиться, потом ещё отдохнуть успеют, – нарисовал он не менее рациональную картину.

А вчера из-за моросящего дождя им пришлось повторно пескоструить, поэтому закончили только после полуночи. И Олег посчитал не лишним ещё раз предупредить:

– Ясно, но, если вдруг возникнут какие-то проблемы, звоните в любое время, да-да, я серьезно, и сразу отправляйте за мной машину.

– Да, хорошо, – явно на отвяжись сказал Максим.

– Ну всё, пошел я принимать у вас очистку, – еще более неприятно стало Олегу от его реакции.

Утром он с Пятницким стояли возле траншеи, ждали, когда отпескоструят участок, чтобы сразу посмотреть каверны и определить метод их устранения. Вдруг Олег боковым зрением увидел, как в их сторону маршируют Петров с Прокудиным, хотя вчера вечером они общались, и тот не предупреждал его об этом. Олегу сразу стало не по себе.

– О-о, а вы куда это путь держите? – не стал он скрывать своего удивления, считая, что они проездом.

– Да никуда, вот, к тебе приехали посмотреть, здоров, – протянул руку очень хмурый Петров.

А обычно это был улыбчивый добродушный дядька, который пользовался всеобщим уважением. Точно зная, что только по страшному бездорожью в семьдесят километров от Прахаты им пришлось трястись около трёх часов, Олег понял, что эта прогулка для него получилась далеко не прохладной.

– Да ладно, чё стряслось-то? – состряпав улыбку, хлопнул он по плечу Прокудина, как бы адыютанта шефа, а самому было очень неприятно от явного обмана.

– Да ничего не случилось. Просто Анатолич меня спрашивает, а я вообще не в курсе. А объект-то серьёзный. Ну, показывай, как у вас тут дела? – пояснил Петров.

Рубицкий не поверил.

– Да нормально, вот только дефектов много. А сам же знаешь, высшая категория, и их вообще не должно быть. А если вырезать все, то больше половины трубы придется менять. А у них её нет совсем. Здесь-то мелкие, а там, дальше есть и глубокие, думаю, там точно придётся вырезать. Серёж, подскажи им, пусть тормознут, – попросил он Пятницкого.

Тот по-молодецки спрыгнул в траншею, толкнул мужика, который прекратил пылить. Они все спустились в траншею.

– Тут глубиной до двух миллиметров и труба на шестнадцать, и такие я заставляю только зашлифовывать, пойдет так? – постарался Олег разговорить шефа.

– Да пусть сами решают, – отмахнулся тот и, даже не приглядевшись, рванул дальше, как черт от ладана.

Перешли на другой участок.

– Ну, а здесь больше пяти миллиметров, однозначно придется вырезать, фасонина же. Я им так и сказал, вызывайте спецов из газнадзора и пусть те решают, – пояснил Олег.

– Ну и правильно, – резко сказал мудрец, – А где монтажники?

– Да вон там, за территорией, укрупняют узлы к испытанию, пойдем, – и первым Олег пошел в ту сторону.

Дошли, посмотрели, а там вообще без проблем.

– Ну всё понятно. Ладно, давай, поехали мы, – протянул руку Петров.

– Да вы чё? Хоть пообедайте, уже ш полдвенадцатого. – не отпустил руку Олег, желая хоть что-то узнать об их визите.

– Не-не, поедем мы, – твердо сказал Петров и пошел к машине.

– Ну, как хотите, – в полном недоумении сказал Олег, – давай, Валентиныч, – пожал он руку Прокудину, и тот побежал догонять шефа.

Олег, конечно, понял, что они приезжали не только посмотреть, но гадать не стал.

5

В таком же темпе прошли три дня. Сходив с Галиной в гости, Олег первым вошел домой. А почти год как он сошелся с ней. Она моложе его на девять лет, видная, высокая, стройная, фигурка точеная, мимо никто не проходит, чтоб не оглянуться, и не посмаковать вслед. И одевается со вкусом, все вещи броские, элегантные, ярко выделяющие её завидные формы. Она с Запорожья и как все хохлушки за словом в карман не полезет, видимо, этому её научила жизнь, а верней обильное внимание сильного пола. Работает парикмахером, имеет много постоянных клиентов. А понравилась она ему не только внешностью, но и острыми словечками. И дочь у неё замечательная, с которой он быстро нашёл общий язык, помогая ей в познании точных наук.

– Ну, наконец-то, – встревоженно встретил их Александр, его сокурсник, которого он пригласил по просьбе Нариманыча, потому что некому было работать.

И того самого тоже уговорили вернуться, и сейчас он работал вместо Олега. Они подкармливали Александра по вечерам, а уходя, оставили посмотреть телевизор, так как в комнате общежития у него нет.

– А чё такое-то? – совсем не понял его Олег.

– Да тут час назад была целая делегация, Ибаев, Сайретдинов, а двух других не знаю.

– А чё хотели-то? – посмотрел он на часы, где было пять минут двенадцатого.

– Да не знаю, ничего не сказали. Просто прошли туда, тебя искали, заглянули и ушли, – показал он на дальнюю комнату Насти.

– А чё ты их запустил-то? О-о, да это они ж так натоптали! – почти заорал Олег, рассмотрев песок на ковровой дорожке, – Ни фиги себе!

– Так дверь-то была открыта, а я телик смотрел, вот они и завалились, – и стал он обустраиваться.

– Сань, ну ты даёшь. Да надо было послать их на хрен, да и всё, – не мог он успокоиться от такой наглости.

– Да я не успел, а когда вышел из комнаты, они уже прошли. Вот я и ждал вас, штокб сказать это. Ну чё, я пошел?

– Ладно, ничего страшного, давай, до завтра, – смягчил свой наезд Олег.

А Галина уже заканчивала пылесосить. Ещё четыре часа назад он был на объекте и никаких проблем не было, абсолютно, схватил телефон.

– Алло, Володь, а чё там у вас, проблемы што ли какие?

– Да нет, всё нормально у нас, – заверил его прораб «десятки», молодой парень, которого хвалил Демиденко и не зря.

– А у фирмачей, не знаешь, может у них што?

– Не знаю, не слышал. Да и у них вроде тоже всё нормально, а они только што уехали.

– Ну ладно, понял, всё, пока.

«Ну, паразиты, бродили они тут. Вообще-то воскресенье, вот что надо было?! А этот чернозадый совсем оборзел. Вот что он тут крутится уже четыре дня? Работа идёт нормально. Опять что-то замышляет, собака? Да скажи спасибо, что я не застал вас, а то спустил бы с третьего этажа. Ну, я вам устрою» – никак не мог уговориться поддатый Олег.

Еще долго он разрабатывал для них кару. Так и не выспавшись толком, он пил чай, продолжая додумывать, как устроить им разнос. Вдруг звонок. Он подошел, снял трубку, а еще только половина восьмого.

– Да, слушаю.

– Ты чё там творишь?! Тут весь трансгаз на ушах! Вчера вечером мне звонил Багин и сказал, что ты деньги вымогаешь! – проревел Самарин.

У Олега чуть трубка не выпала. От такого аж язык онемел.

«Да ну...»

– Чё-о?! Это кто ему такое сказал?! У кого это я вымогал?! – от злости взорвался он так, что рядом в серванте зазвенела хрустальная посуда.

– Да откуда я знаю. Он мне не докладывал. Кто-то из его людей, – уже не так уверенно и спокойней ответил тот, – Да какая разница! Значит так, на этом объекте больше не показывайся и готовься на Пуловскую, – всё-таки строгим тоном сказал он.

– Да какая Пуловская? Вы чё? Это я так не оставляю! Это ж брехня, самая настоящая! Вы чё, надо же разобраться, это ж не шутки! Какие деньги, у кого?! – проорал Олег.

Подбежала Галина с испуганными и так-то большими синевато-зелеными глазами.

– Ладно, всё-всё, успокойся. – уже совсем другим, «отеческим» тоном проговорил Самарин, – Да с кем разбираться-то? Ты чё? А щас Саша оформит тебе командировку, и завтра выезжай. И не вздумай устраивать там скандал, будет только хуже, это точно. Всё, пока, – бросил он трубку.

Олег уже осел в кресло. Руки ватные, ноги тоже. Он даже трубку не смог повесить, которая так и болталась на шнуре. Увидев, как сильно он побледнел, Галина забежала, что-то налила, подала ему. А он не мог ничего сообразить.

– Чи гэто? – что-то нечленораздельное выдалось из его рта.

– Да выпей, выпей, быстрее! Обычная валерьянка, – прокричала она.

Он с трудом открыл рот, она влила полстакана микстуры. Минуты через три стало лучше. Он еще посидел минут десять, полегчало.

«Ни хрена себе! А что ж делать-то? Если сейчас уеду, скажут, так и было! Конечно! Да это ж вообще капец! А им только это и нужно. Не, ни за что. Так, так, а кто же это мог? С кем разбираться-то? Абрек этот. Да, а чем я ему помешал? Они ж только вскрывают трубу и грунт вывозят. Ничем я им не мешаю, абсолютно. И с какой стати он будет Багину звонить? Тот-то компрессорщик и к строителям не касается. Хотя как не касается? Он же наверняка держит на контроле ход работ на этой станции, это ж его объект. Так, погоди, а другие варианты? Так, ага, а ещё здесь Говорунов из отдела по компрессорным, он же контролирует строительство нового цеха, толкач тот. Он же специально здесь, чтоб стучать. И он наверняка каждый день общается с Багиным и докладывает. И к нам пару раз заезжал и общался с фирмачом этим. Ну, точно. И в гостинице они наверняка ещё общаются. Точно, кто-то из них. В любом случае он знает. Вот его и нужно душить. А как? Он же просто откажется и всё. А что ж делать-то? Так, а за что? Неужели за то, что я требую от них зашлифовывать эти каверны? Да ну, бред! Не-э, не бред, точно, они ж всегда психуют, когда я не разрешаю им изолировать. И они просят шлифмашинку у монтажников и сами шлифуют. А они этого нигде и никогда не делали, благота эта чёртова. Вот они и пошли на это, чтоб убрать меня. А больше-то не за что! Вот это ни фига себе! Да мне-то какая разница, главное найти, кто это сделал. Пусть отвечает, сволочь. Такое нельзя спускать. Какая ещё Пуловская, ага, дурака нашли, да я вам сейчас такое устрою!»

Он ещё долго размышлял. И не найдя лучшего варианта, после обеда он поплелся в милицию. Дежурный подсказал, он поднялся на второй этаж к следователю, которым оказалась приятная женщина, примерно его ровесница. Внимательно выслушав его, она набрала Михеева и потребовала срочно передать обоим, чтоб немедленно подъехали.

Олегу оставаться в кабинете было неудобно, он вышел и встал в торце коридора. Через минут пятнадцать появился только толкач и зашел к ней. Олег за ним и сел у двери.

– Здрасти, мне сказали, што Вы вызывали. Я Говорунов, а Максим еще рано утром уехал в Ладым и наверно уже улетел в Подгорск или в Москву, я точно не знаю, – на ходу живо, но не очень-то уверенно прострочил он и сел перед ней за приставной стол.

Олег всё равно был на измене, боясь, что ничего не получится, и уже понял, что фирмач сбежал, а этот явно в курсе всего.

Пристально рассмотрев его, она приступила:

– Понятно. Ладно, с ним отдельно разберёмся. А вот Вы скажите, што Вам известно о том, што на ЦДКС инженер технадзора вымогал деньги? – по её тону можно было сказать, что ей всё доподлинно известно.

– Да ничё, я, я ваще курирую строительство пятого цеха, – бодро и сбивчиво и совсем неубедительно ответил тот, и хорошо видно, что придурился.

– А Вам знаком вот этот человек? – указала она на Рубицкого.

Повернувшись и бросив взгляд в его сторону, он также быстро ответил:

– Не, не знаю, впервые вижу, это точно, – поуверенней прозвучал ответ.

– Так, хорошо, но вы же должны понимать, што вопрос очень серьёзный. Ведь ваш главный инженер, Багин, заявил его начальнику, что он вымогает, а это очень серьезное обвинение и..., – сделала она особый акцент на слове «очень», – вы ж наверно не хотите, штоб Багин приехал сюда, ведь он по любому сообщит, откуда у него эта информация. Вы ж понимаете, чем это может закончиться? – последние слова прозвучали весьма грозно.

– Да, да, я вчера говорил ему это, но я-то ничего об этом не знаю. Этот москвич мне сказал, што у него деньги вымогают, и ещё меня попросил осетин этот, ну как его, чёрт, а, Саскойч, фамилию забыл, и он тоже. А я так-то ничего об этом не знаю. А чё, не было, да? – инфантильно протараторил этот балабол, явно оправдывая свою фамилию.

Стало заметно, как он ещё больше занервничал, ладони затряслись, он их пытался соединить, скрестил пальцы, а эффекта всё равно не было, кончики всё равно вибрировали.

«Вот придурок! Да дать бы тебе в ухо и так, чтоб оба отклеились»

Олег тут же встал, перешел и присел напротив него.

– А Вы хоть спросили его, за што вымогают-то?! За што там вааобще можно вымогать?! Они ж делают только очистку и изоляцию! За очистку, но они же пескоструят и делают её идеально. Изоляция-то прозрачная, вы ж сами видели! А изоляция вабще мертвая, лучше не бывает! И её качество проверяют ваши же люди, эхэзэшники, и только после них я подписываю. Вы ж в этом обязаны разбираться! Там просто не за што вымогать, Валентина Николаевна, понимаете?! – не выдержал Олег, для убедительности подняв тон.

А та всё прекрасно поняла, видать, еще изначально, а теперь и подавно.

– Да у него ж неприятности теперь. Нужно срочно ликвидировать эту ситуацию, а иначе я щас вызову Багина сюда и...

– Я понял, ну я, я приношу, я виноват, конечно, извиняюсь, ну не подумал. Конечно, надо было разобраться, ну простите меня, дурака старого, – ещё пуще прострочил дедуля.

– Да чё мне ваши извинения? Вы чё ко мне-то не подошли? И меня только устроит, когда мой шеф скажет мне, што вопрос снят полностью. Звоните хоть Багину, хоть генеральному, но сегодня же этот вопрос должен быть закрыт! – разъярённо выложил Олег.

– Хорошо-хорошо, я щас же позвоню, ну виноват, конечно, всё сделаю. Я могу идти?

– Подождите, – сказала она и что-то еще стала ему говорить, а Олег уже встал и пошел, чтоб искушение дать тому по морде не возобладало.

А вечером Самарин сообщил ему, что Багин звонил, извинялся и просил всё забыть. Следом позвонил Нариманыч и, только что узнав о произошедшем, сообщил ему, как Ибаев в четыре дня сматывался как «Леопольд».

Олег стал успокаиваться, считая эту эпопею вполне своевременной и даже выгодной ему. Теперь-то он был уверен, что больше никто не осмелится его оклеветать.

VII глава

*Вы можете всем этим быть горды,
Как вы любимы деревенским людом
Большое счастье – пожинать плоды
Способностей, не сгнувших под спудом.
И.В. Гёте*

1

Заканчивался октябрь, период затишья, как перед бурей. И погода была как никогда отвратительная, слякотная, морозами ещё и не пахло, поэтому и объектов не было. Только началась программа «Время», звонок. Олег уже не сомневался, что это Демиденко, потому что Галине и Насте почти всегда звонят на мобильники.

– Да.

– Здоров, ну шо, чем занимаешься?

– Привет, да чем я могу ещё заниматься? Валяюсь вон, телик смотрю.

– Ну ясно. Да я шо звоню, сегодня Токарев тобой интересовался, это главный государственный, знаешь его?

– Нет.

– Ну, короче, он просил передать, шоб ты позвонил ему, – вполне как бы обыденно сообщил Николай.

Но всё это оказалось настолько неожиданно.

– Ого, а чё ему надо-то? И откуда он знает, что мы друзья?

– Да не знаю, и спрашивать было неудобно, мы с ним в туалете встретились. Сам узнаешь, завтра позвони, телефон два ноль семь, – довольно убедительно пояснил друг.

– погоди. Ну узнай, чё ты?! У тебя ж есть возможности, я ж знаю! – строго потребовал Олег.

– Ладно, ладно, попробую. Давай, пока.

Утром он набрал, представился.

– А-а, да-да, здравствуйте, хорошо, что позвонили. А Вы к нам, сюда, не собираетесь? – совсем без намека на неприятности спросил Токарев.

– Да нет, никто не вызывает, а сам тоже не планировал, – настороженно ответил Олег.

– Да просто есть разговор, Олег Владимирович, но не по телефону. А если нужна командировка, я с Самариным переговорю. Когда сможете?

– Да нужна, конечно. Ну, и наверно, в понедельник только. Ведь завтра уже пятница, – встревоженно предложил Олег наиболее реальный вариант.

– Годится, а я щас позвоню ему, всё тогда, до встречи, – вполне доброжелательно попрощался он.

Олег всё равно долго не мог успокоиться. И только после разговора с боссом, понял, что для беспокойства нет причин.

С аэропорта он помчался к Николаю, долго ждал на крыльце. И как только тот вышел с работы, он спешил:

– Ну чё, узнал? – лишь протянул он руку.

– Не-а, не получилось. Да не переживай ты так.

– Да как не переживай-то?! Это ж не шутки. Ну..., – зло выругался он.

– Да разберешься завтра. А меня вот заместителем Танкова назначили, сегодня приказ вышел, – не без радости сообщил он.

– О-о, поздравляю, ну а чё я ещё скажу, – вроде как нужно порадоваться за друга поболее, а у Олега волнение только возросло.

«Да что он от меня хочет-то? Ё-моё, завал какой-то»

– Ну а так-то теперь с тебя и спрос будет побольше. Чё с переизоляцией-то, ты чё, совсем не боишься? – решил он попугать и друга.

– Да всё, решилось. П-подписал я всё на прошлой неделе, сам же был в Москве, – слегка и явно от счастья заикнулся он, – и т-теперь, с изоляцией километр будет стоять в два раза больше, около *сорока пяти* лимонов. И на следующий год нам выделяют в два раза больше, аш *шестьдесят ярдов*! Представляешь, какие бабки!? – ещё более радостно объявил он.

Цифра впечатляюще говорила сама за себя, поэтому больше продолжая думать о своём и сделав серьёзную физиономию, Олег спешил отреагировать соразмерно:

– А салют-то был? – специально улыбнулся он, прекрасно представляя огромную радость у всей шайки.

– Какой салют? – неподдельно удивился Николай.

– Ну как какой? Самый обыкновенный. В честь такого куша. Неужели руководство скромно обмывало? Под столом, штоб никто не видел? – откровенно засмеялся Олег.

– Да шо ты опять, подначиваешь. Хорош. Ну а так-то, да, конечно, все дово-ольные! Ну а как? – тоже повеселел Николай, – Вот, теперь будем ремонтировать как положено, ты ж этого хотел, радуйся.

– Да я-то чё? Как говорится, поглядим-увидим, – опять не без издёвки сказал Олег, ещё раз представив размах того счастья у его руководства.

Пришли к Николаю. Поужинали. Юля ушла укладывать дочку.

– Ну, слушай. Две недели назад, у нас же тендеры прошли, и выбирали только тех, кто лучше оснащён техникой. Так вот, вчера приходят ко мне двое, засланцы нового подрядчика, у одного руки прям синие, в наколках, пальцы веером. Ну чё, говорят, Колёк, давай наши

объекты, у нас техника простаивает. А я в шоке, говорю, да я эти вопросы не решаю, только Москва, это ж всё от режима зависит, даже наши диспетчера и то не решают. А как появится возможность остановить газопровод, вас сразу же известят, тогда и начнёте технику перебазировать. А тот ухмыляется, не-эт, ты не понял, говорит, та-ак дела не делаются. Нам нужно срочно, мы же лавы на тендер много потратили, надо восполнять. И нам сказали, што ты решаешь. Давай, говорят, быстрее, а то мы... А я им опять, да вы шо, это только Москва... А они, ну тогда скажи, с кем конкретно надо решать этот вопрос, и мы сами с ним всё решим. Ну, совсем не понимают, это же просто кошмар какой-то! Представляешь?

– Ну а чё ты, Колёк? Ты ещё не привык што ли? У вас же давно не трансгаз, а притон какой-то, а щас будет более красочный, ваще синий, гы-гы-гы, – опять загоготал Олег, – ну, а ты теперь будешь у них за разводящего или как он там у них называется, – продолжил он ехидно лыбиться.

Тот смотрел на него огромными голубыми глазами, а в них ни искринки.

– Да ну тебя, мне-то не до смеха, серьёзно. Отмороженные они какие-то. Я уже не знаю, как им объяснять. А они прям требуют, наезжают да так, шо чувствуешь себя некомфортно. Ну а шо я им сделаю-то? – ещё раз показал он, что реально побаивается.

– Да просто отправляй их к руководству, у тебя ж его навалом, вот пусть там и разбираются. И чё ты ваще с ними разговариваешь, отсылай их и всё, – уже на полном серьёзе сказал Олег.

– Ну ладно, черт с ними, посмотрим, – вроде как согласился Николай, – а у меня ещё новость, раньше просто не хотел тебе говорить, щоб не сглазить. Я же фирму свою открыл, ремонтом подводных переходов будем заниматься. И сразу с одной фирмой договор заключил, а у них своя современная установка горизонтального бурения. И вот за счёт них я выиграл девять самых лучших объектов, – как обычно, похвастался он.

А давно зная его предприимчивую жилку, Олег совсем не удивился.

– О-о, а это ж ваще здорово! Давно пора, – искренне обрадовался он.

– Да, щас попрём, бабки приличные.

– Давай-давай, молодец!

– Фу, наконец-то укачала, – вошла его молодая жена, – А вы чё так просто сидите-то? Давайте ещё чайку, там же ещё торт остался, Коль, доешьте, – открыла она холодильник и достала коробку.

Олег посмотрел на часы, а уже без пятнадцати одиннадцать.

– Да какой чай, Юль, на ночь-то глядя, всё, пойду я, – встал он и пошел одеваться, – завтра доедим.

– Да он же испортится.

– Ну, свежий возьмем, всё, давайте, спокойной ночи, я побежал.

2

В девять он у Токарева.

– Здравсти, я Рубицкий, можно? – приоткрыв дверь, представился он.

– Да-да, конечно, – вышел навстречу среднего роста симпатичный и примерно его ровесник, – здрастье, вот, присаживайтесь, – пожал он руку и вернулся на место.

Олег огляделся. Кабинет просторный, слева у входа, в торце, большой буквой «Г» диван. Он сел как обычно спиной к окнам, за приставной солидного тёмно-бордового стола, а напротив него стояли такие же книжный и одежный шкафы. Всё строго и уютно.

– Ну што, Олег Владимирыч, я пригласил Вас, щоб предложить перейти к нам. А то чё там этот ваш технадзор, прямо скажу, не серьёзно это, тем более для Вас, – сначала он поразил его сначала предложением и не менее точностью про, действительно, бесполезный технадзор.

Только сейчас у него отлегло. Ведь всё время он переживал и готовился объяснять про те Прахатинские переходы и еще, что он ничего не подписывал по дурацкой обваловке. А это было совсем неожиданно.

А Токарев, заметив его очевидную настороженность, продолжил:

– Насчёт Вас я навёл справки, – как-то оправдательно посмотрел он, – и не вижу в этом ничего предосудительного. Короче, Вы нам подходите, нам нужен такой специалист. У нас же все инспектора выходцы из эксплуатации, а я так вообще из нефтяников. А щас объёмы по ремонту растут, поэтому нам нужен строитель.

Вспомнив те объекты, являющиеся наглядным примером фактического беспорядка независимого технадзора, и больше не желая участвовать в этой бутафории, он поспешил уточнить главный для себя момент.

– Сергей Валерьевич, да я, честно, просто уже устал пыхтеть вхолостую. Да-да, бьюсь-бьюсь, а всё бесполезно, такой бардак тут у вас, просто ужас! Там же везде и такое творят, что волосы дыбом, и никому ничего не надо. Поэтому у меня вопрос, а насколько у вас независим инспектор?

– А-а, понял. Ну што сказать? Никаких ограничений в выявлении нарушений в отделе не существует вааобще, это абсолютно точно. Если предписание инспектором выписано обоснованно, никакой ревизии или отмене оно не подлежит. На моей памяти таких случаев не было. И сверху на нас никто ни разу не давил, – действительно идеально понял он Олега.

Такие правила «игры» его не могли не устроить. Но ещё раз вспомнив про «ожог» с Петечкой, и чтобы ещё навести кое-какие справки, он уже более осторожно ответил:

– Ну что сказать, надо подумать, но, а так-то я в принципе не против. Да-а, нужно бороться с этим бардаком и о-очень серьёзно, – немного освоившись, специально и для пущей эффективности отметил он «серьёзно».

– Ну вот и отлично, пойдёмте, перекурим.

А когда вернулись, Токарев попросил его рассказать об опыте работы на «Большой земле». И Олег за два часа поведал ему о нескольких объектах, особо отметив, что там труба была настолько «гнилая», что приходилось менять до пятидесяти процентов, а последнее время и поболее.

– Ну всё понятно, всё правильно. Так и будем работать. Осталось только подождать нового штатного, и как получим, я сразу же Вам сообщу.

Фраза «так и будем» стала ключевой. Олег уже не сомневался, что можно переходить, и что взаимопонимание будет достигнуто.

3

Как и договаривались, Олег встретил друга на крыльце ресторана.

– Ну шо? – издали спросил «хохол».

– Шо-шо, да ни шо, – как всегда передразнил его Олег, – пригласил на работу.

– Да? А ты?

– Ну, думаю, што надо идти.

– Да-а? – проходя мимо, как-то странно сказал Николай.

Сдав одежду, они прошли в большой зал, где было занято только два стола.

– Вот тот, шо белобрысый с красной мордой в сером костюме, это зам генерального по линейке, Купцов, мой прямой шеф, – пояснил Николай о кампании из трёх мужиков, сидящих у него за спиной и слева, у окна.

– Ага, ясно. Но ты мне лучше скажи, Токарев што за человек-то?

– Ну шо сказать, взятки он не берёт вааще, это двести процентов. Никто даже и не пытается ему предлагать. На дранной козе не подъедешь. У него ж свой, ну или как бы у его жены

учебно-курсовой комбинат. Вот он и бегаёт с ним как с писанной торбой, задолбал уже всех, требует шоб все к нему людей отправляли обучать. А по работе кровь сворачивает капитально. Жесткий тип, конкретно. Одним словом, побаиваются его все, – красочно пояснил он.

А лучшей характеристики Олег и не пожелал бы. «Во-о! Это ж классика. Значит и палки мне не будет вставлять. А больше мне ничего и не надо»

Скоротечность перерыва не дала Олегу возможности обсудить не менее важные вопросы, и он перенес их на вечер. Придя в номер, он завалился на кровать. Сейчас у него уже были совсем другие мысли.

«Так, ну и что мы имеем. А то, что сейчас Коля для меня надёжная опора и хороший помощник, а когда я перейду, останется только помощником. А как только я начну закручивать гайки, то легко могу подставить его под удар. А чтобы избежать этого, нужно убрать причины, из-за которых он может пострадать. И проблема-то лишь одна, нет нормальных проектов. А когда они будут, то отвечать за брак будут только бракоделы. Значит, нужно сейчас его так накрутить, чтоб он вплотную занялся этим вопросом, заставил укс разрабатывать проекты на все объекты. Вот и всё! Так, так, ну что, пора и мне мобильник купить, а то как-то совсем не солидно» – встал он и побрёл по магазинам.

Олег встретил друга на крыльце и опять в восемь. Пришли к Николаю.

– Ну што, Коль, надо срочно решать проблему с проектами, – начал Олег, как только они остались одни на кухне, – у вас же такой крупный проектный отдел, поэтому не должно быть вопросов с ними. А всего-то нужно, чтобы вместе с дефектными ведомостями каждое ЛПУ присылало им копии чертежей, по которым строились эти газопроводы. Всего лишь два – план и профиль. А нанести на профиль новые проектные решения даже для среднего проектировщика и дня не займёт. И пояснительную записку нужно сделать подробную, где описать все нормы на все виды работ. Это ж всё элементарно, они просто не хотят делать. И я знаю, *почему*, – на последней фразе Олег сделал особое ударение, потому что давно понял, что проекты явно *никому не нужны*.

– Да они ж говорят, шо нужны изыскания, а изыскателей у нас нет, – с недовольством обозначил он как бы весомую проблему.

А Олег давно не мог слышать этот абсурд.

– Да какие ещё изыскания, Коля? Они мозги вам всем компосируют! Вот, смотри, всплыл участок, любой, пусть двести метров или два километра, да хоть пять, и его нужно уложить на проектную отметку. Ну и што, для этого нужно проводить какие-то изыскания? Да это же бред. Чё, за двадцать или тридцать лет могло измениться? Новая гора какая-нибудь выросла, или река новая образовалась? Конечно нет! С этими изысканиями пусть они другим лапшу на уши вешают! Ведь достаточно отправить геодезиста на объект, который только пейзаж сравнит с чертежами и нанесёт на них фактическую картинку, сфотографирует просто, и всё. Там делов-то на день, а с дорогой на два-три, максимум. Мы дольше щас разговариваем, – выпалил Олег, хорошо зная, что крыть тому нечем, абсолютно.

– Ладно, на этой неделе пойду к ним и разберусь. А ты знаешь, шо в ПКО работают Надя и Оля, та, шо из близняшек, помнишь?

– Да я всех помню. А на втором курсе они вабще жили напротив меня в пятьсот шестой. Так што, пойдёшь, передай им мой пламенный привет, – специально обозначил Олег своё жуткое недовольство, – А ты знаешь, нет, одну очень хорошую и уместную поговорку, «делай всё по чертежу, и не будет п...жу!?» А это истина, Коля, с ней не поспоришь. Так што, так и передай им от меня. Вот, ты компрессорные строил, вы без чертежей хоть что-нибудь монтировали?

– Ну ты сравнил! Нет конечно. Но там-то строительство было, а здесь просто ремонт. И наши лэсовцы знают же, шо и как делать, – твердо сказал он.

А это уже чересчур, и взбесило Олега до небес.

– Да ты о чём говоришь-то? Ну, назови мне хоть одного, назови-и. Да никто ничего не знает, и знать не хотят. Я их всех уже раскусил. Может они и знают там, как краны свои обслуживать, но в ремонте газопроводов они вообще ничего не понимают. Я тебе точно говорю. Никто, вообще никто! Полный ноль!

– Да ладно, хорош, – махнул рукой Николай.

– Да чё, ладно-то. Я тебе говорю, вообще ноль, да даже минус! – вскипел Олег.

– Да ты шо? Прямо вот так?

– Да-а!

– Ну, ладно, завтра пообщаюсь. Неужели всё так печально?

– Да это не печально, Коль, а полный... И завтра ты в этом убедишься. Ладно, ты мне лучше скажи, как там поживает Малофейкин, гнида эта?

– Да ничего, вроде нормально, ходит себе на всякие там совещания. Граф же его только для этого и взял, чтоб тот ходил на всякие такие мероприятия и отгребал. Мальчик для битья. А он наверно думает, шо после ухода Графа в УКС, Руднев-то на пенсию через год, шо он на его место сядет. Да дурачок. Казбек-то, вон, возле генерального только и крутится как ординарец по особым поручениям. На родине у него там церковь такую отгрохали, говорят, в два раза больше и красивее нашей. И ещё асфальт от Калуги до его поселка проложили около сорока километров. Там, видать, всё давно решено.

А видя здесь новый красивейший храм, Олег обалдел.

– Понятно, а тот-то, чурек, как? Ты хоть с ним-то не связывался?

– Да было, один раз. На одном объекте осталось восемьдесят два лимона, просто не успели освоить, и чтоб Москва не забрала, я ему предложил их оформить, чтоб потом перекинуть на другой объект. Он забрал, а щас ходит и морду воротит, – с недовольством сказал Николай.

И этим он совершил двойную оплошность, видимо, позабыв, что друг в таких вещах соображает лучше него в сто раз.

«Ага, перекинуть. Ну-ну...»

– Да ты держись от него подальше, он же тебя подставит, Коль, знаешь же, как эта мразь меня хотел убрать, – злобно сказал Олег.

А Николаю была явно неприятна эта тема.

– Да ну его... А я же Миху нашего позвал главным инженером, – не меньше удивил он друга.

Ведь встретившись летом на юбилее, Олег сам тогда подумал о Манкове, но не сделал, так как тот был вроде при делах. А сейчас он почувствовал, как будто что-то живое оторвали. И долго вынашивая свою идею, он торопился:

– Ясно. А если вам предложить фирму по технадзору, это реально?

– Да вполне, я думаю. Я сам присутствовал на одном совещании, когда генеральный сказал, шо нужно создать конкуренцию газнадзору и орггазу. И чтоб только фирма была самостоятельной и могла контролировать по семь-восемь объектов, – также легко обрадовал он друга.

– Так давай, я предложу свою, надо ж наводить порядок.

– Да не вопрос, а лицензия есть?

– Ну, пока нет, но щас займусь и вместе с экспертной получим.

– Давай, а я-то шо, конечно, помогу. Объёмы же выросли, думаю, будет вообще без проблем.

По его энтузиазму Олег понял, что проблем действительно не должно быть, поэтому ему даже неловко стало за себя, что раньше не спросил.

– Да-а, жаль, конечно, шо ты переходишь. А я ж тебя хотел позвать, чтоб ты моей фирмой руководил, – с досадой обронил Николай.

Только сейчас Олегу стала понятна его странная реакция перед обедом.

«Ё-моё, ну ты даёшь! А что ж ты вчера-то это не сказал! Ну...» – лишь выругался он про себя, а очень хотел покрыть его прям матом.

– Да ладно, и так можно работать, и будем помогать друг другу. Ну чё, поздно уже, пошёл я, – очень обидевшись, нашелся лишь что сказать он, хорошо понимая, что друга предложение было намного выгодней.

Но согласие Токареву он уже дал, и теперь отказываться не солидно. И с гигантской обидой побрёл он одеваться.

VIII глава

Постылые! Исчадье преисподней!

Мне жаль, что нет ругательств

попригодней!

И.В. Гёте

1

Предложение Токарева заставляло Олега несколько изменить подход к делу. Теперь ему было необходимо полнее и жёстче обозначить все требования. А если в чем-то даже не удастся, тогда хотя бы для того, чтобы потом никто не смог его упрекнуть в том, что раньше какие-то из них он не выдвигал. Но при этом ему ещё нужно было сделать так, чтобы никто не усмотрел в его действиях разницу, по которой кто-то смог бы догадаться о его переходе. Ведь тогда неизбежно пойдут разные кривотолки, что якобы до этого его требования были намного меньше и слабее. А это для него было абсолютно неприемлемо. Ведь он хотел и сохранить тайну о предстоящем переходе и, конечно, для пользы дела чётко и в полном объёме обозначить сейчас весь комплекс своих требований, который бы все уже не только хорошо знали, но и приступили к его выполнению. Да и всякое могло случиться, и прокол с Петечкой яркий тому пример. А в совокупности, как только Олег представил объём всех этих требований, задача обозначилась далеко не из легких.

Видимо забыв весенний конфликт, руководство опять поручило ему Ныринские объекты. Он повозмущался, но вариантов не было. А главное то, что сейчас он совсем не верил в эффективность, нет, это очень громко сказано, а даже в мизерную полезность своей миссии, поэтому и не рассчитывал ни на что. Ведь диспозиция заказчик–подрядчик и их весьма сплоченные, даже братские отношения напрочь исключали независимость технадзора. И если в других филиалах хоть как-то реагировали на его замечания, старались вникнуть и что-то предпринимали; звонили, писали какие-то письма в УКС и трансгаз, то здесь была и стена, и пропасть, одновременно. Более того, они даже пытались убедить его в том, что всё делается нормально.

И он как вспомнит, что «труба нашла своё место» и «её совсем не нужно трогать», его сразу клинило. А больше всего он не хотел встречаться с их начальником. Его не имеющая аналогов степень высокомерия широко известна, что Олег терпеть ненавидел больше всего, поэтому и не сомневался, что конфликтов избежать не удастся. Тем более, что ему уже известно о его предводительской роли в этом вредительстве.

Из общения по телефону с начальником ЛЭС, Удаловым, Олег вчера узнал, что проектной документации нет, а значит, и нормального ремонта. Но нужно же всё это увидеть и зафиксировать, поэтому он сразу выехал на объект. С подрядчиком «Газстрой» он столкнулся впервые, но наслышан об их художествах. С первых слов начальника ПТО, Олег быстро понял, что у них не просто всё запущено, а так, что хуже не бывает. А ещё наслышан, что, кроме хозяина фирмы Норика Погосяна, его заместителя и младшего брата, и еще начальника участка

Мурадяна и этого Паргефа, по-русски не разговаривал никто. И в этом он только что убедился. Из его речи он с трудом понял отдельные слова. А уже достоверно зная, что в области нет ни одного инспектора Ростехнадзора из армян, у него автоматически возникли вопросы: «А как же все они сдавали экзамены? И как вообще на стратегических объектах страны находятся эти *иностранцы*? Да пусть даже у них есть миграционные документы, но если они ничего не сообщают в ремонт, и общаться с ними невозможно, то о каком качестве работ вообще может идти речь?»

Проехав с ним более ста километров, Олег даже и не думал о чем-то поговорить. Вдали показалась крыша вагончика и разная техника. А стрел трубоукладчиков не видно, значит, опять производилась только обваловка.

Подъехали к вагончику, вышли. А прям в десяти метрах велись работы. Летали самосвалы, высыпая грунт, который тут же и с бешеной скоростью толкал бульдозер «сотка» на оголённый газопровод и даже без дорнита. К такому он никогда не привыкнет.

– Так, покажите разрешение на засыпку, – спросил он, хотя был уверен, что его нет.

– Какой ишо разришэня? Засыпам да и всо.

«Ну вот о чём ещё с ним говорить? Да австралопитеки наверняка и намного сознательней были»

– Да вы што творите-то?! А если бульдозер вспорет газопровод, они же сгорят тут все! – взорвался сам Олег, пытаясь образумить их.

– Как эта вспорыт? Он жа жылэзны.

– А, ну-ну! – развернулся Олег и к вагончику, чтобы сразу написать им предписание.

Вошел, а там такой бедлам, каких, наверное, не бывает даже у дикарей. Пола нет, видать, отвалился при разгрузке и валялся в стороне, в сугробе. Сам вагон покорежило, напротив, щель внизу с правой стороны небольшая, а с левой почти метр, и тот угол разорван так, что в проём можно спокойно пройти, лишь наклонившись. Посреди покореженная буржуйка, на ней что-то варили и жарили, вонь такая, что Олега стало выворачивать. Рядом такой же убогий стол, явно не руками сколоченный, вокруг кучи коробок с продуктами, а туша мяса, похоже, баранья, валялась прямо на песке. Справа несколько двухъярусных кроватей с дырявыми замызганными маслом и соляркой матрасами и такими же одеялами, на которых спали прям в одежде и обуви. Тут не то, что писать, а находиться было невозможно. Олег выскочил как ошпаренный, за ним Паргеф.

– Эта второй смэн одыхат, – поспешил пояснить он.

– Понятно, я щас, – сказал он и пошел за вагончик якобы по нужде, а так-то покурить, чтоб его никто не видел.

Теперь-то он поверил, что даже Танечка подписывала ему процентовки почти не глядя. Этот кадр до такой степени, видать, достал её своей тупостью, что даже она, считавшая всегда с точностью до копейки, подмахивала ему, лишь бы он только сгинул с её глаз, потому что знала, что за пределы сметы они всё равно не вылезут.

«Ну вот что взять с этих неандертальцев? Да им же только архаров пасти или укропом торговать! Куда вы лезете, если даже таких элементарных вещей не понимаете! Всё, надо дергать отсюда и быстрее! Не хватало только, чтоб меня с ними приравняли! А запросто, если я здесь, и позволяю им это. Нужно срочно написать, что работают на действующем»

– Паргеф, я всё! Кто меня обратно повезет? – выглянув, прокричал он.

– А, шас, минутку, – обрадовавшись, кинулся тот, как гепард, остановил первый же самосвал, махая рукой.

Вернувшись, Олег быстро написал ставшее уже практически типовым предписание, побежал к Нариманычу и отправил во все концы.

Потом он мучительно ждал девяти вечера, зная, что Николай с работы не уходил раньше восьми. Набрал.

– Да, привет, Олег.

– Здорова, ну што, Колёк, я от армян приехал, ну и где твоя обещанная переизоляция?

– Да этот объект этого года, а переизоляцию мы начнем в следующем, – прогромыхал в трубку просто убийственный ответ.

Устав нервничать и давно понимая, что задача перед заказчиком и подрядчиком стоит только одна – как можно быстрее освоить, а точнее, *засвоить* выделенные средства, в чем он помешать им абсолютно никак не мог, а также, не имея никакого желания усилить ощущение собственного бессилия, ему уже ничего не осталось, как только сказать:

– Да ну тебя, давай, всё, пока! – и отключился он.

«Ну теперь-то ясно, почему ликвидировали наш трест. Им нужны только сторонние подрядчики! Ведь с нас-то никаких откатов невозможно было получить. А мы-то работали по себестоимости, только зарплату платили и горючку с материалами списывали. И ремонт делали как положено и работали дешевле чем чужие в два раза. А сейчас-то они просто все эти деньги пият и всё! У-ух, аж шестьдесят миллиардов и как будто, так и надо. И там теперь тоже всё так же делается, и вон, в Нижнем, ребята говорили. Да везде так! Это ж сколько они за год пият? Да получается с *триллион*, не меньше! Да, одних трансгазов только двадцать и ещё газдобыч всяких с десятков, и даже если у тех поменьше объёмы, по двадцать-тридцать, по любому триллион! Вот, уроды, и не подавятся же!»

2

Чтобы сдать отчёт по командировке, Олег поехал в Ладым. Войдя в офис, он сразу почувствовал необычность обстановки, все сидели если не угрюмые, то озабоченные. Такого раньше не было.

– Здорова, коллеги! – дружелюбно воскликнул он.

А все только пробурчали «привет», даже Прокудин с ним не пошутил, как это всегда он делал, встречая его какой-нибудь новенькой шкваркой. Не нарушая столь загадочной атмосферы, Олег подошел к Петрову и положил документы на стол.

– Вот, Николаич, это по моей поездке в Подгорск.

Тот молча завизировал, поднял голову, одновременно открывая папку, где сверху было его предписание.

– Владимирыч, да вот ты армянам написал, што они не делают подсадку, но её же нет в проекте, – начальственно заявил он.

У Олега сразу стрельнуло: «Ну вот почему, как богатырь, добродушный, хороший человек и обязательно тюфак?»

Ведь это сказал инженер, возглавляющий целый отдел специалистов высокого уровня, во всяком случае предполагаемого, которые обязаны знать этот вопрос в совершенстве. Остальные все слышали и ждали его реакции, поэтому и висела такая, могильная тишина. Олег сразу понял, что скорее всего это и обсуждалось ими до его появления. А сам Петров обязан это знать уж точно не хуже других.

– Николаич, да ты о чем? Вот же, в первом пункте написано, что проекта у них нет! В этом-то и дело. А если б был, то подсадка, как и полный ремонт изоляции обязательно были бы заложены в нём. Вот и всё. А иначе он бы не прошел экспертизу. И вообще, советую вам наконец-то задуматься, ведь это ж явное вредительство, – специально нарезал Олег, желая заранее оградить их от неприятностей, которые уже наметил.

– А я считаю, што за все эти годы труба отлежалась, нашла себе самое удобное положение, и её вообще не надо трогать, а только обваловать и всё, – прогромыхал сзади рык Парнасова, намного похлеще, чем у Джигурды.

«А-а, вот кто автор или соавтор этой дурацкой отмазки! И это технадзор! А он же ещё наверняка думает, что гениально придумал. И это говорит человек, который прошёл путь от мастера до начальника СМУ! И где? В СТПСе! Какой позор!»

У Олега было огромное желание покрыть его прям матом, но не стал. Всё-таки тот ему почти в отцы годился.

«Да я вас всех сейчас вылечу» – и лишь повернулся он.

– Это ты о чём, о трубе, которую кое-где даже аркой выперло? Может ещё скажешь, што поврежденную изоляцию не надо ремонтировать? И вообще, объект как называется, а? Да-да, устранение дефектов, подсадка, переизоляция и балластировка. Ну, и тогда, о чем речь?

Ответа он не дождался, тот даже головы не поднял.

«Вот так-то лучше. А то позоритесь тут, да ещё и больше всех. Ишь, сидят они, молчат. А-а, ясно, Самарин всё-таки сказал им про мой переход. Вот они и не хотят нарываться. Ага, чуют...! Ну, хотя бы так. А дальше еще посмотрим, я и с вами разберусь»

– Владимирыч, да што ты так переживаешь-то? Они ж свои деньги тратят, вот как хотят, пусть так и делают, – с легкостью сказал Петров.

– Чё? Какие свои? Пятьдесят процентов им выделяется из госбюджета, да и остальные тоже практически государственные! Да и в любом случае они обязаны делать всё как положено! Вы чё?!

Возражений не последовало. Далее полезного общения не предвиделось.

– Ну вот так-то. Ну что, Николаич, всё, поехал я? А то меня машина ждёт, – экспромтом придумал он отговорку, спеша повидаться с Вячеславом.

А уже спускаясь по лестнице, он только сказал:

– Да-а, вот это технадзор...! А что ж тогда от других-то ждать?

3

Придя с работы и поужинав, Олег прилег отдохнуть. Вдруг, в подъезде раздался перезвон и грохот, и похоже, что по перилам чем-то неслабо ударили, и те загудели эхом на пять этажей. Громкий перезвон, а еще гогот, шум, и по голосу он понял, что идёт его зазноба. Он выбежал. А там, она с подружками поднималась.

– Да вы чё, совсем что ли?

– О, любимый, ты дома што ли? – как всегда кокетливо огрызнулась она, – Да спустился б лучше и помог.

А у неё в руке был огромный желтый пакет и, похоже, тяжелый. Он сбежал.

– Чё, потише-то не можете? Стыдоба же, – выхватил он увесистый пакет.

– Ой, да ладно, радость моя, неси давай, – не смогла та промолчать.

Он заглянул, а в нём было пиво Козел и бутылок пятнадцать, не меньше.

– Да давайте, быстрее, а то соседи щас..., – и побежал он вперёд.

– Да надо было, шоб у магазина нас встретил, а то замучились мы, – раздалось сзади.

– Ага, всё брошу и.... Как вы мне до-ороги! – выпалил он уже в коридоре, бросив пакет тут же.

– Привет, Олежа, – войдя, прозвенела миловидная Нинуля.

– Привет, а это мы, – повторила Валюха, выдвигая трёхлетнего сына.

– Ну што, тёзка, как дела? – схватил его Олег, приподнял, поцеловал, – Привет, давай, раздевайся, – поставил он его и сам стал раздевать, – Ну, чё ты молчишь-то? – больше хотел он услышать, как тот сепелявит.

А пацан просто прелесть, красивый необыкновенно, а еще как заговорит, вообще отпад. Зубки ещё толком не выросли, а уже наполовину рассыпались. Видно, витаминов не хватало.

И умный невероятно. Говорили, старшему брату совсем не дает за компьютером посидеть, сам рвётся и управляется легко. И тот уже не знает, как от него отвязаться.

– Ну, пойдём сюда, проходи, – потянул он ребенка в зал, – ну, чё хочешь? – посадил он его на левое колено и прижал крепко-крепко, потому что души в нем не чаял и всегда очень рад ему.

– Сё, лубис? – выдало небесное создание, искоса глядя большими красивыми голубыми глазками, как только Олег ослабил объятия.

Он чуть не упал навзничь.

– Ну конечно!

– Дыкази, – добавил ангелочек, забавно прищулив глазки.

– Чё-о? Ой мама, не могу! А как доказать-то? – громко проорал он, – Вот это ты даешь!

А-ну иди сюда-а!

Опять он обнял малыша и не знал, что ещё сказать-то ему.

– Ни снау, – шкодно выдало создание, закатив глазки.

– Ой, не могу! А я-то откуда знаю? – не мог насладиться он, ожидая, что тот ещё что-нибудь отчебучит.

– Шо он, опя-ать? – забежала счастливая Настенька, поняв, что тот что-то отмочил, – Шо он, дядя Олег? – упала она на диван справа от него.

– Да я даже не знаю, как сказать-то! Это надо было видеть и слышать! Вот порадовал ты меня. Ну спасибо. Ну чё, во што будем играть?

– Ни снау, – также озорно ответил тот, стреляя глазками по сторонам.

– Да-а, дядя Олег, он и в прошлый раз тоже тако-ое тут выдавал, когда вас не было, – пояснила Настенька.

– Ох и жучок ты, оказывается, да? Ладно, щас што-нибудь придумаем.

В дверях показалась Галина.

– Ну шо, любимый, ты с нами?

– Да какой там? Вон, я с ребенком буду заниматься, – сурово ответил Олег, потому что ещё в подъезде так решил и до сих пор злой.

«Надоели уже»

Хоть такое и не каждый день, но через два-три точно.

– Ну как хочешь, – игриво вернулась она, выпятив и на мгновение задержав в проёме свой неподражаемый круп.

– Ну, пойдём ко мне, пупсик, я тоже за тобой очень соскучилась, – ласково позвала Настя ребенка.

Тот постарался сползти. Олег попридержал его.

– Куда? Давай, со мной играть. Зачем тебе эти девчонки? Ты ж пацан, и с пацанами надо общаться.

– Да ладно, хватит Вам, дядя Олег, – возмутилась Настенька, схватив его за ручку и увлекая за собой.

Ребёнок стал вырываться, он отпустил, и они потопали. Но он не пошёл за ними, чтобы не пересекать кухню, где вовсю шло уже бурное обсуждение. Он повернулся к телевизору и стал искать что-то интересное.

4

Подошел конец месяца. С утра Рубицкому позвонил Паргеф и попросил подъехать и подписать выполнение, сказав, что объект закончили. Слушать его – одно мучение, поэтому Олег сразу сказал, что ничего не подпишет. А сам выехал в Ныру, чтобы подписать свой табель. Первый по рангу и по пути руководитель группы РиНС, офис которого был напротив жилого

посёлка. Здание весьма интересной конструкции, напоминающее Гостиный Двор – посредине большой коридор, хоть в футзал играй, и который наверняка использовали для массовых мероприятий, а по периметру множество кабинетов.

– Здравсти, – не помня его ни имени, ни отчества, Олег прошел и положил перед ним заполненный бланк.

А кабинет далеко не начальственный, узкий и длинный, поэтому его стол стоял вдоль и даже без приставного столика, потому что к окну было б не пройти, а сам он сидел спиной к стене, и по кругу много разных шкафов.

Саладов, буквально взглянув на листок, с деловым видом сложив руки на груди, вдруг, заявил:

– А подрядчик сказал, что Вы отказались подписывать им выполнение. Так што я тоже не могу Вам подписать, – приступил к откровенному шантажу ранее застенчивый молодой человек.

«Вот сопляк. Да я же вам весной преподал. Вы что здесь, совсем отупели? Ну ладно, ты молодой ещё, так уж и быть, тебе помогу»

– А Вы какой факультет закончили?

– ПГС – не без гордости ответил тот.

А ему ещё не приходилось видеть безграмотных пгсников, поэтому с негодованием только помотал головой.

– Очень жаль. Ну, ладно, тебе в порядке исключения. У вас там сплошной брак, поэтому ничего нельзя подписывать. В исполнительной есть акт, форма два шестнадцать, почитайте его, что он означает. А означает он, што такой-то участок от пикета до пикета уложен в траншею на проектную отметку, заизолирован, что качество изоляции проверено таким-то прибором и дефектов не обнаружено, поэтому его можно засыпать. А у вас што? Да то, што всё, што они засыпали, опять нужно вскрывать, изолировать и подсаживать трубу на проектную глубину. Поэтому я в такие игры играть не собираюсь и не буду! – миролюбиво прострочил он.

А тот лишь состроил недовольную мину и визировать не собирался.

– Ну Вас же не просят подписывать эти акты, а только подтвердить объёмы по обваловке. Грунт же они возили? Возили. Вот и подпишите, а лишнее Вас никто и не просит подписывать.

«Да где вас только понабрали? Ладно, преподам тебе ещё один урок»

– Да Вы же обязаны знать, што если я подпишу засыпку, тем самым подтверждаю, что все предыдущие работы выполнены в полном соответствии с нормами, а это совсем не так. А объект-то стоит не сто рублей, а миллионов! Соображаете, чем это всё для Вас пахнет?

Последние слова заставили того призадуматься. На секунду замерев, он быстро понял, что его окаменение совсем не к месту, наклонился и стал что-то искать в верхнем ящике, затем выдвинул другой и, как бы не найдя искомого, выбежал из кабинета. Его нет минуто, другую. Олег тоже решил пойти перекурить. Вернулся, а его табель уже подписан и лежал на углу стола. Олег догадался, что тот выходил позвонить.

Взяв документ, он направился к выходу, но остановился, повернулся.

– Поберегите себя. Надеюсь, хоть теперь-то вы поняли, что происходит? Всего хорошего, – и не дожидаясь ответа, он вышел.

Переехал он к Удалову.

– Приветствую, Палыч. – подал он документ и сел, ожидая, что ситуация повторится, и ему придётся задержаться, чтоб разобраться обстоятельно.

– Здравсте, чай будете?

– Не откажусь.

– Наташа, сделай-ка нам чайку, – громко сказал Удалов, а сам сразу подписал табель.

– Я не понял, Палыч, а исполнительную-то я ж не подписал.

– Ну и што, – с легкостью сказал он.

– Как, ну и што? Она ж обязана храниться до ликвидации объекта, и вопросы по ней могут возникнуть в любой момент, – недоумевая сказал он, прозрачно изложив серьезнейшую проблему.

– Да пусть будет такая, какая есть, и кому решать с ней тоже есть, – в том же духе ответил тот.

Понятно, что он не хотел обсуждать эту тему. А статус подрядчика не позволял Олегу вытягивать из него какие-либо пояснения. Но главное, что желания видеться с виновником всего этого беспредела у него не было никакого.

– Палыч, ну, пожалуста, сходи к шефу, подпиши без очереди, – не придумал он более серьезную причину.

– Да нет там никого, зайдёте без проблем, – уверенно ответил тот.

«О, что-то странно. Откуда он знает, что в приёмной никого или тот не смылся куда-нибудь? А-а, всё понятно. Ну что ж, придётся идти»

Ещё поднимаясь по лестнице, Олег увидел, что приёмная действительно пуста, и секретарша на его немой жест тоже кивнула, что он может зайти.

– Здрасти, да мне вот только табель подписать, – на ходу озвучил Олег и положил перед ним листок.

Тот схватил трубку и стал вбивать кнопки так, что, казалось, они никогда не вернутся на место.

– Здаро-ова, – надменно и даже пренебрежительно изрек он, – тут у меня твой человек, а я его впервые вижу. Так што ничего я ему не подпишу, сам с ним разбирайся, – бросил он трубку, вскочил и гордо зашагал на выход.

Олег догадался, что тот звонил Петрову, и, естественно, последовал за ним, оставив документ, потому что без его подписи он никому не нужен.

«А-а, так вон как ты работаешь. Вот так давишь на всех и получаешь то, что хочешь. Да ты не на того наварлся, идиота кусок»

Телефон в приемной для гостей был в левом углу у окна на тумбочке. Олег показал на него, и секретарша опять кивнула. Он подошёл и набрал Петрова.

– Привет, Николаич, это я.

– Да понял я. Не обращай внимания. Он в своём репертуаре. Давай, езжай домой, а я тебя по другому объекту проведу, – легко снял тот проблему.

– Ну, ладно, понял.

– Да, давай, – доброжелательно сказал шеф и отключился.

«Ничего-ничего, ты у меня еще пожалеешь...»

Настроение поднялось мигом. Несказанно довольный он вернулся к Удалову и, улыбаясь, лишь взял свою папку.

– Ну што, Палыч, поехал я, до свида-ањица, – специально протянул он руку, чтобы Удалов увидел его улыбку, потому что тот ходил по кабинету с раскрасневшимся лицом, наверняка зная результат.

«Вот борзота, даже исполнительная им не нужна! А как же вы будете объяснять это, если что случится? Да скажут, потерялась или еще что-нибудь придумают. Ну а мне-то потом вы что скажете? Ничего, я до вас доберусь! Так, а как же процентовки? Там же наверняка моя фамилия. Ну, значит переделают, или кто-то другой подпишет. Да и пускай подписывают, идиоты! Как вы меня все достали!»

Эта вакханалия настолько осточертела Олегу, что он только и думал, как эффективней пресечь её и, разумеется, безопасней для себя. Пообедав, он прилег. Вдруг звонок на сотовый, он посмотрел, хотя уже не сомневался, что это Николай.

– Да, здорова.

– Здоров, ну шо, как дела? – как обычно начал «шошокалкин».

– Да ничё, помаленьку, – недовольно ответил он.

– Ну, понятно. А я вот завтра опять в Москву, с корректировкой плана, денег еще обещают выделить. Да, и еще я шо хотел, тут с утра у меня Самарин был, так шо я в курсе и Мурату уже сказал, шо он переборщил сильно, и объяснил, шо у него будут проблемы, когда ты перейдёшь.

– Ну зачем, Коля?! – вскочил Олег.

– Да он же карифан мой, мы с ним в Алде работали, – сразу понял Николай, что не прав.

После «Мурату» Олег уже не в себе, а после корефана еще хуже стало.

– Коль, ну ты чё наделал-то? Ни фига себе, он твой карифан, ну и што? Он же совсем охренел и думает, што самый умный. Да он глубоко ошибается, и это я ему докажу, да так, что он у меня точно охренеет!

– Ну ладно-ладно, шо ты завёлся? Я тебе говорю, он хороший пацан, ну ошибся, ну ничего страшного же не произошло. И я его уже поправил. Ну с кем не бывает. Конечно, мне надо было уже давно вас познакомить. Ну виноват, конечно я виноват.

И без его неуместной виноватости Олег уже прекрасно представил дальнейшее развитие событий, а именно, как потом Николай будет хлопотать за этого наглеца, когда он начнёт принимать к тому меры.

– Коль, да ты даже не думай...! Я с ним и на одном гектаре... Так что давай на этом закончим. Ты лучше скажи, когда вы начнёте делать нормальный ремонт? Ты ж говорил, с нового сезона. Ну и где?

– Ну шо ты опять. Я говорил, не с нового сезона, а с нового года, и так и будет. Вон, Норик уже комбайн изолировочный купил, я точно знаю. И кстати, Олег, он к генеральному дверь ногой открывает.

Олег прекрасно понял эту его если не угрозу, то устрашилку, точно, но решил сделать вид, что тот имел ввиду какую-то выгоду для него.

– А мне-то што от этого? Да пусть хоть задницей, Коль, мне-то от этого толку никакого, – специально так отреагировал он, а сам хотел уйти от этой темы, – Слушай, а привези мне ноутбук, там же наверняка дешевле. А деньги я тебе потом отдам.

– Ну ладно, а какой?

– Да какой-какой, я чё, знаю? Ты ж в них лучше понимаешь.

– Ну ладно, всё тогда, пока.

– Давай.

«Вот это дела-а! Ну, молодец, хоть сказал. Смотри, и Мурат ему корефан, и Казбек, и про Норика он всё знает! А сейчас-то у них всё так гладенько получается, а потом, как только я стану устраивать им облом, будут же сопротивляться. А они уже миллиардами карманы набили и им меня убрать, раз плюнуть! На самом деле, надо с ними поаккуратней! Надо им объяснять, что я же им помогаю и делаю это только в их же интересах. Ведь они же вредят прям в открытую, да ещё и бабки за это гребут, бешенные. А это же самая настоящая диверсия! И ещё двойная. Да какая двойная? Тройная! Ведь через три-пять лет коррозия всё равно сделает свое дело, и по любому всё переделывать придётся. Оставшиеся-то дефекты всё равно придётся устранять, значит, опять придётся деньги из госбюджета выделять. Да вы здесь, ребятки, прям дойную корову устроили. Ну, гении прям! Ага, и техногенная и экономическая диверсии в действии! Так, надо это срочно пресекать и Колю обезопасить! А всего-то лишь нужны нормальные проекты. Тогда-то уж они будут обязаны делать всё по нему, нормально. И потом

им самим же и мне бояться будет нечего! Так, сейчас вернется, нужно ещё раз его накрутить. Пусть душит там их всех»

IX глава

Но не по дням, а по часам

Растёт и выпирает срам,

И чем чудовищнее грех,

Тем больше на виду у всех.

И.В. Гёте

1

Почти месяц мороз стоял больше пятидесяти, а в одну из ночей было шестьдесят четыре, но к утру спал до пятидесяти пяти, поэтому Чрезвычайное Положение не было объявлено. Морозами здесь народ, конечно, не удивить, и все мужественно переносят эти трудности. Но на Севере существует одно очень разумное правило – если мороз больше сорока, автотранспортное сообщение между населёнными пунктами прекращается. Исключение составляют лишь разные экстренные случаи и то, только в сопровождении другого транспорта. Именно по этой причине с середины января магазины стали пустеть прямо на глазах. А у народа никаких запасов продуктов нет, ведь здесь ни у кого нет ни погребов, ни сараев.

Сам по себе страшный мороз вызывал круглосуточные опасения перед огромной вероятностью свершения аварий на теплотрассах, и все только и молились, чтоб этого не произошло, а тут ещё проклятый голод постоянно напоминал о приближении. Поэтому самое неприятное – поход в магазин. Уже на входе жуть охватывала. На полках был только хлеб, консервы и армادا бутылок с минералкой, и те таяли страшными темпами.

Только четвертого февраля пришёл первый караван машин с продуктами. В них всё: мясо, разные крупы и мучные изделия, овощи и даже фрукты. У народа резко поднялось настроение. Эти машины круглосуточно стояли прямо во дворах. Вышел из подъезда, сделав буквально несколько шагов, подал сумку с запиской и деньгами и обратно. Через несколько минут, увидев её наполненную и вытянутую в щель, подбежал, схватил и домой. Удобнее не бывает. Сколько добрых слов эти кормилицы слышали в свой адрес, столько им и за всю жизнь не услышать.

Все стройки в прямом и переносном смысле заморожены. Только к середине февраля мороз чуть спал, позволив людям облегченно вздохнуть.

С утра Рубицкий принимал поздравления. Очередной звонок.

– Да.

– Приветствую, Олег Владимирович, Токарев это. С праздником тебя.

– А, привет, спасибо, Сергей Валерьевич, взаимно.

– Ну что, наконец-то пришло новое штатное, ты не передумал?

– Да нет, не передумал.

– Ну и когда тебя ждать?

– Да наверное не раньше понедельника.

– Ну, хорошо, договорились. Всё тогда, до встречи.

Олег тут же набрал Петрова, и они обговорили все, что от него требуется. Затем он долго искал и как только договорился с машиной, набрал и предупредил Удалова, что завтра будет у них.

Опять он сначала заехал к строителям, вошел, а здесь уже сидел другой парень.

– Здравсти, а где Саладов?

– Здравсти. А он уже в уксе работает, в Подгорске.

– А кем? – ещё больше удивился Олег, подав листок, – А мне вот, только подписать.

– Инженером, – сразу подписал тот документ.

– Спасибо, ну, тогда Вам желаю успехов, до свидания, – на ходу бросил он.

«Так, если рядовым, значит сбежал, и мои наставления не прошли даром»

На подъезде к станции навстречу ему промчался «барин» на своей Х-5.

«Ага, предупредили уже. Ну-ну, давай, побегай теперь»

Открыв дверь к Удалову, он увидел двух незнакомцев и определил, что это представители подрядчика предъявляют объёмы. А у него вопрос-то пустяковый, и, не обращая на них внимания, он прошёл и подал документ.

– Здравсти всем, Палыч, да мне вот только подписать.

– Здравсти, – опять без проволочек сразу завизировал его Удалов.

– Слушай, да Каласаев уехал, я видел, а кто подпишет вместо него?

– Да там главный на месте, он в курсе.

«А-а, тот парень сообщил им, значит, точно сбежал»

В этот момент сидящий к Олегу спиной мужчина явно не славянской, но и совсем непонятно какой национальности повернулся в пол-оборота.

– Олег Владимирович, примите наши поздравления, – без акцента сказал он.

Но ведь ясно же, что тот поздравил его не с прошедшим праздником.

«Ну, Коля, уже весь север знает» – автоматически сжал он губы.

– Да Вы не удивляйтесь, просто мы с Николаем Ивановичем в о-очень хороших отношениях, – подтвердил незнакомец его вывод.

И не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что означало его ударение на слово «очень».

Поэтому, не скрывая своей улыбки, Олег молча направился к выходу, повернулся, стараясь получше запомнить «хороших» знакомых своего одного из самых близких ему друзей и, чтобы уж совсем не выглядеть неблагодарным, лишь сказал:

– Спасибо, – и тут же закрыл за дверь, не давая им возможности продолжить разговор.

А Николай был в отпуске и в санатории. Олег стал набирать, чтоб высказать ему и на этот счёт. Тот не ответил, и Олег сделал вывод, что он на процедурах.

2

А в отделе кадров ему объявили, что придется пройти стажировку и вернуться к Токареву. Если три дня назад он не стал афишировать своё появление в Подгорске, то теперь не было смысла, и как только приобрёл билет, сразу позвонил Манкову.

Выйдя из аэропорта, он увидел друга возле Камри.

– Здоров, ну чё, как Коля-то, приехал? – задал Олег первый по важности вопрос, зная, что тот должен был приехать на поезде два часа назад, а ему самому за эти четыре дня так и не удалось с ним переговорить.

– Да, отвез их домой, он со старшей дочерью приехал, – как-то удрученно пробубнил Михаил.

И Олег без труда определил, что настроение у него не улучшилось со вчерашнего их вечернего разговора.

– А што с днём рождения?

– Да сказал, в субботу будем отмечать и ресторан уже заказал, – опять через губу ответил «Бу-бу-бу».

– А обо мне ты сказал, что прилетаю?

– Ну конечно сказал! Ну как я мог не сказать-то?! Ты чё, на самом-то деле? – прям завопил он.

Олег понял, что тот на грани срыва, поэтому пропала всякая охота задавать какие-то другие вопросы.

В такой напряженной обстановке они присели скромненько и заочно отметить день рождения Николая и заодно новую должность Олега. Но ему всё-таки не терпелось узнать, как у них дела, и Михаил вкратце поведал, что они уже отремонтировали два перехода и приступили к следующему.

Даже не допив бутылку, они решили ограничиться, перешли в комнату Михаила, где телевизор. Олег устроился в старенькое кресло и боковым зрением видел, как тот битый час корпел над документацией, разложенной на кровати. С каждой минутой всё больше чувствовалась его нервозность особенно по тем резким движениям, с которыми тот отшвыривал то одну бумагу, то другую, сопровождая всё это смачными выражениями.

– Чё, проблемы, Мих? – не выдержал Олег.

– Да тут не проблемы, а завал просто! Я уже не знаю, што делать. – нервозно ответил тот, – Вот, у нас только копии чертежей старого проекта. Этот переход был сварен из четырех трехградусных отводов и одного, в середине, шестиградусного, а у нас только шестиградусные. И главный инженер бурильщиков не знает, как делать. И заказчик меня достал уже, требует предъявить им ППР⁸ на согласование. А как я его сделаю, если нет проекта? Я чё и психую уже две недели, – наконец-то пояснил он причину своего гнева и давно упавшего настроения.

Даже на слух Олег понял, что ситуация действительно непростая. Он подтянул продольный профиль, посмотрел, а сам, не зная технических возможностей бурильной установки, даже подсказать ничего не мог. Хорошо зная, что открытым способом это сделать совсем не сложно, единственно траншеей придётся разрабатывать поглубже, а какие проблемы могут быть у бурильщиков, он даже не представлял. Но в любом случае нужен проект. Поэтому он и не собирался ломать голову и делать умную рожу.

– Да чё ты паришься? Бурильщики сами обязаны представить тебе свой пэпээр. Вот пусть сами и разбираются с заказчиком. И если они такие крутые, то должны иметь своих проектировщиков, и было бы неплохо, если б они сами сделали и проект и пэпээр. Нужно только озадачить их, и, если они хотят большие бабки грести, пусть и шевелятся. Отдай им эти чертежи, пусть решают, – твердо продекламировал Олег, если не единственно верный, то вполне рациональный вариант для данной ситуации.

– Да они ваще носом воротят, я ж с ними только по телефону общаюсь, и их главный инженер сам требует от меня проект. А мне пэпээр необходимо предъявить уже десятого числа, неделя осталась, вот в чём проблема-то! Тут просто вешалка! – вновь отбросил он бумаги и рванул на кухню.

Видя, что обстановка на самом деле накалена, Олег за ним.

– Мих, давай так. Договор у вас с заказчиком есть. По нему они обязаны обеспечить вас проектной документацией. Вот пускай и решают. Завтра же напиши им письмо, так, мол, и так, до настоящего времени, согласно такого-то пункта, вами не предоставлена проектная документация, и во избежание срыва и так далее, срочно гоните нам проект. Обезопасьте себя, пусть решают. И вабще какой им ещё пэпээр, если нет проекта? Пошли их на хрен. Пусть сами рожают. А чё Коля-то говорит?

– Да ничё! Говорю ж, полный завал. На хрен я вабще подвязался под это дело! – ещё больше продемонстрировал он свою злость, – Сам понимаешь, тако-ое кла-ассное дело! Такая тема, братан, обалдеть можно, лучше не придумаешь! Объёмов валом, такие бабки, только работай и работай. А тут сам видишь, сплошные нервы. А главное, што заказчик-то сам во всём этом виноват, – очень эмоционально выпалил он и опустил голову.

Олег посмотрел на него, а добавить-то нечего и предложить тоже.

⁸ Проект производства работ

– Ладно, Мих, ситуация не критическая, утро вечера мудренее. Завтра трясى Колю, пусть решает, ему только рывкнуть и проект за два дня сделают. Не переживай, а я спать.

Такая мелочь, а создала глобальную проблему всем без исключения.

«Ну, Коля! Ну завтра я тебе всё выскажу. Четыре месяца, четыре уже прошло, а он даже себе не решил с проектом. А там делов-то на неделю, не больше! Ну как так? И везде ж так. Сплошной бардак! А я ему, там нет и там, а тут, вот, пожалуйста, позорней не бывает, он даже для себя не заставил их сделать. Ну вот как это понимать? Да никак. На самом деле, завал! И ведь всё это придётся ж мне разгребать! А этот объект они сорвут, точно. Да ничего страшного, перенесут, да и всё, и попозже сделают. Да ну их... Ну, Коля! Всё, спать, здесь-то я им точно не помощник»

3

Утром Михаил подбросил Олега до УКСиРа, где филиал их отдела, а сам уехал по делам, пообещав проведать Николая. После знакомства с коллегами они перешли с Токаревым в его половинку.

– Ну, как съездил, всё нормально? – не из праздного любопытства спросил шеф.

– Да, конечно. И встретили хорошо и за два часа всё оформили, до обеда я уже вернулся в отдел, – изложил Олег, как и было.

– Ну и хорошо, а скажи, как часто тебе приходилось общаться с нашими коллегами? – задал он, как Олегу показалось, странный вопрос, потому что на первой встрече он подробно отмечал, что их требования были очень жёсткие.

– Да почти постоянно, мы ж двумя управлениями работали на семи-деяти объектах, и каждую неделю то плановая проверка была, то испытание, то еще что-нибудь, а чё?

– Да просто прикидываю, в каком объёме знакомить тебя с нашей деятельностью. А своя фирма у тебя есть? – неожиданно задал он и этот вопрос.

– Да, есть, – настороженно ответил Олег.

– А чем занимается? В нашей сфере?

– Да шас ничем, заморожена, я ж уехал. А раньше, так по мелочам, надо ж было кое-какой капитал накопить, а чё? – назвал он реальную картину, не понимая, с чем связано это прощупывание.

– Да так просто, у меня ж у самого две заправки. – призадумался он, – Ну ладно, всё понятно, – всё же удалось ему удивить Олега.

«А, Колёк, не полная у тебя информация. И вот, оказывается, почему у него такая репутация. Какие тут могут быть взятки? Он сам кому хочешь даст»

– Ну, надеюсь, про дисциплину напоминать не стоит? – построже спросил Токарев.

– Да конечно, шеф, – улыбнулся Олег.

– Ну и отлично. Да и по строительным делам мне тебя тем более учить нечему. А сегодня я хочу тебе рассказать некоторые нюансы, как надо правильно проводить проверки. Вот у нас нормативный документ, – показал он книжечку, – есть он и в электронке, я тебе все сброшу, и потом сам хорошо изучишь. А шас я назову три очень важных момента, о которых здесь нет ничего. Во-первых, проверка всегда и строго должна начинаться с личного представления только первому руководителю организации и предъявления ему нашего распоряжения на проверку, вот, – показал он бланк документа, – и вот сюда он собственноручно обязан вписать то лицо или несколько лиц, в сопровождении которых ты должен дальше работать. А если начальника нет на месте, но где-то рядом, ты обязан его дожидаться. Это очень важно, чтобы избежать любых спорных вопросов. А если он в командировке или в отпуске, затребуй приказ на лицо его заменяющее, сними себе копию и только тогда с ним ты будешь иметь дело. И все действия ты обязан проводить только в присутствии тех ответственных лиц, которых тот назначит, ну,

кроме посещения туалета, конечно. И никуда сам один не лезь. Второе правило, все нарушения обязательно фотографируй. А если какое-то нарушение допущено в документе, то делаешь себе копию. И третье, по окончании проверки готовишь проект предписания и выдаёшь им. Неважно, от руки его напишешь или напечатаешь. Пусть смотрят, изучают. Вообще все замечания должны обсуждаться на совещании с участием всех заинтересованных лиц, начальников служб. Главное, чтоб они собственноручно внесли какие-то поправки, если будут, и сами же указали в нём сроки их устранения и расписались каждый напротив своего пункта. Затем получаешь подпись начальника. Этот черновик уже становится документом. По нему ты уже оформляешь само предписание, которое потом не подлежит никакому сомнению и опротестовать его невозможно. Понял? – видимо, лишь для профформы спросил он.

– Да чё тут не понять-то? Конечно, понял, – не мог не согласиться Олег.

А дальше, как пошло, как поехало, у него голова кругом, и он только успевал делать заметки. Оказалось, нормативных актов столько, что о некоторых он и не слышал.

День пролетел почти незаметно. Михаил приехал чуть пораньше, и Олегу пришлось отпрашиваться. Сев в машину, он сразу определил, что у друга настроение несколько не улучшилось, а даже наоборот. Он заподозрил, что появились какие-то проблемы, не менее весомые, ведь тот собирался съездить на объект. Михаил молчал, и Олег ничего не спрашивал, ждал, когда тот сам всё расскажет. А тот упорно продолжал молчать. И Олег уже поймал себя на мысли – «да от кого я жду?». Ведь их Миша всегда отличался повышенной скрытностью. Именно о таких говорят, «не пускает в свой мир». А уж как он не пускал, таких поискать. Критику в свой адрес он не терпит вообще, особенно, если совершил какой-нибудь косяк. Единственное исключение – когда косяк получился комичный, тогда уж он от души тоже готов поржать. Особенно он не любит подколок, вообще никаких, и сразу так ерепенится, что мало не покажется. Насколько они были близки в институте, и то Олег сто раз подумывал перед тем, как пошутить над ним. А вот на любые другие темы – это он любил поболтать и всегда с азартом, особенно о политике и экономике или о футболе и, конечно, всё на довольно высоком уровне. Одна проблема – его речь всегда и сильно опережала мысли, а в сочетании с его особенностью, крупными губами, представляла собой звуки сплошного бубчания порванного барабана. И даже Олегу, знающему его ещё со школы и привыкшему к его бу-бу-бу, порой непросто уловить хотя бы смысл. А если он начинал быстричь, чем постоянно злоупотреблял, то совсем ничего невозможно было понять. В таких случаях Олегу обычно приходилось прерывать его своей фирменной фразой: «Миха, стоп. Ты же знаешь, я, у Канариса, не служил». Только после этого тот улыбчиво переходил на более-менее внятную дикцию. И в этом был весь или почти весь их Миха, настоящий феномен.

Так и не дождавшись пояснений, Олег был вынужден начать первым.

– Ну чё, как там Коля, виделся?

– Конечно виделся! В ванной он был. Только выглянул и сказал, што разговаривал с начальником ЛЭС и всё уладил, – выстрелил он сквозь зубы.

– Ну вот, а чё ты тогда злой-то такой? – не менее аккуратно постарался Олег его поддержать.

– Да чё, чё! Не знаю я! Он же ничё толком не объяснил, о чём и как он договорился. Сказал только, что завтра всё расскажет и что всё нормально. А как нормально? Пэпээр-то нужно делать и предъявлять! А как, кто будет его делать, я не знаю! Ну вот как работать-то, Олега? У меня сил уже нет..., – даже не пробубнил, а протарабанил он и пошёл крыть на чём свет стоит.

Тут уже Олег не отважился ни что-либо обсуждать, ни советовать и ни тем более требовать поехать и проведать друга, как собирался, потому что почувствовал, что, если хоть чуть-чуть создать искру, тот взорвётся, и не исключено, что разобьёт новую машину.

Полужинав в таких же тяжелых раздумьях, они разошлись по комнатам. Олег уже и не захотел смотреть телевизор и, чтобы не сидеть у друга над душой, принялся за изучение новых для себя нормативных документов. Но от их проблем, которые коснутся и его, ему так и не удалось избавиться. Опять он долго не мог заснуть.

4

Позавтракав, они пошли посмотреть новости. У Михаила звонок, он пошёл на кухню. Олег проводил его боковым зрением и видел, как тот резко остановился с искажённым лицом. Тут же раздался его непонятный ответ, и посыпалась отборная брань. Такое Олегу не в диковинку, сидит. Конечно, он понял, что случилось что-то серьёзное, подумав, что звонили с объекта. Уже подойдя поближе, Михаил ещё что-то буркнул, как обычно, и рванул опять на кухню, топая и гремя ещё пуще, даже табуретка грохнулась. Олег и на этот раз ничего не понял, поэтому специально сидел и ждал, когда тот соизволит повторить ещё раз и внятно. А тот что-то вновь прорычал издали и продолжал метаться. Олег упорно продолжал сидеть.

Михаил уже подошёл вплотную и выпулил:

– Ну, чё ты сидишь-то? Одевайся.

Олег уже не выдержал, вскочил и за ним на кухню.

– Да чё случилось-то?! – уже прокричал он сам.

А в ответ типа:

– Да коа-ума.

Разумеется, Олег опять не понял и уже собрался сам наехать на него, типа «что, нормальным-то языком нельзя сказать, что ли?», но вспомнил о его состоянии.

– Да чё ты сказал-то, Мих?! Я ж не понял тебя-а! – проорал он.

Тот повернулся, и Олег увидел его бешеные глаза и дрожащую нижнюю губу.

– Да чё ты не понял-то? Ко-оля умер! Это Юля звонила.

Уж теперь это прогремело как атомный взрыв. Олег мгновенно остолбенел и понял, как парализует током. Такого ощущения он не испытывал никогда. Руки, ноги онемели, а изнутри стала извергаться какая-то невыносимо противная зудящая мелкая дрожь и одновременно какой-то сильно пугающий леденящий холод стал растекаться по телу и долбить его всего так, что затряслось всё, что может трястись, и всё тело невероятно сильно зачесалось. И зачесалось так, что можно было сойти с ума. Нужно же скрести везде и одновременно, но это же невозможно. Он попытался растереть то руку, то шею, то живот, то спину, то ноги и не мог, не успевал и почувствовал, что силы покидают его, и он не устоит. Он тут же упал на одну из табуреток, не опрокинутых Михаилом.

«Да что он говорит-то?! Совсем... что ли? Да не может такого быть!»

А вслух не мог ничего сказать, язык просто окаменел. Он ещё не верит, ждёт, когда друг одумается и скажет что-то иное. Хотел заорать, а дыхание спёрло, он непроизвольно перестал дышать, ещё чуть-чуть и задохнётся.

– Уже в морг его увезли. Поехали, я сказал, што мы щас будем, – уже членораздельно подгонял Михаил.

Только сейчас Олег начал осознавать степень настигнувшего их горя. Хотел закричать, но не смог, ничего не мог. И тут же невольно вспомнил своё состояние, когда умер его отец. Автоматически сравнил и, к своему стыду, признал, что тогда он не чувствовал такого. И сам себя старался оправдать, что тогда это произошло вполне ожидаемо, ведь отец умер от рака, и последний месяц, взяв отпуск, он почти не отходил от него, потому что каждые четыре часа ему приходилось колоть лекарства.

А здесь другое, как будто он потерял что-то более близкое, как будто у него что-то вырвали из тела прям живьём.

Хотя в школе они не были так близки, ведь Коля не занимался спортом и не входил в их компанию, но совсем не случайно они вместе поступали в институт и оказались в одной группе, где Олег ходил с ним чуть ли не поводырём, особенно на экзамены. А сколько он вложил в него сил и переживаний неизвестно никому, лишь немножко Михаилу.

Опомнился он только в квартире, когда увидел занавешенные зеркала. Всё как в тумане, и он только слышал отдельные слова Юли, как она обнаружила его в семь утра, лежащего в коридоре, сразу вызвала скорую, но было уже поздно.

И здесь стояли те два «хорошие» незнакомца с Ныры.

– Здрасти, Даниф, – протянул руку среднего роста тот крепыш, который непонятной национальности.

– Здоров, – лишь сказал Олег.

– Анатолий, – представился второй и богатырь.

– Будем знакомы, – не стал дальше проходить он, понимая, что те стояли полукругом, возле дверей туалета, где и упал их друг.

Сразу стали обсуждать дальнейшие действия.

Олег с Михаилом поехали выбирать гроб, а те на кладбище. Вернулись, Олег первым вошел в квартиру, а тут Малофеев собственной физиомордией стоял посреди коридора в кругу одиннадцати явно своих подчинённых, в том числе и Казбека. Остальных он не знал, но догадался, что это местные начальники трёх управлений со своими замами.

Он стал здороваться по кругу. Дошла очередь до Малофеева.

– Да ты-то куда тянешь? Ты не достоин! – специально громко и брезгливо выдал он и продолжил, даже с Казбеком поздоровался последним.

И по его сильно побледневшему лицу и растерянными глазам он понял, что его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Повернувшись, он отчётливо увидел, как все тоже были невероятно ошеломлены.

Олег вернул взгляд на Казбека и пристально смотрел на него.

«Что, гадина, испугался? Да конечно, сообразил, мразь, что тебя могло постигнуть то же самое. Да скажи спасибо, повезло тебе, гнида, он тебя выручил, потому что был первый на очереди. Но ты следующий! Подожди еще чуть-чуть, урод. Я тебе отдельно такое устрою, что ты у меня вообще охренеешь!»

По безмолвию Петра все, конечно, поняли, что это произошло не просто так. И теперь Олег краем глаза увидел его бледную харю и трясущиеся руки.

«Что, тварь, получил? Да ничего-ничего, это ещё не всё, самое ужасное для тебя впереди, я тебя ещё не так уделаю, мразота!»

Все в растерянности, и было хорошо заметно, что им весьма некомфортно. Вдоволь насладившись, Олег сам не знал, о чём с ними говорить.

– Мих, поехали на кладбище ещё съездим, проверим как там.

И только они сели в машину, Михаила прорвало:

– Ну ты даёшь! Вот это ты его обосра-ал! Да такой рожи я ещё никогда не видел. Ты видел, как у него губы тряслись? Ещё б чуть-чуть и он зарыдал. Это просто вышка! А ты видал, как Ибаев на тебя смотрел, я думал, кинется.

А про то, что сделал осетин, Олег ему ничего не рассказывал.

– Он что ли? Ха-ха. Да он тоже своё ещё получит, поехали, не до них просто сегодня.

И только такой оценки Олег и жаждал. Но это произошло спонтанно. А если бы это не произошло сейчас, то обязательно в другой раз и в ещё более позорной для Петра обстановке. Вообще он планировал совершить такое перед каким-нибудь совещанием, в большом зале, где народу будет намного больше, твёрдо считая, что таких гадов нельзя прощать. Совершенно недопустимо, чтобы содеянное сходило им с рук. И он глубоко убеждён, что нужно всегда делать так, чтобы плинтус для таких мразей всегда находился на недостижимой им высоте, как

бы они ни старались карабкаться до него и, чтоб эти ничтожества всегда знали, что их место только в клоаке.

А лет восемь назад, общаясь с одним зубопротезником, у которого вся или почти вся городская элита была в приятелях, Олег назвал ему кляузника, который оклеветал его и сделал это уже второй раз. А о первом тот тоже слышал. И тогда он сказал: «Знаешь, Олеж, есть одна очень мудрая еврейская пословица – если тебе кто-то сделал говно, а ты возьми и сделай ему добро, и пусть он знает, что он говно! Так что сделай ему что-нибудь хорошее и тогда он поймёт, что он говно!»

Олег тогда сильно обалдел, но ничего не сказал, неудобно было, в гостях все-таки. А про себя он подумал. «Ничего себе мудрость! Очень уж хорошо напоминает другую еврейскую мудрость – «если тебя ударили по одной щеке, подставь другую», вообще возведенную в библейскую заповедь.

И сейчас он вспомнил того еврея, уехавшего три года назад в Израиль.

«Ага, да явно же они придумали их для себя и или под себя. Умники, нашлись! Ну конечно, чтобы вот так унижать и гнобить нормальных людей! Да это же извращение, самое настоящее, и не может быть приемлемым для любого здорового человека. Да сами вы живите по своим извращенным правилам, иуды! Как вообще до такого можно было додуматься? Ведь русскому человеку такой бред никогда и в голову не придёт. Какая-то мразь, значит, сделала тебе пакость, да даже не пакость, а невероятную гадость, а ты за это ещё давай, распинайся и делай ему добро, ага, да ещё и побольше, и почаще. Ну ересь же, самая несусветная!»

И Олег сильно пожалел, что тот Самуилович не был с ним сейчас рядом и не видел столь жалкий вид той гниды, и не испытал вместе с ним величину столь безмерного, просто неземного блаженства.

Друга они похоронили с достойными почестями. И не могло скрыться от него, сколько много людей искренне переживали это горе, для которых уход из жизни Николая стал личной трагедией. Было очевидным, что для очень многих, строивших свои жизненные планы вместе или рядом с ним, о чём Олег знал, всё рухнуло в один миг, точно также, как и его надежда на весомую помощь друга в борьбе с творящимся безумием. А последние месяцы он не раз думал, что может всё-таки лучше бросить затею с переходом в госнадзор и возглавить его фирму, но решил отложить. И остановился он на том, что сначала, пользуясь новыми полномочиями, надо добиться, чтоб здесь стали делать нормальный ремонт, а потом будет видно. А также он не собирался бросать свою фирму и рассчитывал с помощью Николая раскрутить её. И теперь, тоже всё подвисло.

Х глава

*Труд тысяч рук достигнет высшей цели,
которую наметил ум один.*

И.В. Гёте

1

Хорошо выспавшись после трёх почти бессонных ночей, он вернулся к стажировке. За эти дни дополнительно и сильно накаченный проблемой у Михаила, он решил не откладывать и торопился взять инициативу в свои руки.

После традиционного утреннего чаепития он сказал:

– Шеф, да ситуация с ремонтом совсем гиблая, нужно как-то заставить трансгаз разрабатывать нормальные проекты, а иначе этот бардак так и будет продолжаться.

Немного задумавшись, тот достал из ящика стола и протянул ему какие-то листочки.

– На, посмотри. Здесь вроде всё подробно расписано, этого же достаточно? – не очень уверенно спросил он.

Олег взял и от одного только названия – «Соглашение о правилах производства капитального ремонта...» – обомлел. А далее читая, он быстро понял, что именно оно и является ордером на всю эту вакханалию.

Оказалось, больше двух лет назад подписав этот документ, Токарев сам санкционировал этот бардак, согласовав, что требование к разработке проектов распространялось только на объекты ремонта подводных переходов и через авто и железные дороги, а для остальных достаточно всего лишь Проектов производства работ.

И Олег только старался подобрать слова, чтобы не засквернословить.

– Ну что, нормально же? – видимо, узрев по выражению лица Олега истинное его состояние, поинтересовался Токарев.

– Да это далеко ненормально, шеф! Оно же полностью противоречит вашему, а теперь нашему двести девяносто шестому эрдэ. Проекты обязаны быть на все объекты. Да и сам же знаешь, для получения разрешения на ремонт согласно этого эрдэ все проекты обязаны иметь заключение экспертизы. А так не пойдёт! И ещё нужно запретить ремонт на действующем газопроводе.

– Это почему?

– Как почему? – ещё больше удивился Олег, – Потому что подрядчики не имеют права работать на действующем!

Токарев уже ходил по кабинету, видно, что заволновался, но старался не показывать.

– Да с чего ты это взял-то?

– Да как с чего? Была у нас такая эпопея. Заставляли ремонтировать действующий цех. А я наотрез отказался. Давили, не то слово. Но бесполезно. В итоге мы просто по приказу передали им людей, и эксплуатация сама занималась. Наши люди работали под руководством их ответственных лиц. Всё это вроде в их правилах написано.

– Где?

– Да вроде такая красненькая книжечка, што-то про безопасность. Точно не помню, да они мне и на хрен не нужны были.

Токарев подошел к столу, опять выдвинул верхний ящик и подал действительно красную затертую книжицу.

– Вот, ищи, а мне нужно отъехать, – явно занервничал он и убежал.

Покрывшись обильной испариной и сильно переживая, что не угадал, Олег всё-таки нашёл эти пункты.

– Ну што? – ворвался Токарев через час.

– Да вот, пожалуста, пункты восемь двадцать пять или двадцать девять, любой.

Тот выхватил книжку и прямо через несколько секунд выпулил:

– Ну чё, аннулируем? – взял он в руки то «соглашение».

– Да-а, конечно, – с радостью отреагировал Олег.

Токарев показал на лежащий все эти дни перед Олегом толстенную подшивку.

– Так, возьми этот пэпэр, его принесли для согласования, проверь и напиши замечания, а я пока с этим займусь.

Олег с облегчением пододвинул подшивку и, пролистав, быстро выявил, что он также разработан в отсутствие проектной документации и состоял исключительно из набора разных технологических карт, как говорится, на все случаи жизни, а значит, уже противоречащих друг другу.

Минут через десять Токарев подал ему листок.

– Так пойдёт?

А это оказалось письмо об отзыве его подписи по тому «соглашению».

– Да, конечно, – восторжествовал Олег.

Токарев тут же его подписал и опять убежал.

Пока того не было, он написал, что отсутствуют проектная документация, заключение экспертизы на неё, и на этом основании указал, что сам ППР нелегитимен, а также ограничился тем, что отсутствует ведомость дефектов и раздел «Испытание».

Токарев вернулся уже в приподнятом настроении.

– Ну всё, вручил.

– А-а, понял. Ну а я вот, – тоже очень довольный подал Олег листок.

– А чё так мало-то?

– Да остальные и не стоит указывать, шеф, их тут на каждой странице по десятку и писать можно до бесконечности. Тут аж шесть техкарт по изоляции и по балластировке четыре. Поэтому просто нужен проект, где будут четко указаны конкретный вид изоляции и балластировка. И тогда лишние автоматически отпадут.

– Ну што, печатаем предписание? – ещё пуще взбодрился шеф.

– Да, – не меньше возрадовался Олег.

Токарев стал печатать, и Олег был поражён, как, совершенно не глядя на клавиатуру, тот набивал текст с неподражаемой скоростью. Опять через каких-то пятнадцать минут из принтера выскочили два листа. Этому Олег ещё больше обалдел.

– Шеф, а ты у Канариса не служил в молодости? – серьёзно спросил он.

– Чего? Какой ещё Канарис? А-а, это который абвером командовал, да? – недоумевая сказал он.

– Да, ну а чё, где ты так печатать-то научился? – уже не сдержался и заулыбался Олег, – У меня целое машбюро было и секретарш четыре, да и ваще я видел их сотни, но штоб так строчили, ни разу.

– Да не знаю, как-то вот так получается. – серьёзно сказал он, – Ну что, на обед?

Пообедав, они вернулись и ещё попили чайку.

– Ну что, пошли? – встал Токарев, взяв это предписание.

Вышли, и Токарев неожиданно повернул вправо, в соседний кабинет. Оказалось, здесь размещался тот самый заместитель Руднева по капремонту, Закиров. А вчера он всё время держался ближе к их компании, по-свойски и даже по-дружески общался с Михаилом и другими его одноклассниками, которые до сих пор жили в Светлоярске.

Заметно растерявшись, хозяин кабинета встал.

– Мы по делу, – сказал Токарев.

– Да, присаживайтесь, что будете, чай или кофе? – пошёл он к тумбочке.

– Не-не, спасибо, мы только что, и вот мы с предписанием, – положил он два экземпляра ему на стол.

Закиров вернулся, присел.

Кабинет скромный, в два раза уже и короче, чем у Токарева, и только с одним окном, и очень похоже, что здесь раньше была какая-то подсобка и не иначе как для уборщиц. Единственно, что придавало значимость его хозяину, весьма презентабельный стол. Но стоял он опять же как-то несуразно, посреди комнаты, у окна, а за его спиной было около двух метров пустоты, где только две тумбочки. На одной принтер, а на другой, справа в углу электрочайник с посудой. Конечно, он понял, что эту комнату ему выделили из того, что смогли наспех освободить, лишь бы хоть что-то предоставить. И этот кабинет был не только на другом от руководства этаже, а ещё и в тупике узенького коридорчика как аппендикса. Даже таблички не было.

Закиров, молча прочитав, также подписал и один экземпляр вернул Токареву.

– Ну всё, спасибо. – встал Токарев.

И они ушли. В столь странной покорности Закирова Олег заподозрил, что тот или ничего не понял или не осознал всей серьезности предъявленных требований, которые для него прак-

тически были «бомбой», и не сомневался, что именно такой эффект не заставит себя долго ждать.

Токарев опять куда-то засобирался. Вдруг заглянула та Надежда, его сокурсница, а не прошло и пяти минут.

– Можно, Сергей Валерьевич?

– Да, пожалуйста.

Она вошла, а за ней и Оля. Конечно было ясно, что Закиров уже успел выкатить им на головы этот «арбуз».

– Сергей Валерьевич, да мы по поводу вашего предписания, – начала Надежда как начальник отдела, – нам не совсем понятно, что от нас требуется. Ведь есть же соглашение, и мы же работаем по нему, а что теперь? – заунывно пропела она, оправдывая своё имя, ещё, видимо, веря в благополучный для них исход.

А Токарев, указывая на коллегу, заявил:

– Олег Владимирович вам всё объяснит, а мне, извините, нужно бежать, – подхватив свою барсетку, направился он к выходу и исчез.

– Ну, присаживайтесь, девчонки, – очень доброжелательно сказал он, давно жажда этой встречи, а тем более в своем новом качестве, – но сначала-то хоть расскажите, как поживаете?

– Олег Владимирович, да какая ещё жизнь, вот, – совсем неожиданно для него официально сказала Надя, слегка тряхнув этими листиками, – ну какие ещё проекты? – постаралась она говорить спокойно, но стонущий голос выдал степень её негодования.

Им явно было не до душевительных бесед. А Оля даже не поднимала глаз.

– У нас же нет изыскателей, и, если изыскания делать, уйдёт несколько месяцев. А этот объект вот-вот начнётся, с нас же щас кожу живём сдерут.

Олегу стало ясно, что никакого разговора с ними у Николая не было.

– Да ладно вам, – улыбнулся он, – до этого не дойдёт. Оль, ну а как там Анжела поживает? – чтобы хоть чуть-чуть разрядить обстановку, спросил он про её близняшку, которую, в отличие от них, он не видел вчера на похоронах.

– Да нормально, работает на компрессорной, семья, дети, – не захотела поддержать его главный инженер проекта.

Вполне понимая их незавидное положение хотя бы из-за огромного количества объектов, Олег ещё раз разложил им всё по полочкам, используя тот же ППР. Поэтому и никаких возражений не последовало.

– Да, вот так, девчонки, прорабы обязаны работать только по чертежам, а пэпээры это ж только для работяг, но и в них всё должно соответствовать проекту. А здесь нет никакой конкретики, по нему невозможно работать. Вот сами посудите, в дневную смену могут по вот этой карте работать, а в ночную, по другой. Не пойдёт так. Конечно, это не вы делали. Но если бы был проект, они б такого не наклеили тут. Так што, запрашивайте у эксплуатации копии чертежей. Лично я согласен, если вы прям на них будете наносить новые решения, а потом размножите. И за пару дней это любая ваша девочка сделает.

– Ну ладно, что ж, будем пробовать, – первая встала Надя.

Настроение у неё несколько не улучшилось, а Оля пошла еще мрачнее.

– Да всё у вас получится, не переживайте вы так. Кстати, с наступающим вас, – вдогонку бросил им Олег.

В ответ послышалось только двойное безрадостное спасибо.

2

Женский праздник, но Михаил стал собираться на Совет директоров. И Олег решил его поддержать.

– Мишель, ты там пожеще с ними, и, если начнут што-то придумывать, ты им скажи, прямо щас на стол протокол собрания учредителей о выделении мне двенадцати с половиной процентов акций, как обещал мне Демиденко, а потом будем разговаривать.

– Да, хорошо, но вряд ли што из этого получится. Они што-то затеяли, секретарша мне вчера сказала, да я и сам это чувствую, – совсем упадническим голосом ответил он.

– Да мало ли чё они там задумали, я-то это точно знаю, Коля мне сам лично об этом говорил. А если заартачатся, так и скажи им, давайте прервёмся, и езжай за мной, а я им всем там мозги быстро вправлю. Я их там так зашугаю, а я знаю как, так што никуда они не денутся.

– Ладно, посмотрю по обстановке, – вроде бы обнадеживающе сказал Михаил, но всё равно вышел явно без боевого настроения.

А вернулся он уже на такси. Зашел сам не свой.

– Ну чё? – встретил его Олег у входа.

– Да ничё, взял билет на поезд, вечерний.

– Да ты чё! А што они предъявили-то тебе? – стало невероятно обидно Олегу.

– Да сказали, што я виноват в срыве этого объекта. Но это ж не так, и там совсем другая причина, – на ходу выдавил он, идя в свою комнату.

– Ну я ж тебе говорил, надо было сразу сказать, протокол на бочку, и за мной ехать, – запереживал Олег еще больше, уже стоя возле телевизора.

– Да ну их... Не хочу я уже ничего. Всё. Гиблое это дело. Всё равно без Коли всё развалится, – очень эмоционально выдал он, собирая свои вещи.

Олег понял, что не стоит продолжать.

И вот они на перроне.

– Мих, ну чё, давай ко мне, фирма есть, будем экспертизы делать на проекты. Нужно только лицензию получить, но и с ней проблем никаких, я уже узнал. Дело тоже стоящее.

– Какие еще экспертизы?

– Да по промбезопасности, на проекты.

– Олег, ну ты ж видишь, я никакой, – изможденно пробурчал тот, – давай, через месяцок, я отдохну, и потом свяжемся. Ну всё, созвонимся, – совершенно разбитый полез он в вагон с двумя огромными сумками.

– Ну куда ты? Лезь, я подам, – выхватил их Олег, – Ну ладно, привет там Элле.

– Хорошо, передам.

Тот взобрался, принял сумки, и проводница закрыла дверь.

На этом весьма перспективная фирма прекратила существование, что станет известно в конце месяца.

3

С утра Токарев приступил к другим нормативным актам. На это ушло два дня.

В понедельник они поехали на компрессорную станцию, где совместно провели его плановую проверку. Затем Токарев повёз его в «свой» УКК, где тот сдал экзамен на осуществление преподавательской деятельности. На этом Олег посчитал, что стажировка закончена.

А когда вернулись, шеф подал ему бланк протокола об административном правонарушении.

– Вот, потренируйся, сам придумай какое-нибудь нарушение и составь.

Олег повертел его, покрутил и не знал с чего начинать.

– Шеф, а может не стоит? Я потом и сам, – решил он, что за свой вклад в общее дело с тем соглашением мог претендовать хоть на такую поблажку.

– Да сам ты не справишься, думаешь, легко? Ошибаешься. Ещё никто не справлялся. И я тоже. Давай, давай, я должен быть уверен, что ты готов правильно его оформлять.

Олег понял, что спорить бесполезно, и, вспомнив тот случай с наездом бульдозера на газопровод, стал выписывать на машиниста, что тот работал без наряда-допуска в охранной зоне действующего газопровода.

Только через полчаса он подал шефу заполненный бланк.

– Не, не пойдёт. Здесь нужно всё подробно расписать само нарушение, где, кто, когда и что и так далее, а не только указать эти пункты нормативных документов, которые он нарушил. Надо, чтоб всё было понятно любому обывателю, – подал он другой бланк, – давай еще раз.

С тем был такой же результат. У Олега уже психоз, и он стал писать на обычном листе. Ещё раз, и опять в урну. Она уже полная. Олегу стыдно до невозможности. А Токарев сделал вид, что занят. До обеда полчаса осталось, а у него никак не получалось расписать и подробно, и лаконично. Только с шестой попытки шефа устроило. Олег уже реально потом обливался. Спас обед.

– Так, Олег Владимирович, но этого недостаточно. Ведь он же не сам себе должен был выписать наряд-допуск, значит, еще должен быть виновным какой-то инженерно-технический работник, который не оформил его. Давай, и на него пиши, – заявил Токарев сразу по возвращению.

Скрепя сердце, Олег принялся за второй, на мастера. Канва есть, вроде легче. Через полчаса он подал проверить.

– Не-э, так тоже не пойдёт. Здесь ещё нужно указать пункт его должностной инструкции, который он не выполнил, и номер приказа, которым он назначен ответственным на этом объекте. А может его просто прислали на несколько дней, в помощь, а ответственным был прораб какой-нибудь. Понимаешь, всё должно быть чётко. Он же потом возьмёт и обжалует. Это у нас не приветствуется. Тогда с суда или с прокуратуры к нам будут приходить всякие нарекания. И нам придётся разбираться. А у меня времени на это нет. И на тебе тоже отразится, попадешь в разряд недобросовестных. А зачем тебе это? Мы же требуем от других качество и безопасность, значит, сами тоже должны всё делать грамотно и справедливо. Нельзя штрафовать лишь бы кого и как попало. А то есть у нас такие, возьмут, запугают кого-нибудь, оштрафуют, а тот и молчит. Не вздумай. Не солидно. Зачем тебе, чтоб о тебе слухи ходили? Только за дело! Давай, пиши всё четко, – строго прострочил Токарев.

Олег даже не подумал спорить, а сам уже сто раз пожалел, что согласился на эту работу. Ведь ему было гораздо проще выписать пять предписаний, чем один протокол.

– Ну а так-то пойдёт? – подал Олег, за час испортив еще три бланка.

– Вот, теперь сойдёт. Вот так и оформляй, не ленись, всё описывай подробно, – и стал Токарев сминать листки.

– О, ну зачем, шеф? Дай-дай сюда, пригодится, – запричитал Олег, решив использовать их впоследствии как образец.

– Да на. Ну что, отдыхать?

– А может я домой? – уже взмолился стажер.

– Не-не. Завтра еще экзамен, и если сдашь, тогда домой.

– Ну, понятно, – с недовольством стал складывать ноутбук Олег.

* * *

А с утра Токарев выдал ему ещё один бланк.

– Вот, ещё оформи постановление.

– Шо, опя-ать? – с серьёзным видом сказал Олег, а сам уже склонился и обхватил голову руками, пряча ухмылку.

– Давай, давай, не отвлекайся, – строго бросил Токарев.

На этот раз Олег уже справился с первого раза.

– Во, годится. Вот теперь я знаю, что будешь нормально выписывать. Ладно, с этим, надеюсь, ты всё понял. А теперь другой и очень важный момент. Выписывать приостановку работ

до пяти дней на объект ремонта нельзя. От слова совсем. Даже не пытайся! Мы сами, я или кто-то из руководства аннулируем его и всё. Объясняю. Был уже такой прецедент, меня вызывали в местное ФСБ и предупредили, что это недопустимо, так как газопровод останавливают на ограниченное время, а режим транспорта газа под их контролем. Ну, тоже понятно, надеюсь, международные контракты и так далее. Тем более, если газопровод остановлен, то угрозы свершения аварии уже никакой. И ещё запомни, ты вправе только выписывать предписание, оформлять протоколы и выписывать штрафы. На что-то другое у инспекторов нет никаких полномочий. Никаких писем, ни запросов вы писать не вправе. Единственно, если только по заданию руководства подготовить проект такого письма. Всё ясно?! – опять строго спросил он.

– Да, конечно, – недоумевая, кивнул Олег, – а как же двести девяносто шестое эрдэ? Ведь все грубейшие нарушения при строительстве и ремонте подлежат приостановке с направлением материалов в суд.

– Я тебе уже объяснил, забудь, – категорично фыркнул Токарев.

– Ну ладно, – всё равно был очень удивлен Олег.

– Так, а теперь самое важное. Чтобы исключить любые неприятности, я имею ввиду насчет обвинения тебя во взятке, всегда выдавай предписание. После проверки, это само собой, но и в других случаях тоже. Не ограничивайся одним устным указанием. Есть замечание, значит оформляй предписание, не ленись. А если будет предписание, тебя уже никто не сможет обвинить ни в чём. Понял? – ещё строже спросил шеф.

– Да, конечно.

– Да-да, всегда нужно себя обезопасить. А то тут всякие деятели, я-то знаю! На хвост кому-нибудь наступишь, вот они и постараются избавиться от тебя. Так что ухо остро держи. Ясно?

– Да ясно-ясно.

– Ну, вот теперь всё, иди получай штамп.

– А как же экзамен? – заулыбался Олег.

– Да ладно, езжай, достаточно с тебя, – парировал шеф.

– Окей, мне-то два раза повторять не надо, – очень довольный уже пихал Олег ноутбук в портфель.

– Кстати, если авария, хоть в каком ты будешь состоянии, ну праздник там или что, не страшно, езжай всё равно, зафиксируй всё и потом отдыхай. Понял?

– Да, конечно, – пожав руку, побежал Олег, хотя тут же поймал себя на мысли, что торопиться-то ему совсем и некуда.

4

Вернувшись, Рубицкий сразу поехал к Михееву просить кабинет. А оказалось, что по указанию трансгаза ему уже выделен в административном здании злополучной ЦДКС. Прошло восемь месяцев с той истории, память о которой по капельке всё-таки стала затухать. Но его клятвенно данное себе слово – отомстить её организаторам и жёсткий настрой нисколько не угасли. Того фирмача он так больше не видел, дедушке, как он посчитал, досталось сполна, остался только Ибаев. Но тот тогда так обделался, что не только сам уже не появлялся в этом регионе, и теперь его курировал другой заместитель, но и его фирма не работала. А уж о нём-то Олег не забыл и не забудет. И ещё было у него подозрение, что, скорее всего, к ней мог иметь отношение сам Михеев, ведь они в тесном тандеме работали.

Он вошёл в кабинет, где у окна стоял только маленький старенький черный столик, за ним стул и справа от них такой же облезлый и даже без одного стекла книжный шкаф, и больше ничего. На давно рассохшиеся полы и облезлые протёртые до штукатурки панели тоже без слёз не взглянешь, всё затоптано и обшарпано, что проглядывались предыдущие слои краски. В

углу за дверью он разглядел торчащий гвоздик, снял куртку и кое-как повесил. А шапку ему пришлось положить на стол. Оценив эту убогость, он достал из портфеля ноутбук, папку с документами, взял альбомный лист, положил на подоконник и на него шапку, специально, чтоб все, кто войдёт, видели, что здесь даже элементарной вешалки нет. Тронул стул, тот зашатался и неслабо. Обстучал, вроде пойдёт, присел.

«Что, думаешь, буду просить? Да не угадал ты! Я и на таком посижу! Посижу-посижу, как говорится, не место красит... Так, а теперь, с чего мы начнём? А начнём с того, как говорит Рубцов, что мы абсолютно трезвые! Та-ак, по порядку, что мне нужно? Телефон есть, провод вот торчит, после обеда привезу и сам подключу. Что ещё? Чайник тоже есть. А вот розетка одна, ага, значит, нужен тройник. Еще и вешалку, сейчас на обед поеду, зайду и куплю. Так, нужно убрать, несерьезно»

Олег встал и переложил шапку в шкаф. Опять сел и взял листок.

«Так, запишем, чай, сахар, чайник, вешалка, кружка. А даже если ты и не причастен к тому, я всё равно тебя проучу, и проучу только за то, что ты связался с Ибаевым. Вы думаете, вы тут сами себе хозяева и можете творить всё, что вам вздумается? Да банан вам всем. А ты хоть знаешь, что я больше всего люблю на свете? Не знаешь. Не пельмени, не мороженое, не женщин и не деньги. А больше всего я люблю проучивать вот таких зарвавшихся как ты! И ты это заслужил. И ещё я проверю исполнительную по этому цеху, у меня всё записано, и, если вы не устранили хоть один дефект, я тебя просто на ноль помножу! Да и вешалку не буду покупать! Ты сам, лично, принесёшь мне её!» – и вычеркнул он только её.

5

Закончив с обустройством, и чтоб узнать обстановку, он набрал Брагину.

– Да.

– Здравствуйте, Галина Николаевна.

– О, привет, а я смотрю, наш номер высветился, он же у нас у кого-то был. Ну что, можно поздравить? – она всегда была с ним на ты, а тут никак не решилась назвать.

– Ну наверно, не знаю, – заулыбался Олег.

– Да-а, и уж теперь-то нам, наверно, вообще ничего хорошего не светит?

– Да ладно. Уж Вам-то, лично, не стоит волноваться.

– Да? Ну, спасибо и на этом.

– А у вас-то как дела?

– Да как обычно, ничего хорошего. Ну если не считать, что на Грязовец уже вышли и сразу тремя подрядчиками, проект есть, – добавила она, вспомнив его наставления.

– Ясно. А экспертиза-то на него есть?

– Нет, пока не получили, ждём. Я звонила в Подгорск, обещают.

– Галина Николаевна, ну я ж Вам говорил, чтоб оградить себя, у вас хотя бы письмо должно быть, что вы требовали её.

– Да, письмо есть, есть, я его ещё осенью отправляла.

– О, ну тогда пойдёт, – только теперь успокоился Олег, – а разрешения значит нет, и объект у нас не зарегистрирован?

– Да-а. Но в этом-то я уж...

– Да, конечно. Ну ладно, всё тогда у меня, всего доброго.

– Спасибо.

Об этом Олег сразу сообщил Токареву. Прошли сутки. Только к концу дня пришло Распоряжение на проведение *целевой* проверки этого объекта и совместно с Токаревым, так как его стажировка официально не закончилась.

Утром он у Михеева, тот вписал в него ответственных инженера технадзора группы РиНС Коровина и инженера ЛЭС Белкина.

Подъезжая, ещё издалека по стрелам трубоукладчиков Олег определил, что наконец-то обещание Николая сбылось. И вот УАЗ-батон поравнялся с изоляционной колонной.

– Что за фирма? – спросил он, выходя из машины.

– Сириус, – ответил Коровин.

Сразу подбежал в сером длинном пуховике мужчина лет под сорок.

– Здравсти, Олег Владимирович, начальник участка Надиев Игорь Маратович, – резво представился он, и ясно, что его предупредили.

Вида Олег не показал, но слегка удивился столь странному сочетанию его имени с такой фамилией и отчеством.

– Здравсти-здрави, ну, показывайте, што вы тут нарабо-отали? – специально сделал он ударение, видя, что на уже очищенной от старой изоляции трубе много ржавчины.

– Да всё нормально, содрали всю старую изоляцию, и вот, уже триста метров заизолировали, – несомненно уловил тот претензионную нотку в голосе Олега, поэтому сам себя и похвалил.

– Вижу-вижу, а чё стоим-то? – заподозрил он какую-то хитринку.

– Да ничего, просто Вас увидали, щас пойдём, – уверенно держался тот, – иди, скажи им, пусть продолжают, – дал он команду ровеснику.

– А это кто? – спросил Олег.

– Мастер мой, Санин Петр Михалыч.

Ждать пришлось с минуту. За это время Олег узнал, что они из Сургута, что ПППра нет, а рабочие не аттестованы по промбезопасности. К работе установки подогрева претензий не было, пламя достаточное, аж завывало, а главное, не чадило и не оставляло на трубе сажи. И сейчас мимо них проходил изолировочно-очистной комбайн.

– И вот это вы называете, нормально? – возмутился Олег, видя, что с оставшейся ржавчиной комбайн не справлялся.

А сам уже достал фотоаппарат и снимал.

– А што тебе не нравится-то? – недоумевая сказал Надиев.

За столь наглое панибратство Олег решил не делать ему замечание.

– Что значит, не нравится, а какая должна быть очистка?! – спросил он очень строго.

– Как какая? Нормальная же, – заюлил тот, стреляя глазами на Коровина и Белкина и явно рассчитывая на их поддержку, чем вчистую сдал их.

Олег лишь улыбнулся над его неуклюжей изворотливостью. А сам невольно и даже не за это уже проникся к нему уважением, потому что знал, что перед ним самый настоящий трудяга, который организовал работу не просто в каком-то чистом поле, а в самой натуральной тундре, за сто километров от ближайшего населенного пункта, и что забот у него и хлопот больше, чем у всех вместе взятых работников этого ЛПУ, которые по сравнению с ним просто бездельники. И это не только его личное мнение. Так считали все строители, которых знал он. А главное, стали понимать это и те, кто ранее работал в эксплуатации, а затем им пришлось волею судьбы стать строителями.

Ведь наверняка одних только бытовых вопросов у него было изначально и остаётся бесчисленное множество, начиная с расселения людей, организации питания, вопросов с помывкой, да и других, хоть и поменьше, но всё равно важных, и до очень серьёзных проблем с обеспечением горючкой, запчастями, материалами, которых всех вместе всегда у строителей выше крыши. Даже достаточно сломаться какой-нибудь железячке, и может встать вся работа, а эту хахаряжку сейчас, когда нет централизованных поставок, найти не просто, тем более в чужом городе. И еще Олег отлично знал, что ему приходится крутиться и вертеться похлеще чем белке в колесе, потому что той нужно бегать лишь в одной плоскости, а ему в несколь-

ких, и число которых зависит от ситуации, но однозначно во многих. И если до этой минуты он крутился только в двух направлениях, зависящих от желаний заказчика и от требований технадзора, то сейчас ему придётся вращаться в сторону, которую установит он. А то, что тот только что совершил – смерти подобно. Ведь заказчик ему не простит такую подставу, и теперь он только преумножил свои проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.